ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2020 9 (838)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

9

выпуск 838

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

9

Issue 838

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА: ПРАГМАТИКА, КОГНИТИВИСТИКА, ПОЛИКОДОВОСТЬ

Анищенко А. В.
Моделирование эмотивных смыслов в немецкоязычных фильмах с аудиодескрипцией 11

Данилин А. С., Афанасьев С. Е., Вишняков Д. А.
Особенности перевода военных терминов с английского языка на русский 23

Дидык Б. В., Фахретдинова Э. А., Лешин А. Г.
Особенности перевода званий военнослужащих ВС РФ и США как основы для установления статусно-ролевых отношений между ними 35

Калаши Нахидех
Лингвокультурный концепт «стол» в персидском и русском языках 44

Косиченко Е. Ф., Старостина А. Д.
Фейковые новости как способ конструирования социально значимого события в СМИ (на примере новостных заголовков) 58

Куницына О. М.
Особенности построения и восприятия поликодовых текстов в современной коммуникации 69

Курьянова И. В., Гусакова Ю. А.
Интернет-коммуникация как особая разновидность дистантного опосредованного дискурса 83

Найок О. Б.
Средства смысловой целостности и прагматического воздействия в иллюстрированном эссе 93

Нешкес О. В.
К вопросу об историко-дипломатическом дискурсе: статус и проблемы лингвистического исследования (на материале испанских дипломатических документов второй половины XVIII века) 108

Попова М. В.
Коммуникативная значимость интерференции на суперсегментном уровне 117

Прокофьева О. Н.
Отражение зрительных паттернов в описательном дискурсе: экспериментальное исследование 131

Токарева Н. Д.
Коммуникативно-прагматические особенности использования стилистических средств в медийных статьях при освещении чрезвычайных ситуаций (на материале британской прессы) 145

Ускова Т. В., Викулина М. А., Моисеенко Л. В.
Восприятие компонентов судопроизводства начинающими юристами (на основании ассоциативного эксперимента) 160

Шмелева Е. С.
Фреймовые модели каламбура в интернет-мемах 173

Шпетный К. И.
Проявление поэтического начала в политических дискурсах Д. Трампа 184

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Потапова Р. К., Джунковский А. В.
Опыт проведения перцептивного эксперимента на материале поликодовой мультимодальной базы данных 200

Жданович М. А.
Критерии отбора текстов для создания электронного англоязычного корпуса по информационным технологиям 209

Комалова Л. Р.
Особенности восприятия интернет-коммуникации реципиентами, не вовлеченными в общение 221

Мотовских Л. В.
Выделение ключевых слов для классификации текстов 235

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бондарев А. П.
«Дядя Ваня» – сказавшаяся пьеса А. П. Чехова 243

Толкачев С. П.
«Метафизика присутствия»: философский контекст романа
А. Гоша «Калькуттская хромосома» 258

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Тёмкин В. А., Подольская И. А.
Культура средневекового паломничества в образах искусства 269

Тумин А. Д.
Española: наследие рыцарской Испании
vs. отголосок «черной легенды» 285

CONTENTS

LINGUISTICS

LINGUISTICS: PRAGMATICS, COGNITIVE STUDIES, POLYCODE CONTENT

Anishchenko A. V.
Simulation of Emotive Meanings in German-Language Films with Audio Description 11

Danilin A. S., Afanas'ev S. E., Vishnjakov D. A.
Features of the Translation of Military Terms from English into Russian 23

Didyk B. V., Fakhretdinova E. A., Leshin A. G.
Special Aspects of Translating the Russian and the US Military Ranks as the Basis for the Establishment of Status and Role Relations between Them 35

Kalashi Nahideh
Linguocultural Concept "Table" in the Persian and Russian Languages 44

Kosichenko E. F., Starostina A. D.
Fake News as a Means of Structuring Social Events (an analysis of news headlines) 58

Kunitsyna O. M.
Features of Construction and Perception of Multimodal Texts in Modern Communication 69

Kuryanova I. V., Gusakova Y. A.
Internet Communication as a Special Type of Distant Mediated Discourse 83

Nayok O. B.
Means Ensuring Coherence and Pragmatic Effect in Illustrated Essay 93

Neshkes O. V.
On the Issue of Historical Diplomatic Discourse:
the Status and the Key Issues of Linguistic Research (based on Spanish
diplomatic documents of the second half of the XVIII century) 108

Popova M. V.
Communicative Significance of Phonetic Mistakes
at the Suprasegmental Level 117

Prokofieva O. N.
Traces of Visual Patterns in Descriptive Discourse:
Experimental Study 131

Tokareva N. D.
Communicative Pragmatic Peculiarities of Stylistic Devices
in Media Articles on Emergency Situations
(on the material of British press) 145

Uskova T. V., Vikulina M. A., Moiseenko L. V.
Perception of the Elements of the Judicial Process
by Commencing Lawyers (based on the association experiment) 160

Shmelyova E. S.
Pun-Forming Frame Models in Internet Memes 173

Shpetny C. I.
Traits of Poeticalness in the Political Discourse of Donald Trump 184

CURRENT ISSUES OF THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Potapova R. K., Dzhunkovskiy A. V.
On Conducting a Perceptual Experiment
Based on Polycode Multimodal Database 200

Zhdanovich M. A.
Text Selection Criteria to Create an Electronic English Corpus
for Information Technologies 209

Komalova L. R.
Peculiarities of Bystanders' Perception
of Social-Network Communication 221

Motovskikh L. V.
Extracting Keywords for Text Classification 235

LITERARY STUDIES

Bondarev A. P.
«Uncle Vanya» – a Spoken Play by Anton Chekhov 243

Tolkachev S. P.
"The Metaphysics of Presence": the Philosophical Context
of A. Ghosh's Novel "The Calcutta Chromosome" 258

CULTUROLOGY

Tyomkin V. A., Podolskaya I. A.
Culture of Medieval Pilgrimage in Art Images 269

Tumin A. D.
Espanolidad: the Legacy of Chivalrous Spain
vs. the Echo of the Spanish "Black Legend" 285

ЛИНГВИСТИКА: ПРАГМАТИКА, КОГНИТИВИСТИКА, ПОЛИКОДОВОСТЬ

УДК 81'373

А. В. Анищенко

кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: allan031@yandex.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭМОТИВНЫХ СМЫСЛОВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ФИЛЬМАХ С АУДИОДЕСКРИПЦИЕЙ

Отсутствие визуального канала трансляции информации для реципиентов с нарушениями зрения может быть компенсировано доступными для них средствами. Возможность доступа к визуальной информации обеспечивает им аудиодескрипция (тифлокомментирование). В статье на материале немецкоязычных телевизионных фильмов анализируются способы передачи эмотивной информации посредством аудиокомментария, в процессе создания которого происходит селекция эмотивной информации и адаптация к новым коммуникативным условиям.

Ключевые слова: тифлокомментирование; аудиодескрипция; репрезентация эмоций; эмотив.

A. V. Anishchenko

PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: allan031@yandex.ru

SIMULATION OF EMOTIVE MEANINGS IN GERMAN-LANGUAGE FILMS WITH AUDIO DESCRIPTION

The lack of a visual channel for transmitting information can be compensated by means, available to the recipient with visual impairments. In this case audio description provides the ability of accessing visual information. In this article the methods of transmitting emotive information through audio commentary are being

CC BY

analyzed on the material of German-language television films. Selection of emotive information and its adaptation to new communicative conditions take place in the process of audio commentary creation.

Key words: audio description; representation of emotions; emotive.

Введение

Визуализация информационного пространства как тенденция современного общества, делающего ставку на увеличение темпов трансляции информации, представляет собой вызов, а зачастую непреодолимую преграду для людей с нарушениями зрения. Обеспечение доступной информационной среды для лиц с ограниченными возможностями является одним из важнейших приоритетных направлений государственной политики в области социальной защиты инвалидов, которая строится в соответствии с ратифицированной Россией в 2012 году «Конвенцией о правах инвалидов (от 13 декабря 2006 года)» [Конвенция о правах инвалидов URL] и констатирует необходимость принятия мер для обеспечения доступа людей с ограниченными возможностями к произведениям культуры, телевизионным программам, фильмам, театру и другим культурным объектам и мероприятиям в доступных форматах; снабжение инвалидов информацией с использованием технологий, учитывающих разные формы инвалидности; развитие надлежащих форм оказания помощи и поддержки, обеспечивающих инвалидам доступ к информации и др. Зафиксированные в Конвенции положения нашли отражение в государственной программе «Доступная среда»[1] и других законодательных актах Российской Федерации и дали толчок развитию тифлокомментирования как социально значимой услуги, обеспечивающей доступ инвалидов по зрению к визуальной информации путем речевого описания визуальной составляющей объектов или событий (см. Федеральный закон № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов»[2], а также Федеральный закон №34-ФЗ

[1] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 N 363. Справочно-правовая система «Консультант Плюс» / Компания «Консультант Плюс». Последнее обновление 28.12.2019.

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о

«О внесении изменений в статьи 8 и 9 Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»[1], согласно которому необходимо осуществлять обязательное тифлокомментирование полнометражных национальных фильмов, создаваемых в художественной и анимационной форме).

Создание доступной среды для людей с ограниченными возможностями по зрению является не только целью государственной политики, но и важной научной проблемой для исследователей в области средств массовой информации и коммуникации, лингвистов, тифлопедагогов и тифлопсихологов. Отметим, что в настоящее время в России отсутствуют как системные научные исследования в области тифлокомментирования (аудиодескрипции), так и единообразие в терминологии [Борщевский 2018, с. 48], несмотря на принятый Национальный стандарт Российской Федерации «Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения» [ГОСТ Р 57891–2017 URL]. Поскольку материалом данного исследования послужили немецкоязычные фильмы, а в качестве теоретической базы были использованы работы немецких лингвистов, мы будем использовать термин «аудиодескрипция», понимая под ним звуковое описание предмета, пространства или действия, облегчающее процесс восприятия визуальной информации.

В Германии, где включение художественных фильмов и программ других форматов в сетку телевизионного вещания и кинопрокат стало масштабным уже с 2013 года, накоплен большой опыт практической деятельности в области аудиодескрипции. Изучение и использование немецкоязычных практик создания аудиокомментариев для людей с ограниченными возможностями по зрению будет способствовать улучшению качества тифлокомментариев отечественных фильмов, а также созданию основ тифлокомментирования на иностранных языках или производства тифлокомментирования иностранных видеоформатов на русском языке. Таким образом, актуальность предлагаемого

правах инвалидов // Федеральный закон от 01.12.2014 N 419-ФЗ. Справочно-правовая система «Консультант Плюс» / Компания «Консультант Плюс». Последнее обновление 01.12.2014.

[1] О внесении изменений в ст. 8 и 9 Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» // Федеральный закон от 28.03.2017 N 34-ФЗ. Справочно-правовая система «Консультант Плюс» URL / Компания «Консультант Плюс». Последнее обновление 28.03.2017.

исследования видится в необходимости разработки методов и принципов отбора, анализа и систематизации визуальной информации для ее преобразования в аудиальную информацию аудиокомментария (тифлокомментария).

Материал исследования и процедура анализа

В фокусе предлагаемого исследования находится разработанный специально для людей с ограниченными возможностями по зрению способ коммуникации, включающий отбор информации, необходимой для понимания происходящего, ее компрессию и преобразование в аудиальную, которая передается при помощи дополнительного аудиального канала. При этом подвергшаяся обработке информация не только должна передавать смыслы недоступного реципиенту с нарушением зрения визуального ряда, но и соответствовать техническим параметрам исходного текста: она должна «вписываться» в паузы между репликами и звуковым фоном исходного текста и образовывать с ним гармоничное целое. Таким образом, в качестве главной задачи аудиодескрипции можно назвать создание сбалансированного, не нарушающего восприятие оригинального фильма текста-описания мест происходящих событий, персонажей фильма, их действий и реакций.

Специфика этого способа коммуникации состоит в том, что транслируемые смыслы не передаются реципиенту буквально, а воссоздаются с учетом его личных особенностей восприятия и всей коммуникативной ситуации. Б. Бенеке указывает на то, что традиционная модель коммуникативной ситуации при наличии аудиокомментария, предназначенного для реципиентов с нарушением зрения, модифицируется, поскольку аудиодескриптор как субъект коммуникации транслирует реципиенту текст, представляющий собой симуляцию своего собственного визуального впечатления (*Erlebnissimulation*) [Benecke 2014].

Цель данного исследования заключается в выявлении способов аудиального описания эмоциональных состояний и реакций действующих персонажей художественного фильма, предназначенного для просмотра людьми с нарушениями зрения. При этом конвенциональный художественный фильм, где актерами детально воспроизводятся все особенности эмоциональной экспрессии, рассматривается как наиболее полноценный аналог естественной коммуникации.

Материалом исследования стал немецкоязычный художественный телевизионный сериал «In aller Freundschaft. Junge Ärzte», повествующий о буднях молодых врачей и являющийся ответвлением (*spin-off*) одного из самых успешных сериалов на немецком телевидении «In aller Freundschaft» (23 сезона, более 890 серий). Мы исходим из того, что среднестатистический телесериал динамичен, эмоционально насыщен, ориентирован на диалог как форму коммуникации действующих персонажей и может стать богатым источником для анализа языкового выражения эмоций. Детальный анализ был проведен на материале трех 45-минутных серий («Hänsel und Gretel» (серия 37) [In aller Freundschaft. Junge Ärzte: Hänsel und Gretel URL]; «Wunder» (серия 42) [In aller Freundschaft. Junge Ärzte: Wunder URL]; «Klare Verhältnisse» (серия 45) [In aller Freundschaft. Junge Ärzte: Klare Verhältnisse URL]).

В процессе анализа были выделены эмотивные эпизоды, т. е. видеофрагменты, где имела место трансляция какой-либо эмоции. Как правило, такие эпизоды характеризуются сменой места действия, изменением в положении и поведении действующих персонажей. В каждом эмотивном эпизоде, сопровождаемом аудиодескрипцией, путем контекстуального анализа также были выделены эмотивы (вербальные или невербальные элементы, описывающие или выражающие эмоции).

Фильм с аудиодескрипцией как особый формат художественного фильма

Фильмы с аудиодескрипцией (звукофильмы, фильмы с тифлокомментированием; нем.: *Hörfilme*) – это кино- и телефильмы, которые, помимо изображения и текстового содержания соответствующего фильма-оригинала, снабжены звуковым описанием, своего рода «акустическими субтитрами» (*akustische Untertitel*), помогающими слабовидящим и слепым реципиентам понять фильм [Fix 2005]. Эти акустические субтитры, которые интегрированы в фильм как дополнительный звуковой канал, являются языковым описанием визуальных объектов и действий, которые обеспечивают адекватное понимание сюжета фильма. Акустический комментарий сопровождает сюжет оригинального фильма и содержит информацию о местоположении (сюжет, пейзаж, атмосфера, обстановка и декор), времени (время года

или день, эпоха), людях (внешний вид, выражения лица и жесты), действиях персонажей (поведение и реакции). Такого рода описания делают визуальные процессы понятными для слабовидящих зрителей.

В 2016 году в результате консультаций с инвалидами по зрению в Германии были разработаны нормы и рекомендации для телевизионных каналов, отражающие гетерогенность целевой группы. В качестве главной задачи аудиодескрипции признано достижение приемлемого баланса при описании наиболее важных локаций, действующих персонажей, их поведения и реакций без ущерба для восприятия оригинального текста. Эти принципы, согласованные телевизионными компаниями Германии, применяются к созданию звуковых описаний. Некоторые из этих рекомендаций имеют отношение к проблематике настоящего исследования, так как регламентируют способы передачи эмоций в текстах аудиокомментариев. Например, голос аудиодескриптора должен сохранять объективность и нейтралитет, что позволит реципиенту выработать собственное представление о сюжете и персонажах; стилистически и лексически аудиокомментарий должен соответствовать оригинальному тексту, не содержать оценочных суждений, быть компактным; описания, не имеющие отношение к действию должны исключаться из комментария.

Эмоции в фильме с аудиодескрипцией

Поскольку художественные фильмы предназначены для массовой аудитории и должны быть понятны как можно большему числу реципиентов, будем исходить из того, что формы реализации эмоций в художественном фильме являются конвенциональными и могут быть смоделированы. Использование традиционных способов и средств гарантирует, что обработка полученной информации во время просмотра фильма пройдет гладко, так как этот процесс затрагивает схемы, которые могут быть легко активированы большинством зрителей; при этом создаются ожидания и предположения, которые в конечном итоге удовлетворяются и подтверждаются [Schick 2018].

Эмоции, отображаемые на экране, вызывают ответную эмоциональную реакцию зрителя, что превращает художественный фильм в своего рода эмоциональное событие. Это относится в большой степени и к фильмам с аудиодескрипцией, задача которой заключается в том, чтобы сделать недоступную визуальную информацию

узнаваемой и понятной для слепых и слабовидящих реципиентов. В таком фильме эмоции на экране описываются с учетом возможностей восприятия получателя; их вербализация строго регулируется рамками звукофильма как типа текста. Его важной характеристикой является тесная интертекстуальная связь с текстом фильма-оригинала, без которой текст аудиокомментария был бы невозможен и не имел бы смысла [Poethe 2005]. Этот тезис представляется важным для анализа трансляции эмоций, поскольку функциональная специфика типа текста *звукофильм / Hörfilm* определяется интенцией преобразовать визуальные знаки в языковые формы.

Задача акустического комментария как компонента звукофильма состоит в том, чтобы сигнализировать о наличии эмоции настолько нейтрально и объективно, насколько это возможно, и дать реципиенту возможность самостоятельно определить модальность и интенсивность соответствующей эмоции. Реципиент делает свое суждение на основе жизненного опыта, социальной компетентности и эмоционального интеллекта. Знание о том, какие эмоции могут ощущаться в данной ситуации и как кодируется та или иная эмоция, приобретается им в процессе социализации и влияет на восприятие и интерпретацию эмоций в фильме с аудиокомментарием.

Эмоции, которые в настоящем исследовании понимаются в широком смысле как сознательные или бессознательные реакции людей на объекты и ситуации действительности, составляют важную часть нашей повседневной жизни. В традиционной непосредственной коммуникации эмоции имеют три формы реализации:

– невербальное выражение в виде мимики и жестов (смех, плач, хмурый взгляд и т. д.);
– физиологические проявления, которые сопровождают эмоциональные реакции (частота сердечных сокращений, кровяное давление, повышенное потоотделение, покраснение кожи, расширенные зрачки и т. д.);
– вербальные формы выражения на разных уровнях языка (использование междометий, эмотивов и т. д.) [Schwarz-Friesel 2013].

Поскольку визуальный канал передачи информации для реципиента с нарушением зрения недоступен, визуально воспринимаемые эмоции должны быть перекодированы и объективированы

в аудиокомментарии с использованием доступных языковых средств. Как сложный когнитивный процесс обработки визуальной информации и ее кодировки в языковые символы, т. е. в единицы другой семиотической системы, аудиодескрипцию художественного фильма можно рассматривать как форму интерсемиотического перевода [Борщевский 2019].

В предлагаемом исследовании мы обращаемся к лингвистическим аспектам трансляции эмоций и анализируем способы языкового выражения эмоциональных реакций или состояний в текстах аудиокомментариев. Мы исходим из того, что эмоции в языке объективируются следующими способами:

– как номинативы, которые называют реакцию или внутреннее состояние (страх, отвращение, радость, грусть и т. д.);
– как дескриптивы, которые описывают эмоции и их экспрессию (разрыдаться, засмеяться, покраснеть и т. д.);
– как экспликативы, которые выражают эмоциональные реакции (*Ах! О боже! Кошмар!* и т. д.) [Шаховский 2008].

Интерпретация результатов исследования

Аудиокомментарий в фильме для реципиентов с нарушением зрительной функции представляет собой результат интерсемиотического транскодирования. Визуальная информация исходного фильма подвергается перекодированию в соответствии с текущими условиями коммуникации и преобразуется в языковые знаки, доступные для восприятия реципиентом.

Ведущим каналом передачи эмотивных смыслов остается аудиоканал 1 (АК 1), аудиоканал исходного текста, который транслирует как вербальную, так и паравербальную информацию. В качестве вспомогательного канала, выступает аудиоканал 2 (АК 2), выполняющий компенсаторную функцию и транслирующий дескриптивно информацию об эмоциональном состоянии действующих персонажей, их жестах, мимике, тактильном поведении, местоположении в пространстве, имеющих эмотивное значение и передающихся в оригинальном фильме исключительно визуально.

Анализ текстов аудиокомментариев позволяет сделать заключение о преобладании описаний элементов невербальной коммуникации, имеющих диффузный характер и требующих дополнительной вербальной

или паравербальной конкретизации. Так, например, фрагмент аудиокомментация *Sie zittert* (*Она дрожит*) является языковой реализацией симптома эмоциональной реакции и может быть отнесен к различным эмоциям в зависимости от контекста (страх, гнев, влюбленность). Нейтральные краткие предложения аудиокомментария, как правило, сигнализируют о наличии эмоции, не идентифицируя ее:

Abrupt senkt Julia den Blick.
Langsam schwindet ihr Lächeln.
Ben hebt die Brauen.
Er grinst.

Такой вид вербализации кинем посредством аудиокомментария заполняет паузы в исходном тексте фильма (АК 1) и помогает компенсировать его многомерность. Визуально воспринимаемые признаки эмоций, такие как движения мышц лица (мимика), конечностей (жесты), всего тела (пантомимика) и вегетативные процессы кожи (покраснение, побледнение) также передаются в аудиокомментарии. Отметим преобладание описаний движения глаз, что свидетельствует о роли окулесики в невербальной коммуникации. Большинство фрагментов аудиокомментария описывают зрительный контакт между действующими лицами или коммуникативно значимые движения глаз, которые также говорят о наличии эмоции, не называя ее:

Grübelnd bewegt Niklas die Augen.
Theresa und Julia fixieren sich.
Flüchtig wechseln Julia und Theresa einen Blick.
Der Vater schaut zu Lotte und wieder zu Tim.

В том случае, если вербального и паравербального ряда АК 1 недостаточно для однозначной идентификации эмоционального состояния персонажа, в аудиокомментарий (АК 2) включаются вербализованные маркеры эмоции, как правило, в соответствии с моделью: *сказуемое* / *сказуемое + дополнение, репрезентирующее эмотивную кинему + обстоятельство, выраженное причастием или наречием:*

Eva lächelt bitter.
Nervös schaut Ben zur Seite.
Betrübt sieht er zu seinem Sohn.

Такие конкретизированные интерпретации могут предопределять восприятие текста реципиентом и формировать его мнение, но они

делают действие на экране более понятным и, следовательно, незаменимыми в художественном фильме данного формата. Стереотипные краткие вербализованные формы трансляции эмотивных смыслов (АК 2) взаимодействуют с паравербальным компонентом (АК 1) и обеспечивают восприятие текста. Они характеризуются экономичностью и социальной обусловленностью и представляют собой ритуализированные, конвенциональные образцы коммуникативного поведения в рамках одной социальной общности [Анищенко 2013, с. 31]. Таким образом, посредством взаимодействия компрессии и компенсации эмотивной информации реализуется принцип экономии, являющийся, по мнению Р. К. Потаповой, коммуникативно обусловленной нейропсихомоторной универсалией [Потапова 2018, с. 81].

Большая часть языковых средств, используемых в текстах аудиодескрипции, только указывает на эмоциональное состояние и позволяет рецепиенту самому оценить его. Это соответствует идее фильма как эстетического стимула, который создает специфический контекст и тем самым влияет на чувственный эмоциональный опыт реципиента. Инструменты кинематографического дизайна, к которым можно отнести и аудиодескрипцию, используются для привлечения внимания к изображаемым эмоциям [Bartsch 2007].

Заключение

Использование технических средств, обеспечивающих возможность аудиодескрипции, обусловливает трансформацию механизмов кодирования и декодирования эмоций, вызванную экстралингвистическим фактором – невозможностью трансляции информации по визуальному каналу. В соответствии с актуальными коммуникативными условиями активируются компенсаторные механизмы интерсемиотического транскодирования.

В аудиодескрипции отмечено преобладание языковых реализаций незнаковых кинем, т. е. не имеющих закрепленных за ними референтов и фиксированной формы. Такие кинемы являются комплементарными к вербальным компонентам, их использование без вербальной или паравербальной поддержки, как правило, не обеспечивает однозначную интерпретацию эмоционального состояния.

В процессе создания аудиокомментария происходит селекция эмотивной информации, обусловленная прежде всего техническим

фактором: временны́м лимитом. Факторами, определяющими отбор информации, являются, с одной стороны, наличие и длина пауз между звуковыми элементами оригинального текста; с другой – это задача обеспечения целостности восприятия реципиентом с нарушением зрения художественного фильма как эмоционального стимула.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Анищенко А. В. О некоторых особенностях трансляции невербальных элементов коммуникации в виртуальной среде // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 4 (664). С. 24–32. [Anishchenko, A. V. (2013). On peculiarities of transmitting nonverbal elements of communication in virtual environment. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 4*(664), 24–32. (In Russ.)].

Борщевский И. С. Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода // Филология и лингвистика. 2018. № 3 (09). С. 48–52. URL: www.moluch.ru/th/6/archive/107/3755/ (дата обращения: 30.03.2020). [Borschevsky, I. S. (2018). Audiodeskripcija (tiflokommentirovanie) kak vid perevoda (Audiodescription as a type of translation). *Filologija i lingvistika, 3*(09), 48–52. www.moluch.ru/th/6/archive/107/3755/ (In Russ.)].

Борщевский И. С. Проблема выбора слова в интерсемиотическом переводе на примере аудиодескрипции (тифлокомментирования) // Филология и лингвистика. 2019. № 1 (10). С. 30–36. URL: www.moluch.ru/th/6/archive/119/3978/ (дата обращения: 25.02.2019). [Borschevsky, I. S. (2019). Problema vybora slova v intersemioticheskom perevode na primere audiodeskripcii (tiflokommentirovanija). (The problem of word selection in inter-semiotic translation by the example of audio description). *Filologija i lingvistika, 1*(10), 30–36. www.moluch.ru/th/6/archive/119/3978/ (In Russ.)].

ГОСТ Р 57891–2017 Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения. URL: https://allgosts.ru/33/160/gost_r_57891–2017 (дата обращения: 20.11.2018). [GOST R 57891–2017 Tiflokommentirovanie i tiflokommentarij. Terminy i opredelenija. (State standard R 57891–2017 Audio description and audio commentary). (In Russ.)].

Конвенция о правах инвалидов. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 25.03.2020). Konvencija o pravah invalidov. [Convention on the Rights of Persons with Disabilities. (In Russ.)].

Потапова Р. К. Когнитивно-семиотическая модель речевой деятельности (применительно к принципу экономии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). С.73–83. [Potapova, R. K. (2018). Cognitive-Semiotic Model

of Speech-Activities (regarding the economy-principle). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6*(797), 73–83. (In Russ.)].

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. [Shakhovsky, V. I. (2008). *Lingvisticheskaja teorija jemocij*. (Linguistic Theory of Emotions). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].

Bartsch A. Meta-Emotionen und ihre Vermittlung im Film // Audiovisuelle Emotionen. Emotionsdarstellung und Emotionsvermittlung durch audiovisuelle Medienangebote / Hrsg. Anne Bartsch, Jens Eder, Kathrin Fahlenbrach. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2007. S. 277–296.

Benecke B. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode. Berlin; Münster: LIT, 2014. 197 S.

Fix U. Einleitung // Hörfilm – Bildkompensation durch Sprache. Hrsg. Ulla Fix. Berlin: Erich Schmidt, 2005. S. 7–12.

In aller Freundschaft. Junge Ärzte: Hänsel und Gretel (43, mit Audiodeskription. URL: www.mdr.de/video/mdr-videos/e/video-389842.html (дата обращения: 25.03.2020).

In aller Freundschaft. Junge Ärzte: Wunder (42, mit Audiodeskription). URL: www.mdr.de/video/mdr-videos/d/video-391640.html (дата обращения: 27.03.2020).

In aller Freundschaft. Junge Ärzte: Klare Verhältnisse (45, mit Audiodeskription) URL: https://www.mdr.de/barrierefreiheit/audiodeskription/video-391642.html (дата обращения: 29.03.2020).

Poethe H. Audiodeskription – Entstehung und Wesen einer Textsorte // Hörfilm – Bildkompensation durch Sprache / Hrsg. Ulla Fix. Berlin: Erich Schmidt, 2005. 33–48 S.

Schick T. Filmstil, Differenzqualitäten, Emotionen: Zur affektiven Wirkung von Autorenfilmen am Beispiel der Berliner Schule (Film, Fernsehen, Medienkultur). Heidelberg: Springer-Verlag, 2018. URL: www.link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-658-19143-6 (дата обращения: 25.11.2019).

Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen und Basel: UTB GmbH. 2013. 401 S.

УДК 81.33

А. С. Данилин, С. Е. Афанасьев, Д. А. Вишняков

Данилин А. С., кандидат военных наук, доцент,
доцент Военного учебного центра Московского государственного лингвистического университета; e-mail: danila-dan@yandex.ru

Афанасьев С. Е., кандидат военных наук, доцент,
доцент Военного учебного центра Московского государственного лингвистического университета; e-mail: afanasyevsergei@mail.ru

Вишняков Д. А., преподаватель Военного учебного центра Московского государственного лингвистического университета; e-mail: krym68@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В данной работе рассматриваются теоретические и практические аспекты перевода военных терминов с английского языка на русский при допросе военнопленного или перебежчика. С этой целью проводится исследование процесса развития и формирования военной терминологии, а также трудностей при их переводе во время допроса.

Ключевые слова: военный перевод; допрос военнопленного; допрос перебежчика; трудности перевода; военная терминология.

A. S. Danilin, S. E. Afanas'ev, D. A. Vishnjakov

Danilin A. S., PhD (Military Science), Associate Professor,
Associate Professor at the Military Training Center,
Moscow State Linguistic University; e-mail: danila-dan@yandex.ru

Afanas'ev S. E., PhD (Military Science), Associate Professor,
Associate Professor at the Military Training Center,
Moscow State Linguistic University; e-mail: afanasyevsergei@mail.ru

Vishnjakov D. A., Senior Lecturer, Military Training Center,
Moscow State Linguistic University; e-mail: krym68@yandex.ru

FEATURES OF THE TRANSLATION OF MILITARY TERMS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

This work discusses the theoretical and practical aspects of translating military terms from English into Russian during the interrogation of prisoners of war and defectors. To this end, a study is being conducted of the development and formation of military terminology, as well as the difficulties in translating them during interrogation.

Key words: military translation; interrogation of a prisoner of war; interrogation of a defector; difficulties in translation; military terminology.

CC BY

Введение

Наука не стоит на месте: появляются всё новые разработки и технологии, сменяются техника и материалы, некогда широко используемые в производстве, разрабатываются принципиально новые виды вооружения. Очевидно, что прогресс приводит к необходимости в новом терминологическом словаре. Конечно, военная сфера не исключение, здесь человечество также остро нуждается в унификации терминологии. Так, во многих странах с целью составления терминологических словарей создаются специальные комиссии. Однако в зависимости от объема существующих наработок, степени изученности проблематики, равно как научного потенциала страны в целом, они справляются с этой задачей по-разному. Различные точки зрения сходятся лишь в одном: создание единого и унифицированного словаря специальной терминологии невозможно. Да и каким бы полным и корректным такой словарь не был, он сохранит свою актуальность лишь на определенном этапе развития человечества. Следовательно, во всех языках национальные особенности употребления специальной терминологии сохраняются. Известно, что в письменную речь все языковые «новшества» попадают через устную. Случается, что понятия существуют только в устном варианте. Эта и ряд других проблем, характерных для устной коммуникации, возникает при допросах военнопленных и перебежчиков, а вопрос перевода военной терминологии является одним из главных в практике перевода при допросах.

Таким образом, актуальность данной работы обусловлена ключевой ролью военной лексики в актах межъязыковой коммуникации, а именно, при допросе военнопленных и перебежчиков, а также недостаточностью теоретической базы, опираясь на которую стало бы возможно более детальное изучение особенностей перевода военных терминов.

Специфика термина состоит прежде всего в особенностях его семантической структуры, которая для собственно термина содержит только свободное значение, являющееся прямым и номинативным, имеющим благодаря дефиниции четкие семантические границы. В пределах специального употребления термин не меняет своего значения; пока благодаря новым открытиям и изобретениям не изменится обозначаемое им или понятие о нем [Амосова 1991; Кунин 1994].

Под термином понимается слово или словосочетание, употребление которого ограничивается специальной сферой или областью и которое будет непонятно лицам, не связанным с этой спецификой. В данной работе рассматривается военная терминология и особенности ее употребления военнослужащими разных стран с целью выявления способов передачи терминов, относящихся к военной отрасли, с английского языка на русский, учитывая сверхзадачу, стоящую перед переводчиком при устном переводе допроса военнопленного и перебежчика.

Формирование военных терминов

Несмотря на временно́й лимит, при допросе переводчик обязан передать всю информацию наиболее полно и точно, без ошибок и искажений. Изучение процесса формирования военных терминов необходимо, чтобы определить точное значение термина и способ его передачи при переводе. Безусловно, эти знания в наибольшей степени необходимы военному переводчику в ситуации устного перевода, когда мы говорим о существенных временных ограничениях. Знание следующих способов словообразования необходимо переводчику для быстрого ориентирования и понимания проблематики. Наиболее распространенными являются синтаксические термины, которые формируются путем использования уже существующих в языке знаков, при этом самыми продуктивными способами являются аффиксация, словосложение, сокращение и конверсия.

Аффиксация – присоединение аффиксов (т. е. суффиксов, префиксов) к корням или основам [Розенталь, Теленкова 2003]. Наиболее продуктивными суффиксами для создания военных терминов-существительных являются:

-ability	availability;	***-an***	custodian
-age	storage	***-ance***	reconnaissance
-al	withdrawal	***-ant***	assistant
-ee	inductee	***-ent***	deterrent
-eer	volunteer	***-er***	gunner
-ence	subsistence		
-ier	amplifier	***-ing***	interacting

-on	liason		
-ism	realism	***-ite***	composite
-ist	terrorist		
-ment	arrangement	***-out***	blackout
-ness	effectiveness	***-ry***	cavalry
-ship	relationship	***-st***	analyst
-sion	explosion		
ty	radioactivity		

Наиболее употребительные префиксы:

anti-	antipersonnel	***dis-***	dissemination
co-	cooperation	***in-***	infiltration
counter-	countermeasure	***over-***	overextended

Наиболее свойственные для глаголов суффиксы:

-ate	liberate	***-ize***	visualize

Распространенными по употреблению с глаголами в военном контексте являются следующие префиксы:

co-	cohere	***en-***	endanger
counter-	counter-fire	***mis-***	misjudge
de-	decontaminate	***out-***	outline
dis-	dismiss	***re-***	repell
em-	embody	***un-***	unleash
		under-	undergo

С прилагательными чаще всего встречаются следующие суффиксы:

-able	fissionable	***-ible***	invisible
-al	unconventional	***-ic***	atomic
-ary	primary	***-less***	recoilless
		-ous	tremendous

Следующие префиксы наиболее часто сочетаются с прилагательными:

extra-	extraterrestrial	***ir-***	irregular
im-	immortal	***non-***	nonpersistent

in-	inadequate	***post-***	postwar
inter-	intercontinental	***pre-***	prearranged
		under-	undertaking

Словосложение – способ словообразования, когда два или более полных слова (или основы) объединяются в единый комплекс, так называемое сложное слово [Розенталь, Теленкова 2003]. Здесь можно выделить структурные группы, сходные с теми, что были описаны в предыдущем способе словообразования:

- сложные существительные:
  - существительное + существительное (*warhead*, *battlefront*);
  - прилагательное + существительное (*counterattack*);
  - глагол + наречие (*breakdown*).
- сложные глаголы:
  - наречие + глагол (*overextend*);
  - существительное + глагол (*manhandle*);
- сложные прилагательные:
  - существительное + причастие I (*armor-piercing*, *target-focusing*);
  - существительное + причастие II (*weather-eroded*, *wire-guided*);
  - наречие + причастие I (*hard-hitting*);
  - наречие + причастие II (*hard-fought*, *least-engaged*);
  - прилагательное + прилагательное (*nuclear-capable*);
  - прилагательное + причастие II (*nuclear-powered*).

Конверсия – способ словообразования, образование нового слова путем перехода основы в другую парадигму словоизменения [Розенталь, Теленкова 2003]. Примером могут послужить следующие пары: *a commission – to commission, an officer – to officer*. Глагол, образованный таким способом, обозначает действие, связанное с изначальным значением существительного. Трудность в переводе таких слов на русский язык заключается в том, что в русском языке не существует глаголов, образованных от аналогичных основ. Поэтому корректным будет описательный перевод, например, для *to commission – производить в офицеры* или *присваивать первичное офицерское звание*, для *to officer – укомплектовывать офицерским составом*.

Трудности перевода военных терминов

Разобравшись в особенностях формирования военных терминов, мы подходим к их практическому применению в переводе с английского языка. На данный момент военные термины появляются в основном в связи с прогрессом в области разработки и применения вооружений. Поэтому в первую очереди необходимо иметь четкое представление о новейших разработках и уметь передать смысл на переводной язык. К новым терминам можно отнести следующие: *orbital weapon – орбитальное оружие; beam rider guidance – наведение по лучу; laser range finder – лазерный дальномер; ambush detection device – средство обнаружения засад; air cushion vehicle – аппарат на воздушной подушке; continuous airborne alert – непрерывное боевое дежурство в воздухе* и др. При переводе в условиях ведения допроса относительно новых неизвестных переводчику терминов общей рекомендацией будет выведение смыслового содержания терминологического словосочетания путем осмысления его частей.

Важно отметить, что вследствие американской агрессии во Вьетнаме английский язык обогатился рядом новых терминов. Например, *strategic hamlet – укрепленный населенный пункт; jungle canopy platform – посадочная площадка для вертолетов в джунглях, commandos – десантно-диверсионные части «коммандос»*.

Подходы к переводу воинских званий с английского языка на русский и с русского на английский могут различаться. Одним из наиболее распространенных является перевод, например, российского воинского звания путем замены этого звания соответствующим ему воинским званием Вооруженных сил США и наоборот, например, *Rear-Admiral – контр-адмирал*.

Однако иногда возникает ситуация, когда невозможно произвести подобную замену. Например, в российской армии нет аналогов такому званию, как *Brigadier General*, которое будет переводиться как *бригадный генерал*. В таких случаях переводчику необходимо иметь четкое представление об иерархии воинских званиях в армии стран изучаемого иностранного языка. Ниже (с. 30–32) приведена сводная таблица всех воинских званий по кодам НАТО и их соответствие в русском языке.

Однако учитывать специфику военной организации того или иного государства необходимо не только в случае со званиями. Так, например, несмотря на то что в армиях стран НАТО проводится унификация

военной терминологии, все же остается заметный разрыв в системах двух ведущих англоязычных армий мира, США и Великобритании. Так, *соединение* или *объединение* в США – *large unit*, а в Великобритании – *formation*. Высшие военные должности в этих двух странах также не совпадают: *министр обороны* в США – *Secretary of Defence*, а в Великобритании – *Defense Minister*.

В отношении трудностей понимания и перевода в терминологических словосочетаниях можно выделить такие, в которых компоненты полностью совпадают по значению с соответствующими русскими терминами. Общей рекомендацией будет дословный, формально близкий перевод, который, как правило, дает корректное русское соответствие.

Частным примером этого вида терминов-словосочетаний являются те сложносоставные термины, в которых общий смысл всего сочетания полностью соответствует русскому термину, но отдельные элементы могут отличаться от компонентов русского эквивалента. Например, *ammunition supply point* (*букв*. 'пункт снабжения боеприпасами') – *пункт боепитания*; *organizational equipment* (*букв*. 'организационное имущество') – *инвентарное имущество*.

Имеются также терминологические сочетания, в которых можно вывести общий смысл из значения отдельных компонентов. Однако в данном случае дословный перевод не будет правильным. Например, *automotive equipment* (*букв*. 'самодвижущееся имущество') – *автомобили, тракторы, боевые бронированные машины* и т. д.; *level of supply* (*букв*. 'уровень снабжения') – *норма снабжения*.

При допросе военнопленного и перебежчика немаловажно иметь знания и о военном сленге [Митчелл 2014]. Будучи знакомым с военным сленгом своих вооруженных сил можно без труда распознать сленги армий иностранных государств, ведь в большинстве случаев организационно-штатные структуры вооруженных сил во всем мире похожи. К тому же немалая часть военных терминов заимствована из других языков, например из французского языка заимствованы многие английские военные термины [Митчелл, Ахтамбаев, Игнатов 2014]. Что касается исключительных терминов, которые встречаются только в сленге данного языка, то в данном случае аналогии стоит искать ассоциативным методом. К примеру, *десантный катер* в США называют *banana-boat*. В основном от переводчика требуется знание культуры носителей английского языка и, соответственно, изучение истории возникновения сленгизмов [Митчелл, Холдаенко 2014].

Таблица 1

Звания / Ranks								
РФ				США				
СВ / ВКС	Перевод	ВМФ	Перевод	Army	Marine Corps	Air Force	Navy	Coast Guard
Non-commissioned officers								
Рядовой	Private	Матрос	Seaman	Private	Private	Airman Basic	Seaman Recruit (SR)	Seaman Recruit (SR)
				Private (PV2)	Private First Class (PFC)	Airman (Amn)	Seaman Apprentice (SA)	Seaman Apprentice (SA)
Ефрейтор	Private First Class	Старший матрос	Chief Seaman	Private First Class (PFC)	Lance Corporal (LCpl)	Airman First Class (A1C)	Seaman (SN)	Seaman (SN)
Младший сержант	Junior Sergeant	Старшина второй статьи	Petty Officer Second Grade	Corporal (CPL) / Specialist (SPC)	Corporal (Cpl)	Senior Airman (SrA)	Petty Officer Third Class (PO3)	Petty Officer Third Class (PO3)
Сержант	Sergeant	Старшина первой статьи	Petty Officer First Grade	Sergeant (SGT)	Sergeant (Sgt)	Staff Sergeant (SSgt)	Petty Officer Second Class (PO2)	Petty Officer Second Class (PO2)
Старший сержант	Senior Sergeant	Главный старшина	Chief Petty Officer	Staff Sergeant (SSG)	Staff Sergeant (SSgt)	Technical Sergeant (TSgt)	Petty Officer First Class (PO1)	Petty Officer First Class (PO1)
Старшина	Master Sergeant	Главный корабельный старшина		Sergeant First Class (SFC)	Gunnery Sergeant (GySgt)	Master Sergeant (MSgt) / First Sergeant	Chief Petty Officer (CPO)	Chief Petty Officer (CPO)
Прапорщик	Warrant Officer	Мичман	Senior Chief Petty Officer	Master Sergeant (MSG) / First Sergeant (1SG)	Master Sergeant (MSgt) / First Sergeant	Senior Master Sergeant (SMSgt) / First Sergeant	Senior Chief Petty Officer (SCPO)	Senior Chief Petty Officer (SCPO)

Продолжение таблицы 1

Старший прапорщик	Chief Warrant Officer	Старший мичман	Master Chief Petty Officer	Sergeant Major (SGM) / Command Sergeant Major (CSM) / Sergeant Major of the Army (SMA)	Master Gunnery Sergeant (MGySgt) / Sergeant Major (Sgt Maj) / Sergeant Major of the Marine Corps (SgtMajMC)	Chief Master Sergeant (CMSgt) / First Sergeant / Command Chief Master Sergeant / Chief Master Sergeant of the Air Force (CMSAF)	Master Chief Petty Officer (MCPO) / Fleet (Command) Master Chief Petty Offi cer / Master Chief Petty Officer of the Navy (MCPON)	Master Chief Petty Officer (MCPO) / Fleet (Command) Master Chief Petty Officer / Master Chief Petty Officer of the Coast Guard (MCPOCG)
				Warrant Officer 1 (WO1)	Warrant Officer 1 (WO)	N/A	USN Warrant Officer 1 (WO1)	N/A
				Chief Warrant Officer 2 (CW2)	Chief Warrant Officer 2 (CWO2)	N/A	USN Chief Warrant Officer 2 (CWO2)	Chief Warrant Officer 2 (CWO2)
				Chief Warrant Officer 3 (CW3)	Chief Warrant Officer 3 (CWO3)	N/A	USN Chief Warrant Officer 3 (CWO3)	Chief Warrant Officer 3 (CW3)
				Chief Warrant Officer 4 (CW4)	Chief Warrant Officer 4 (CWO4)	N/A	USN Chief Warrant Officer 4 (CWO4)	Chief Warrant Officer 4 (CW4)
				Chief Warrant Officer 5 (CW5)	Chief Warrant Officer 5 (CWO5)	N/A	Chief Warrant Officer 5 (CWO5)	N/A

Продолжение таблицы 1

Commissioned Officers								
Младшие офицеры				Company grade officers			Junior grade officers	
Младший лейтенант	Junior Lieutenant	Младший лейтенант	Junior Lieutenant					
Лейтенант	Lieutenant	Лейтенант	Lieutenant	Second Lieutenant (2LT)	Second Lieutenant (2ndLt)	Second Lieutenant (2d Lt)	Ensign (ENS)	Ensign (ENS)
Старший лейтенант	Senior Lieutenant	Старший лейтенант	Senior Lieutenant	First Lieutenant (1LT)	First Lieutenant (1stLt)	First Lieutenant (1st Lt)	Lieutenant Junior Grade (LTJG)	Lieutenant Junior Grade (LTJG)
Капитан	Captain	Капитан-лейтенант	Captain Lieutenant	Captain (CPT)	Captain (Capt)	Captain (Capt)	Lieutenant (LT)	Lieutenant (LT)
Старшие офицеры				Field grade officers			Mid-grade officers	
Майор	Major	Капитан 3-го ранга	Captain 3rd Rank	Major (MAJ)	Major (Maj)	Major (Maj)	Lieutenant Commander (LCDR)	Lieutenant Commander (LCDR)
Подполковник	Lieutenant Colonel	Капитан 2-го ранга	Captain 2nd Rank	Lieutenant Colonel (LTC)	Lieutenant Colonel (LtCol)	Lieutenant Colonel (Lt Col)	Commander (CDR)	Commander (CDR)
Полковник	Colonel	Капитан 1-го ранга	Captain 1st Rank	Colonel (COL)	Colonel (Col)	Colonel (Col)	Captain (CAPT)	Captain (CAPT)
Высшие офицеры				General officers			Flag officers	
Генерал-майор	Major General	Контр-адмирал	Counter Admiral	Brigadier General (BG)	Brigadier General (BGen)	Brigadier General (Brig Gen)	Rear Admiral Lower Half (RDML)	Rear Admiral Lower Half (RDML)
Генерал-лейтенант	Lieutenant General	Вице-адмирал	Vice Admiral	Major General (MG)	Major General (MajGen)	Major General (Maj Gen)	Rear Admiral Upper Half (RADM)	Rear Admiral Upper Half (RADM)
Генерал-полковник	Colonel General	Адмирал	Admiral	Lieutenant General (LTG)	Lieutenant General (LtGen)	Lieutenant General (Lt Gen)	Vice Admiral (VADM)	Vice Admiral (VADM)
Генерал армии	General of the Army	Адмирал флота	Admiral of the Fleet	General (GEN)	General (Gen)	General (Gen)	Admiral (ADM)	Admiral (ADM)
				General of the Army (wartime only)	N/A	General of the Air Force (wartime only)	Fleet Admiral (wartime only)	Fleet Admi ral (wartime only)

Однако к этому следует еще добавить и то, что образная просторечная лексика возникает в основном в устной разговорной речи с ее непосредственным, непринужденным живым общением, моментальностью, спонтанностью. Поэтому такие слова и словосочетания довольно часто употребляются. Ограничивающим фактором является только их эмоциональная окраска, которая может оказаться неприемлемой в ряде ситуаций. Тем не менее знание неуставной терминологии значительно облегчит перевод речи военнопленного. Более того, в некоторых военных документах, а иногда даже в уставах и наставлениях переводчик также может встретиться с данным пластом лексики. Не говоря уже о том, как часто сленг употребляется в личных дневниках и переписке военнослужащих.

Заключение

В работе было проведено исследование военных терминов и методов их перевода с английского языка на русский в условиях допроса военнопленного или перебежчика. Большинство военной терминологии относится к собственно терминам, т. е. термин соотносится с одним понятием и не несет многозначности. Их точные соответствия в русском языке обеспечивают полный перевод речи военнопленных. При этом не стоит забывать, что значение и употребление слов, даже военных, непосредственно связано с контекстом. Именно этому следует уделять особое внимание в условиях устной коммуникации.

Ошибки при переводе военных терминов могут привести к значительному искажению и изменению смысла. Боевые документы, предписания, инструкции и технические описания, где точность перевода военных терминов является обязательным условием, также нередко приходится переводить во время допроса. Чтобы подобных ошибок избежать, переводчику необходимо постоянно совершенствовать свои знания военной терминологии, современных реалий развития военной науки и техники, а также военно-политической обстановки в мире.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что перевод допроса военнопленного или перебежчика – непростая и чрезвычайно ответственная задача. Переводчик данного профиля обязан не только демонстрировать прекрасное знание родного и иностранного языков, но и разбираться в реалиях отечественного и зарубежного вооружения, принципах несения воинской службы, знать историю и структуру армии родной страны и армии противника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Амосова Н. Н. К проблеме языковых стилей в английском языке. 1991. № 5. С.13. [Amosova, N. N. (1991). K probleme jazykovyh stilej v anglijskom jazyke. № 5. p. 13. (In Russ.)].

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Ч. 1–2. М.: Советская Энциклопедия, 1994. [Kunin, A. V. (1994). *Anglo-russkij frazeologicheskij slovar'*. (English-Russian phraseological dictionary). P. 1–2. M.: Sovetskaja Jenciklopedija. (In Russ.)].

Митчелл П. Д. Английский военный сленг: понятие, способы образования и тематическая классификация // Язык и культура. 2014. № 3 (27). С. 64–73. [Mitchell, P. J. (2014). English military slang: definition, means of formation and thematic classification. *Language and culture, 3*(27), 64–73. (In Russ.)].

Митчелл П. Д., Ахтамбаев Р. П., Игнатов А. А. Влияние военных контактов на французские заимствования в английский язык // Язык и культура. 2014. № 2 (26). С. 69–73. [Mitchell, P. J., Akhtambaev, R. P., Ignatov, A. A. (2014). The influence of military contacts on French loanwords in the English language. *Language and culture, 2*(26), 69–73. (In Russ.)].

Митчелл П. Д., Холдаенко И. С. Американский военный сленг. Статья 1: влияние Первой мировой войны // Язык и культура. 2014. № 4 (28). С. 64–71. [Mitchell, P. Dz., Kholdaenko, I. S. (2014). American military slang: The influence of the First World War. *Language and culture, 4*(28), 64–71. (In Russ.)].

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: Оникс, 2003. [Rozental', D. Je., Telenkova, M. A. (2003). *Spravochnik po russkomu jazyku. Slovar' lingvisticheskih terminov.* (Russian language reference book. Dictionary of linguistic terms). Moscow: Oniks. (In Russ.)].

УДК 81'276.6.355

Б. В. Дидык, Э. А. Фахретдинова, А. Г. Лешин

Дидык Б. В., начальник Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: mil@linguanet.ru

Фахретдинова Э. А., старший преподаватель
Военный учебный центр Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: mil@linguanet.ru

Лешин А. Г., преподаватель
Военный учебный центр Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: mil@linguanet.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗВАНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВС РФ И США КАК ОСНОВЫ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СТАТУСНО-РОЛЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НИМИ

В статье авторы обращаются к проблеме установления статусно-ролевых отношений между военнослужащими ВС РФ и военнослужащими иностранных государств через эквивалентный перевод воинских званий. На примере воинских званий, принятых в ВС РФ и ВС США, авторы показывают, как разные варианты перевода способствуют достижению разных целей коммуникации между военнослужащими.

Ключевые слова: воинские звания; вооруженные силы; воинские должности; трансформация; интерпретация; прагматика; цели перевода.

B. V. Didyk, E. A. Fakhretdinova, A. G. Leshin

Didyk B. V., Head of Military Training Center,
Moscow State Linguistic University; e-mail: mil@linguanet.ru

Fakhretdinova E. A., Senior lecturer of Military Training Center,
Moscow State Linguistic University; e-mail: mil@linguanet.ru

Leshin A. G., Lecturer of Military Training Center
Moscow State Linguistic University; e-mail: mil@linguanet.ru

SPECIAL ASPECTS OF TRANSLATING THE RUSSIAN AND THE US MILITARY RANKS AS THE BASIS FOR THE ESTABLISHMENT OF STATUS AND ROLE RELATIONS BETWEEN THEM

The article analyzes the establishment of status and role relations between Russian and foreign military men by means of adequate and equivalent translation of their military ranks. The authors use the example of the ranks adopted in the Russian and American Armed Forces. The authors explicate how different variants of

CC BY

the translation and interpretation facilitate the accomplishment of different goals of communication between military men.

Key words: military ranks; armed forces; military posts and assignments; translation transformations; interpretation; pragmatics of translation; translation goals.

Введение

Во многих ситуациях, встречающихся в практической деятельности военного переводчика, перевод воинских званий коммуникантов – военнослужащих разных стран – не должен ограничиваться трансформацией, а становиться интерпретацией, способствующей установлению статусно-ролевых отношений коммуникантов в интересах успешного и бесконфликтного сотрудничества. Переводчик должен выступить как активный интерпретатор смыслового содержания текста исходного языка и реализовать весь прагматический потенциал высказывания в соответствии с коммуникативным намерением. Прагматическое и эмоционально-оценочное воздействие на адресата перевода достигается в том случае, когда адресат точно понимает соответствие звания иностранного военнослужащего не только ближайшему по статусу воинскому званию в иерархической системе вооруженных сил своей страны, но занимаемой иностранным военнослужащим должности. Таким образом, адресат может соотнести уровень и объем доступных полномочий иностранного военнослужащего с более понятной системой воинских званий своей страны через призму системы типовых командных воинских должностей.

Военному переводчику для достижения целей перевода необходимо добиться его функциональной эквивалентности и преодолеть проблему межъязыковой асимметрии, возникающей вследствие разных подходов к построению системы воинской иерархии в различных странах, при этом нужно ориентироваться не столько на воздействие оригинала на его рецептора, сколько на индивидуальные особенности рецептора перевода [Дубровская 2015]. При интерпретации смысла переводчик выходит за рамки текста и привлекает знания о внеязыковой действительности [Коровкина URL]. Для этого военный переводчик должен обладать значительным запасом экстралингвистических знаний.

В ситуациях, когда специалист выполняет письменный перевод, и в некоторых ситуациях, когда осуществляется устный перевод, военный

переводчик может иметь достаточно времени для подготовки к такой форме интерпретации, анализа специфики коммуникативной направленности текста, изучения взаимодействия говорящего и адресата, а также ситуации общения. Однако во многих случаях такая предварительная подготовка не представляется возможной, а достижение прагматического воздействия зависит от базовой подготовки переводчика. Речь идет в первую очередь о ситуациях, в которых военнослужащие вступают во взаимодействие через переводчика в условиях боевой, учебно-боевой деятельности, на международных соревнованиях или в бытовых ситуациях общения без предварительной договоренности, то есть не на высшем уровне. Данный факт обязывает переводчика обратить основное внимание на звания военнослужащих, занимающих в Вооруженных силах РФ должности согласно книгам штатно-должностного учета батальонов, равных им и меньших подразделений, а также аналогичных званий в ВС США.

Перевод званий военнослужащих, замещающих типовые должности от командира взвода до командира батальона (и равные им)

На сегодняшний день сложно представить себе большой спектр мероприятий, подразумевающих продуктивное взаимодействие российских и американских военнослужащих через переводчика на тактическом уровне. Однако различия в системе построения иерархии воинских званий ВС РФ и США делает их сравнение практически эталонным для использования в системе подготовки военных переводчиков.

Военнослужащие, имеющие профессиональное высшее военное образование и замещающие типовые должности от командира взвода до командира батальона (и равные им), представлены в обеих вооруженных силах одинаковым количеством воинских званий. Типовые командные должности таких военнослужащих в основном совпадают. При переводе этих званий адресат может с высокой вероятностью точно определить положение своего иностранного коллеги в воинской иерархии и уверено обозначить направление развития статусно-ролевых отношений. Однако для этого переводчику необходимо не только перевести по словарю, но и интерпретировать воинское звание таким образом, чтобы точно определить референта высказывания со всеми его чертами и характеристиками.

Референциальный выбор варианта перевода званий военнослужащих, занимающих типовые должности от командира взвода до командира батальона, представлен в таблицах 1 и 2. Для полного охвата в таблицу также включены звания *полковник* / *капитан 1 ранга* и их американские эквиваленты. Необходимо обратить внимание на тот факт, что в ВС РФ принято деление воинских званий на войсковые (см. табл. 1) и корабельные (см. табл. 2). В ВС США воинские звания в ВМС и Береговой охране (БОХР) также отличаются от званий, принятых в других видах войск.

В колонках 2 и 5 указывается интерпретационный вариант, ориентированный, в первую очередь, на достижение функциональной эквивалентности и прагматической цели перевода. В колонках 3 и 6 – трансформационный перевод [Англо-русский военный словарь 1987], в большей степени ориентированный на передачу сигнификативного содержания знака ИЯ. Из трансформационных вариантов перевода воинских званий с русского языка на английский наиболее продуктивным способом являются пословный перевод и транскрибирование. При переводе наоборот (с английского языка на русский) также применяется калькирование [Степанов URL].

Как видно из таблицы, трансформационные варианты не позволяют неподготовленному военнослужащему в полной степени оценить соответствие воинского звания должностному положению иностранного военнослужащего без дополнительных переводческих комментариев, которые не всегда уместны, особенно при осуществлении устного перевода. Так, например, слово *lieutenant*, предлагаемое в качестве трансформационного варианта перевода войскового звания *лейтенант*, в языковой картине мира американского военнослужащего будет ассоциироваться со званием офицера ВМС – *lieutenant*. Причем такое звание соответствует третьей «снизу» позиции в иерархической лестнице, а не первой, как в случае со званием *лейтенант* в ВС РФ. Воинские звания *энсин* и *коммандер* в целом отсутствуют в языковой картине мира российских военнослужащих, а значит, не могут быть без подготовки соотнесены с должностным статусом носящего такое звание военнослужащего. Перевод младших офицерских званий *второй* и *первый лейтенант* может вызывать сомнения в порядке присвоения данных званий и, следовательно, в их положении на иерархической лестнице.

Таблица 1

Варианты перевода войсковых званий, принятых в ВС РФ и званий, принятых в сухопутных войсках, военно-воздушных силах и корпусе морской пехоты (КМП) США

Войсковое звание ВС РФ	**Интерпретация**	**Трансформация**	**Звание СВ, ВВС, КМП США**	**Интерпретация**	**Трансформация**
Лейтенант	Second lieutenant	Lieutenant	Second lieutenant	Лейтенант	Второй лейтенант
Старший лейтенант	First lieutenant	Senior lieutenant	First lieutenant	Старший лейтенант	Первый лейтенант
Капитан	Captain	Captain	Captain	Капитан	Капитан
Майор	Major	Major	Major	Майор	Майор
Подполковник	Lieutenant Colonel	Lieutenant Colonel	Lieutenant Colonel	Подполковник	Подполковник
Полковник	Colonel	Colonel	Colonel	Полковник	Полковник

Таблица 2

Варианты перевода корабельных званий, принятых в ВМФ РФ, и званий, принятых в ВМС и Береговой охране (БОХР) США

Корабельное звание ВМФ РФ	**Интерпретация**	**Трансформация**	**Звание ВМС и БОХР США**	**Интерпретация**	**Трансформация**
Лейтенант	Ensign	Lieutenant	Ensign	Лейтенант	Энсин
Старший лейтенант	Lieutenant, junior grade	Senior lieutenant	Lieutenant, junior grade	Старший лейтенант	Младший лейтенант флота
Капитан-лейтенант	Lieutenant	Captain lieutenant	Lieutenant	Капитан-лейтенант	Лейтенант флота
Капитан 3 ранга	Lieutenant Commander	Captain, 3rd rank	Lieutenant Commander	Капитан 3-го ранга	Лейтенант-коммандер
Капитан 2 ранга	Commander	Captain, 2nd rank	Commander	Капитан 2-го ранга	Коммандер
Капитан 1 ранга	Captain	Captain, 1st rank	Captain	Капитан 1-го ранга	Кэптен

Американское звание *младший лейтенант флота* вызывает прямые ассоциации с редко присваиваемым в ВС РФ первичным воинским званием *младший лейтенант*. При этом *младший лейтенант флота* не является первичным званием в ВМС и БОХР США. Звание старшего офицера ВМС и БОХР США *кэптен* может ошибочно ассоциироваться со званием младшего офицера ВС РФ – *капитан*.

В соответствии со ст. 46 Федерального Закона «О воинской обязанности и военной службе» к званиям военнослужащих ВС РФ могут добавляться определения *гвардии*, *медицинской службы* и *юстиции*. Например, *гвардии лейтенант*, *майор медицинской службы*, *полковник юстиции*. В переводе на английский язык – *guards lieutenant*, *major of Medical Corps* (или *Medical Service*), *colonel in the Military Legal Corps* (или *Military Legal Service*). Представляется целесообразным в некоторых ситуациях перевода добавлять к воинскому званию не только принятые на законодательном уровне определения, но и другие определения, позволяющие уточнить сферу должностных обязанностей военнослужащего. Так, для перевода воинского звания лейтенанта, занимающего должность командира взвода, можно использовать вариант *second lieutenant, platoon leader*. Для перевода воинского звания капитана инженерно-технического состава представляется возможным использовать вариант *captain, engineer*. Здесь, однако, необходимо отметить, что подобный подход имеет ряд ограничений. Во-первых, чтобы подобрать точное определение, переводчик должен быть хорошо осведомлен о должностных обязанностях военнослужащего. Это, в свою очередь, проблематично, так как рамки обязанностей часто размыты. Во-вторых, военный переводчик действует в интересах ВС РФ и прежде всего должен помогать российским военным определять статус и положение в системе воинской иерархии иностранного военнослужащего, а не «раскрывать» статус военнослужащего ВС РФ. В связи с этим, в некоторых ситуациях использование дополнительных определений к воинским званиям ВС РФ может быть нецелесообразным и излишним. Для того чтобы дать подобное определение воинскому званию иностранного военнослужащего, у переводчика может не быть достаточного количества исходных данных. В любом случае, военному переводчику необходимо хорошо разбираться в знаках различия, используемых на форменной одежде военнослужащего иностранного

государства, чтобы извлечь из этих атрибутов максимально возможное количество данных о звании и должности иностранца.

Заключение

Трансформационные варианты перевода соответствуют денотативной, экспрессивной, металингвистической, поэтической (в художественном переводе) целям коммуникации. В связи с этим такие варианты являются широко распространенными и адекватными в ситуациях, когда переводчику достаточно формальной эквивалентности и перед ним не стоит задача способствовать установлению статусно-ролевых отношений между военнослужащими разных стран. В случае когда обстоятельства, при которых осуществляется перевод, подразумевают выполнение данной задачи, переводчику нужно добиться динамической эквивалентности перевода и для этого обратиться к интерпретационному варианту. Ситуационно обусловленная необходимость выбора варианта должна быть учтена при подготовке военных переводчиков. Также в подготовке военных переводчиков должно уделяться больше внимания системе знаков различия, используемых на форменной одежде военнослужащих стран изучаемого языка. Данные знаки различия являются источником внелингвистической информации, которая может быть использована для достижения прагматических целей перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Англо-русский военный словарь: около 70 000 терминов / под редакцией д-ра филол. наук В. Н. Шевчука и канд. филол. наук В. М. Полюхина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Воениздат, 1987. [Shevchuk, V. N. Polyukhin V. M. (eds.). (1987). *Anglo-russkii voennyi slovar': okolo 70 000 terminov* (English – Russian Military Dictionary: about 70 000 terms). Moscow: Voenizdat].

Дубровская Е. В., Ольшанская Н. В. Прагматические аспекты перевода. // Вопросы филологии и переводоведения: сборник научных статей Чувашского государственного педагогического университета. Чебоксары, 2015. С. 303–307. [Dubrovskaya, E. V., Ol'shanskaya, N. V. (2015). Pragmaticheskie aspekty perevoda. (Pragmatic aspects of translation). *Voprosy filologii i perevodovedeniya: Chuvash State Pedagogical University collection of scientific articles* (pp. 303–307). Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. (In Russ.)].

Коровкина М. Е. Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики). URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01008710809 (дата обращения: 19.06.2020). [Korovkina, M. E. (2017). *Theoretical aspects of the semantic modeling in special text's translation from the native to a foreign language (based on the journalistic texts on economic thematic)*. https://dlib.rsl.ru/viewer/01008710809 (accessed: 19 June 2020) (In Russ.)].

Степанов Е. А. Воинские звания в языковой картине мира российских и американских военнослужащих. URL: www.cyberleninka.ru/article/n/voinskie-zvaniya-v-yazykovoy-kartine-mira-rossiyskih-i-amerikanskih-voennosluzhaschih/viewer (дата обращения: 15.02.2020). [Stepanov, E. A. (2011). *Military grades in the linguistic image of the world of the Russian and U.S. military.* www.cyberleninka.ru/article/n/voinskie-zvaniya-v-yazykovoy-kartine-mira-rossiyskih-i-amerikanskih-voennosluzhaschih/viewer (accessed: 15 February 2020). (In Russ.)].

УДК 372.881.161.1

Калаши Нахидех

аспирант кафедры методики преподавания РКИ филологического факультета Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина;
e-mail: n.kalashi@alzahra.ac.ir

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «СТОЛ» В ПЕРСИДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируется лингвокультурный концепт «стол» как единица ментальной и вербальной репрезентации культурного опыта в русском и персидском языках, его история, значение в иранском и русском языковом сознании и коммуникативном поведении. Рассматриваются также устойчивые выражения персидского и русского языков, непосредственно связанные с этим концептом. Полученный материал может быть использован при составлении русско-персидского лингвокультурологического учебного словаря.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт; концепт «стол»; русско-персидское сопоставление.

Kalashi Nahideh

PhD Student, Department of Teaching Methods of the RFL,
the Faculty of Philology, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: n.kalashi@alzahra.ac.ir

LINGUOCULTURAL CONCEPT "TABLE" IN THE PERSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

The article is devoted to the analysis of the linguocultural concept "table" as a unit of mental and verbal representation of cultural experience in the Russian and Persian languages, its history, its significance in Iranian and Russian language consciousness and communicative behavior. Collocations and phraseologisms of the Persian and Russian languages directly related to this concept are also considered. The resulting material can be used in the compilation of the Russian-Persian linguocultural educational dictionary.

Key words: linguocultural concept; concept "table"; Russian-Persian comparison.

Введение

Язык, который мы наследуем от наших предков, является основным инструментом, посредством которого человек осваивает окружающий мир. Через язык народ из поколения в поколение передает свое ви́дение мира, сущностные ценности, отношения, действия, качества,

CC BY

о чем первым сказал В. Гумбольдт: «Разные языки по своей сути по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировоззрениями» [Гумбольдт 1984, с. 370]. Именно поэтому, изучая иностранный язык как средство общения, необходимо подходить к языку как к носителю культурного и духовного наследия страны изучаемого языка, без этого полноценное общение между представителями разных языковых общин невозможно.

Взаимодействие языка и культуры уже довольно давно стало предметом пристального внимания ученых разных наук и научных направлений. И с этой точки зрения большой интерес вызывает обсуждение понятия «концепт», хотя и появившееся довольно давно, в том числе и в России [Аскольдов 1997, с. 267–280], но введенное в активный российский научный дискурс в 1990-е годы трудами С. Д. Лихачева (1993) и Ю. С. Степанова (1997), С. Х. Ляпина (1997), В. П. Нерознака (1998); Н. Д. Арутюновой (1999) и др. В дальнейшем появились и его аналоги: «лингвокультурема» (Воробьев 1997), «мифологема» (Базылев 2000; Ляхтеэнмяки 1999), «логоэпистема» (Верещагин, Костомаров 1999; Костомаров, Бурвикова 2000). Изучение концепта одновременно как единицы языка и культуры, превратившейся вследствие этого соединения в лингвоконцепт, имеет большое значение для выявления особенностей той или иной языковой общности.

Именно лингвоконцепт, по мнению таких ученых, как А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, В. П. Нерознак, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов и др., является основной единицей переживаемой информации в индивидуальном и коллективном сознании в качестве сложного ментального образования, которое находит свое выражение в языке. В. В. Красных, В. П. Москвин, М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин считают, что лингвокультурные концепты могут быть объективно установлены и описаны с помощью анализа словарных дефиниций, ценностно маркированных универсальных высказываний и индивидуально-авторских использований с учетом этимологии слов, концептуальных метафор, результатов ассоциативных экспериментов и пр.

Изучение концептов, их отбор и систематизация, соотнесенные с программными уровневыми требованиями при обучении иностранным языкам, в том числе и русскому как иностранному [Глазунова 2018], безусловно, расширит возможности составления учебных

средств для формирования коммуникативной компетенции учащихся, в которой лигвокультурологическая составляющая в современном преподавании ИЯ занимает одно из важнейших мест.

Описание материала

Уже давно наступило время, когда в методику преподавания иностранных языков вошла культура и не только как изучение истории, музыки, живописи и других особенностей страны изучаемого языка, сто составляет содержание страноведения (это, безусловно, тоже очень важно), но и изучение всего того, что стоит за словом, его прямым значением, какие ассоциации и связи оно имеет, т. е. всё то, что составляет так называемый культурный компонент слова, его культурно-ассоциативные связи [Верещагин, Костомаров 1990, с. 48]. С появлением же новых направлений в развитии лингвокультурологии, с расширением сферы изучения лингкокультурных концептов следует говорить и о расширении в обучении ИЯ объема и особенностей страны изучаемого языка, при котором лингвокультурные концепты должны занять и уже заслуженно занимают важное место.

По мнению В. И. Карасика (и мы с ним соглашаемся), концепты характеризуют бытие во всей его полноте, от обиходного состояния до выхода на смысложизненные ориентиры поведения [Карасик 2005, с. 263]. К такому пониманию слова со всеми его связями и коннотациями не подходит определение «понятие», но более подходит «концепт», хотя пока еще такие термины как «концепт», «понятие» и «значение» нередко рассматриваются как эквиваленты. Ю. С. Степанов отмечает, что «концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек, рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей», сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997, с. 40]. Концепт выражает не только совокупность признаков объекта, но и те представления, знания, ассоциации, переживания, которые с ним связаны. Таким образом, значение слова является частью концепта, оно имеет более узкое содержание.

Лингвокультурный концепт, логическое понятие и лексическое значение представляют собой разные смысловые образования. Что касается слова, оно своей семантикой обычно репрезентирует

только фрагмент концепта. Но обрести ключ к концепту, установить его смысловую специфику, к каковой относятся его этнокультурное своеобразие и социальные особенности, можно лишь через лингвистические способы его воплощения (номинативные единицы, предложения и целые речевые произведения) [Рябкова 2012, с. 187–188]. Таким образом, концепт изучается на материале пословиц и поговорок, идиом, клише литературных произведений.

Языковеды (С. А. Аскольдов, В. И. Карасик и др.) отмечают в концепте существенно более широкое по объему смысловое образование, чем в значении слова. Он включает в себя разносубстандартные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия.

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин выделяют в структуре концепта три слоя: понятийный, ценностный и образный [Карасик, Слышкин 2001, с. 75]. Нам близко и такое ви́дение термина «линвокультурный концепт», когда ученый отмечает в нем направление от культуры к индивидуальному сознанию в отличие от «лингвокогнитивного концепта», в котором заложено противоположное направление – от личности к культуре [Карасик 2002, с. 139]. Именно поэтому для методики преподавания иностранных языков так важно вовлечение в научно-методический обиход понятия «лингвокультурный концепт» как важной составляющей общей коммуникативной компетенции учащихся.

История концепта «стол» в персидской и русской культурах

Для иллюстрации нашего подхода мы решили взять один, казалось бы, наипростейший предмет из материальной культуры – *стол.* Однако это слово в совокупности своих прямых и переносных значений вполне может претендовать на звание концепта русской культуры. Данный концепт исторически занимает важное место в системе традиционных ценностей как русской, так и персидской культуры. Отношение к этому концепту обусловлено историей, бытом, особенностями экономической, политической, культурной жизни, мифологическими и религиозными представлениями этноса. Этот концепт в виде четких понятий существует в жизни и сознании каждого человека и воспринимается прежде всего как предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на высоких опорах, ножках. В персидском и русском сознании *стол* возникает в первую очередь именно

как предмет на высоких ножках, вокруг которого люди собираются, работают и занимаются. И это самое простое обиходное значение этого слова. Но в русском языке это слово обозначает не только предмет мебели, но и имеет значение «приём пищи», «застолье», «угощение», «богатство дома» и т. п. В персидском же языке эти последние значения передаются посредством другого слова, каковым является слово *скатерть*, имеющим несколько другие оттенки значения. Таким образом, в двух культурах одно и то же понятие обозначается разными словами, поскольку обычаи принимать пищу в двух народах в значительной степени исторически складывались по-разному.

Первые упоминания о столе и троне как предмете мебели встречаются в Древнем Египте, Иране и Месопотамии около 5,5 тыс. лет назад. А в России в допетровский период, как и в Древнем Египте, в присутственных местах не было иных стульев, кроме трона. В особых случаях, на троне сидели цари. Самое яркое воспоминание немецкого путешественника XVII века Олеария о загадочной Московии – это торжественный вынос красного стула за царем Михаилом Федоровичем. Иван Грозный восседал на привезенном из Византии шедевре итальянских мастеров, украшенном рельефами на античные и библейские сюжеты. Борис Годунов – на отделанном бирюзой золотом подарке персидского шаха. А Алексей Михайлович – на так называемом алмазном троне, инкрустированном восемью сотнями бриллиантов и рубинов! Это был дар Армянской торговой компании и лично купца Захария Сарадарова. Трон изготовили в персидском городе Исфахане в 1659 году. Обычные же русские жилища обходились лавками.

Об исторической эволюции понятия «стол» в словаре Даля говорится, что слово *стол* произошло от древнерусского глагола *стлать* (*стелить*). Столом называли не просто стол, за которым едят, но и место, за которым сидят, а также стул. Отсюда и *княжеский престол*, *стольный град*, *столица* – место, где находится стол царя.

Столы на Руси были известны уже с самого начала развития государства – с X века. *Сидеть на сто́ле* (не *на столе́*) значит быть государем, святителем [Даль 1863, с. 327]. О происхождении слова *стол* в этимологическом словаре Л. В. Успенского говорится, что «первоначально этим словом именовали именно скатерть – то, чем застилают место трапезы, а затем уже оно было перенесено не только на то, на чем едят, но и на то, за чем сидят. Именно поэтому “стол Киевский”

стало означать и “престол”, “трон князя Киевского”. Некоторые полагают, что вначале значение “стол – подставка для трапезы” еще не существовало; *стол* значило лишь “подстилка для сидения” и только позже стало означать и то, на чем располагают пищу при еде. Так или иначе, в дальнейшем то же слово было распространено на всевозможные подставки для самых различных действий: письменный стол, ломберный стол картежных игроков, туалетный или чертежный столики уже ничем не застилаются и тем не менее являются потомками тех первых столов» [Успенский URL].

А в Иране до принятия ислама использование столов и стульев было распространено среди царей Эламитов, Ахеменидов, Парфян и Сасанидов. С началом исламского периода столы и стулья постепенно заменили на диваны (تخت) с большими высокими постаментами с трех сторон, на которых сидели, скрестив ноги, старейшины. Стол и стулья в этот период были исключительно для знати. Но Мухаммед Шах Каджар был первым правителем Ирана, который сидел на стуле в его современном понимании, а не на троне или на земле. Жан Шарден, французский путешественник XVII века, в своем «Дневнике путешествия кавалера Шардена в Персию и Восточную Индию через Черное море и Колхиду» пишет, как сидят иранцы: «Иранцы в своих собраниях сидят, скрестив ноги. Они не сидят так же, как мы. Они могут сидеть долгое время, не показывая необычных движений. Хотя они приглашают друг друга сесть удобнее, но не меняют своего места (форма сидения не меняется). Даже сидя, если кончик пальца ноги виден, то это считается признаком невежливости. Вот почему они закрывают свои ноги под одеждой» (цит. по: [Ягмаи 2014]).

В толковом персидском словаре «Дехҳода» говорится, что слово *стол* (میز) произошло от слова *ma ya* ی م в зороастризме – это съедобный обет в качестве жертвы в благодарность Богу. А саму жертву называли *myzad* میزد и, видимо, это было мясо, жир или масло, упоминается, что это нежидкие жертвы как фрукты и овощи, такие как хлеб, мясо и т. д. В честь этого, праздники и вечеринки называли *mayzad* میزاد.

Концепт «стол» в персидском и русском словарях

Обратимся к значениям, зафиксированным в словарях. Слово *стол* в «Толковом словаре русского языка» толкуется как предмет

мебели в виде широкой горизонтальной пластины на опорах, ножках. В данном словаре указывается на его разные виды и формы: *обеденный*, *письменный*, *рабочий*, *кухонный*, *садовый стол*, *овальный*, *круглый*, *квадратный стол* [Ожегов, Шведова 1999]. В словаре «Моин» на персидском языке находим похожие толкования: 1) предмет на четырех ножках, на котором можно положить канцелярские принадлежности и писать или расположить тарелки и есть; 2) встреча для переговоров, в которой каждый участник может выражать свое мнение и обсуждать; 3) престол, сидение; 4) гость, но в то же время и приборы и предметы для вечеринок [Моин URL]. И здесь мы уже видим отличие от русского языка, в котором слово *стол* не может значить *гость*. В толковом персидском словаре Деххода [Деххода URL] об исторической эволюции понятия *стол* (میز) говорится: 1) данное слово происходит именно от слова *хозяин* (میزبان), поэтому переводится как *гость, человек, присутствующий на банкете или приеме*; 2) предметы для вечеринок, скатерти для вечеринки; 3) стол под названием *корси* (это уже обозначение несколько другого предмета мебели), на котором можно расположить еду и напитки и вокруг него сесть и есть; 4) есть еще и «хан» с высокими подставками, на которых можно есть или пить чай.

Итак, по словам автора, слово *стол* происходило от слов *хан*, *ханпайе*, *таштхан* [Деххода URL]. Здесь надо упомянуть, что существовало еще и *корси* (کرسی) – это тип низкого стола, найденного в Иране, с обогревателем под ним и накидками на нем. Это традиционный предмет мебели в иранской культуре. В настоящее время он тоже используется. Семья или гости сидят на полу вокруг корси как во время обычного приема пищи, так и в особенных случаях, таких как Новый год *Новруз* (نوروز) и ежегодное празднование Шаб-е Ялда (Ночь Ялда) или Шаб-е Челле) چله- یلدا – первая ночь зимы). Когда становится холодно, иранцы часто едят и спят под корси.

В «Современном персидском словаре», слово *стол* толкуется как 1) предмет на четырех ножках и с гладкой поверхностью для размещения вещей; 2) предмет, который был модифицирован для определенной деятельности (*бильярдный стол, стол для рисования, чертежный стол*); 3) занятие или профессия в офисе (отдел в учреждении); 4) скатерть (стол для еды) [Современный персидский ... 2002, с. 1228]. Из этих определений видно, что современное значение

рассматриваемых понятий совпадает. Слова, которые пришли в язык позднее, такие как *письменный стол* (میز تحریر), *операционный стол* (میز عمل), *рабочий стол* (میز کار), *кухонный* (میز آشپزخانه), *круглый стол* (میزگرد), *бильярдный стол* (میز بیلیارد) и др. в обоих языках понимаются и используются одинаково.

4. Характеристики концепта «стол» в персидской и русской фразеологии

Концепт по своей природе анализируется в контексте других явлений и изучается на материале пословиц и поговорок, идиом, клише, литературных произведений. Если слово реализует себя в контексте речи, то концепт проявляется в контексте культуры. Слово *стол* в вышеуказанных значениях из разных словарей используется в поговорках, привычных выражениях, в обоих языках [Арапова 2016, с. 591–593].

Например, в русском языке мы встречаемся с таким выражением, как *Без соли стол кривой*, а в персидском языке можно найти шутливое выражение (با نمک خودمون غذا رو می خوری *Едим блюдо со своей солью*), которое употребляется в случаях, когда забывают подать соль на стол. Стол здесь понимается не как мебель, а как те блюда, которые на нем стоят. Другими словами, еда для иранского и русского человека – это понятие почти культовое, далеко выходящее за рамки простого приема пищи. Традиционно полагается «достойно принять гостя», т. е. приготовить обильный и разнообразный стол [Берков 2002, с. 19].

Поговорки о гостеприимстве присутствуют в обоих языках и означают, что для гостей принято готовить угощение:

Зять на двор – пирог на стол.

خداست مهمان حبیب – Гость – любимец Бога.

مهمان ناخوانده هدیه خداست – Незваный гость – дар Божий.

Поговорки означают, что всегда надо красиво и правильно благодарить за угощение и за всё, что есть на столе. В этих пословицах концепт *стол* понимается как угощение:

کفت بیرون کند؛ شکر نعمت نعمتت افزون کند، کفر نعمت از – Стол спасибом красится.

چغندر تا پیاز شکر خدا – За свеклу или лук слава Богу!

Молотить – так с краю, а за стол – так в угол полезет. *Молотить с краю* означает, что работать человек идет последним, *а за стол – в угол лезет* – значит, что выбирает самое лучшее место за столом. Оно передается в иранской культуре совсем другой идеей:

آدم مفتخور خوش سليقه مي شود – У нахлебника хороший вкус.

Это о человеке, который хочет получить как можно больше, но за чужой счет, без труда.

جایی که نمک می خوری نمکدان نشکن – Посади свинью за стол, она и ноги на стол (*букв.* ‘Там, где ешь соль, солонку не разбивай’).

В более широком смысле это выражение можно понимать, что, если мы делаем добрые дела или оказываем помощь тому, кто этого не ценит, то бессмысленно ждать какой-то благодарности. Скорее всего, такой человек не ответит на добро. Однако в русском языке идея выражается в довольно резкой форме, что абсолютно невозможно в персидской культуре.

Русской пословице *Пусти гостя за стол, а он и лапти на стол* можно найти соответствие کنگر خورده لنگر انداخته (*Съел бодяк и забросил якорь*). Обе пословицы порицают неподобающее поведение за столом, демонстративно неуважительное отношение к хозяину дома. Однако разница в степени выражения порицания поведения за столом здесь тоже хорошо видна.

Выражению *Серчай, сердись, а за стол садись* можно найти соответствие в персидском языке: سفره حرمت دارد (*Скатерть стоит уважения*), оно означает, что некрасиво отказываться от угощения, даже если вы поссорились с этим человеком.

Пословице *Хлеб на стол – и стол престол. Хлеба ни куска, и стол – доска* в персидском языке соответствует آش خوب باشد کاسه اش چوب باشد (*Если еда хороша, тогда не важна деревянная чашка*). На эту тему есть еще пословицы *Хлеб всему голова*, *Что есть в печи – все на стол мечи*, к которым можно подобрать эквивалент в персидском языке – باشد مهمان هر که باشد در خانه هر چه (*Гостя угощают тем, что в доме*). Другими словами, гостю предлагают всё, чем располагают.

Как уже видно из примеров, в разных языках наблюдаются одинаковые образные модели, положенные в основу устойчивых выражений, и тогда иностранные учащиеся сразу узнают и легко

понимают его значение. Например, некоторые из выражений с концептом «стол» похожи в обоих языках: *пригласить за стол, к столу* – دعوت کردن سر میز، سر سفره; *царский стол* – میز شاهانه (переводится как *королевский стол*) или سفره رنگین (переводится как *разноцветная скатерть*, что означает богатый стол – символ состоятельности хозяев). В последнем случае особенно проявляется разница в русской и персидской материальных культурах: там, где русские используют *стол*, иранцы используют с*катерть*.

Еще примеры: русское *хозяин стола* میزبان، صاحبخانه переводится, как *хозяин дома* и не указывает на слово *стол*; *Без учебы и труда не придет на стол еда* – نابرده رنج گنج میسر نمی شود, можно соотнести с *Без труда и страдания не поймаешь сокровищ*; سفره بی نان جل است، کوزه بی آب گل است – *Скатерть без хлеба – тряпка, кувшин без воды – глина*; *Хлеб на стол, так и стол престол; а хлеба ни куска – так и стол доска* [Жуков 2000]. Последняя русская пословица вообще интересна своеобразной языковой игрой, поскольку во второй ее части слово *стол* употребляется в своем самом первоначальном значении: *стол* – это доска, поставленная на четыре ножки. Можно подчеркнуть, что идеи похожи, но связаны с разными понятиями.

Здесь можно бы добавить, что в русском языке, в отличие от персидкого, довольно много пословиц, которые подчеркивают как раз не очень одобрительное отношение к гостям, особенно неожиданным. Таким выражениям трудно найти эквиваленты в персидском языке, поскольку в персидской культуре отношение к гостю возведено в ранг особо почетных правил общежития. Вот только несколько русских примеров: *Незваный гость хуже татарина, На незваного гостя не припасена и ложка, Не радуйся гостину приезду, радуйся отъезду*.

Некоторые из устойчивых персидских выражений, хотя и близки русским по смыслу, но, имея другой исторический подтекст, передаются другими понятиями. Например, سفره اش همیشه پهن است – *Скатерть у него всегда расстелена* – говорится о гостеприимном, щедром человеке; سفره دلش را باز کرد! – *Раскроил скатерть своего сердца*. Или دل سفره نیست که آدم پیش هر کس باز کنه – *Сердце не скатерть, перед каждым не раскроешь*; в значении поделиться с другими своими секретами используется; سفره انداختن – *расстелить скатерть*, говорится о ритуалах для исполнения желаний.

Другие интересные выражения:

تخت خوابیدن – как на троне спать (в значении *спать комфортно и крепко*) [Персидские пословицы и поговорки URL];

تخت سیاه، بخت سیاه – *черный престол, черная судьба*, т. е. нехорошая судьба [там же];

تخت مردان ز عزت است و سکون – Мужчина достоит престола за его достоинства, величие и мир (*мир* в значении дружбы) [там же];

سفره نیفتاده یک عیب داره، سفره افتاده هزار عیب – Ненакрытая скатерть (*обеденный стол*) имеет один недостаток, а накрытая – тысячу (= *Если не можешь делать хорошо, лучше совсем не делать*) [там же];

خرده انبان خود لذیذترخوان بزرگان ار چه لذیذ ست، – Хотя у богатых большая скатерть вкусна, но вкуснее своя маленькая (т. е. *Есть свой хлеб лучше, чем есть халву или сладость у чужих*) [там же];

نان خود با تره و دوغ زنی، به که از خوان شاه آروغ زنی – Лучше есть свой хлеб с луком и айраном, чем набивать желудок яствами за столом (хан или большая скатерть) шаха [там же].

Интересно выражение هفت خوان رستم را طي کردن, дословный перевод, которого значит: *Проходить седьмую большую скатерть Рустама* в значении «много работать для достижения цели» [Золфагари 2009]. Это выражение относит нас к семи подвигам величайшего персидского героя Рустама, описанных в знаменитой поэме Фирдоуси «Шахнаме».

Как видно, в персидском языке не встречается ни одной пословицы со словом *стол* (میز), его заменяют слова *скатерть* – سفره или *престол* – تخت, *доска* – تخته. Безусловно, употребление слова *стол* в русском языке, как и *скатерть* سفره в персидском, связано с концептами «гость», «гостеприимство», «еда», которые и объединились вокруг слова *стол*.

Заключение

В результате наших исследований мы пришли к выводу, что структура концепта «стол» и реализация его образного потенциала в сопоставляемых языках в основном соотносима. В ходе анализа словарных дефиниций и примеров реализации лексем в словоупотреблении было

выявлено, что в персидском языковом сознании стол – это скатерть, и она связана с такими понятиями, как еда, гость, престол, трон, хан (большая скатерть), доска и т. д. А в русском языковом сознании стол связан с такими понятиями, как еда, богатство, гостеприимство, а еще ранее – трон.

Мы видим, что рассмотренные словосочетания, фразеологизмы отражают народный менталитет и выполняют функцию культурных стереотипов, существующих в данных лингвокультурах. При анализе смыслового наполнения концепта «стол» в словосочетаниях и фразеологизмах персидского и русского языков можно увидеть сходство и различие в отношении к этому концепту в русском и персидском.

В заключение хочется отметить, что еда, домашнее хозяйство в целом и отдельные их части, такие как мебель в качестве предметов материальной культуры, могут рассматриваться как один из важнейших модулей, посредством которого раскрывается национально-специфический образ мира каждого народа. Концепт «стол» тематической группы «мебель» формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира персидского и русского языков. Это позволяет говорить о важности рассмотрения общего в культурах обоих народов.

Настоящая работа может служить материалом для дальнейших лингвокультурологических и когнитивно-дискурсивных исследований, прежде всего в сопоставительном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арапова Г. У. Концепт, понятие и значение слова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 1–4. 2016. С. 591–593. URL: https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8612. [Arapova, G. U. (2016). Kontsept, ponyatiye i znacheniye slova. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy, 1*(4), 591–593. https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8612 (In Russ.)].

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997. С. 267–279. [Askol'dov, S. A. (1997). Kontsept i slovo. In *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* : antologiya (pp. 267–280). (In Russ.)].

Берков В. П. и др. Как мы живём. Пособие по страноведению для изучающих русский язык. СПб: Златоуст, 2002. [Berkov, V. P. et al. (2002). *Kak my zhivjom. Study guide for Russian language learners*. St. Petersburg: Zlatoust (In Russ.)].

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. [Vereshhagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1990). Jazyk i kul'tura: *Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo*. 4th ed., revised. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.)].

Глазунова О. И. и др. Программа по русскому языку как иностранному. Уровень А1–С2. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Курсы, 2018. [Glazunova, O. I. (2018). *Programma po russkomu yazyku kak inostrannomu. Uroven' A1–C2.* Osnovnoy kurs. Fonetika. Leksika. Grammatika.Audirovaniye.Chteniye. Govoreniye. Pis'mo. 2nd ed., stereotyped. M.: Russkiy yazyk. Kursy. (In Russ.)].

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1984. [Gumbol'dt, V. (1984). *YAzyk i filosofiya kul'tury*. Moscow: Progress. (In Russ.)].

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р–Я. М.: А. Семена, 1863. [Dal', V. I. (1863). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: in 4 vols. Vol. 4: R–YA. Moscow: A. Semena. (In Russ.)].

Деххода Алиакбар. Толковый персидский словарь. 1963 (1342). URL: http://www.vajehyab.com/dehkhoda (дата обращения 12.05.2019). [Dekhkhoda Aliakbar. (1963(1342)). Tolkovyy persidskiy slovar'. www.vajehyab.com/dehkhoda (data obrashcheniya 12.05.2019)].

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 6-е изд. М.: Русский язык, 2000. [Zhukov, V. P. (2000). *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok*. 6th ed. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.)].

Золфагари Хасан. Большой словарь персидских пословиц. Т. 1–2. Тегеран: МОиН, 2009 (1388). [Zolfagari Khasan. (2009 (1388)). *Bol'shoy slovar' persidskikh poslovits.* Vol. 1–2. Tegeran: MOiN. (In Russ.)].

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 75–80. [Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2001). Lingvokul'turnyy kontsept kak yedinitsa issledovaniya. In Sternin, I. A. (ed.), *Metodologicheskiye problem kognitivnoy lingvistiki*. Voronezh. S. 75–80. (In Russ.)].

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, V. I. (2002). *YAzykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)].

Карасик В. И. Антология концептов: в 6 т. Т. 1 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. [Karasik, V. I. (2005). *Antologiya kontseptov*: in 6 vols. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)].

Моин Мохаммад. Толковый персидский словарь. Тегеран, 2007 (1386). URL: https://jadvalyab.ir/moein/%D9%85%DB%8C%D8%B2 (дата обращения

10.06.2019). [Moin Mokhammad. (2007 (1387)). Tolkovyy persidskiy slovar'. Tegeran. https://jadvalyab.ir/moein/%D9%85%DB%8C%D8%B2 (date of access: 10.06.2019)].

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. [Ozhegov, S. I., Shvedova, N. YU. (1999). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. 4th ed. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)].

Персидские пословицы и поговорки / пер. Г. В. Арсанис. URL: http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000065/st034.shtml (дата обращения 23.02.2020). [Persidskiye poslovitsy i pogovorki, transl. by G. V. Arsanis. http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000065/st034.shtml (date of access: 23.02.2020)].

Рябкова Е. С. Лингвокультурный концепт как элемент языка и культуры // Альманах современной науки и образования. 2012. № 4 (59). С. 187–188. URL: https://www.gramota.net/materials/1/2012/4/60.html (дата обращения: 23.02.2020). [Ryabkova, Ye. S. (2012). Lingvokul'turnyy kontsept kak element yazyka i kul'tury. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija, 4*(59), 187–188. https://www.gramota.net/materials/1/2012/4/60.html (date of access: 23.02.2020). (In Russ.)].

Современный персидский однотомный словарь / Голамхоссейн Садри Афшар [и др.]. Тегеран: Фарханге Моасер, 2002 (1381). [Golamkhosseyn, Sadri Afshar et al. (2002(1381)). *Sovremennyy persidskiy odnotomnyy slovar'*. Tegeran: Farkhange Moaser].

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Школа языки русской культуры, 1997. [Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].

Успенский Л. В. Этимологический онлайн-словарь. URL: https://lexicography.online/etymology/ (дата обращения 10.06.2019). [Uspenskiy, L. V. (2017). *Etimologicheskiy onlayn-slovar'*. https://lexicography.online/etymology/ (date of access: 10.06.2019) (In Russ.)].

Ягмаи Эгбал. Дневник путешествия Шардена: полный текст: в 5 т. 2-е изд. Тегеран: Тус, 2014. [Yagmai Egbal. (2014). *Dnevnik puteshestviya Shardena*: polnyy tekst: in 5 vols. 2nd ed. Tegeran: Tus.].

УДК 81'42

Е. Ф. Косиченко, А. Д. Старостина

Косиченко Е. Ф., доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: ekosichenko@gmail.com

Старостина А. Д., аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: moncher94@gmail.com

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОГО СОБЫТИЯ В СМИ
(на примере новостных заголовков)

В статье предлагается точка зрения, согласно которой заголовки фейковых новостей являются наиболее эффективным средством конструирования социально значимых событий. На примере болезни Анастасии Заворотнюк показано, что заголовки новостных сообщений вводят в фокус внимания отдельный аспект некоторого происшествия, и тем самым не только конструируют событие, но создают условия для того, чтобы оно оставалось в центре внимания общественности неопределенное время.

Ключевые слова: событие; фокус; массмедийные заголовки; новостной дискурс.

E. F. Kosichenko, A. D. Starostina

Kosichenko E. F., Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Head of the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: ekosichenko@gmail.com

Starostina A. D., PhD student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: moncher94@gmail.com

FAKE NEWS AS A MEANS OF STRUCTURING SOCIAL EVENTS
(an analysis of news headlines)

The article comments on the role of fake news headlines in constructing social events. The authors analyze a series of headlines introducing articles that were published between September 2019 and February 2020 and contained information about the progressing illness of the Russian actress A. Zavorotnyk. The analysis proves that the effectiveness of headlines as means of structuring social events is achieved by focusing on different aspects of a not initially newsworthy event. The social event 'A. Zavorotnyk's illness' is used to show that (de)focusing is also an important mechanism of maintaining the interest of large audiences for as long as it is needed without exhausting the subject.

Key words: event; focus; mass media headlines; news discourse.

CC BY

Введение

Характерной чертой современного мира является неуклонно растущее влияние СМИ на развитие всех без исключения областей общественной жизни, а также отражение их сообщений на жизни отдельных людей. Данная тенденция обусловлена целым рядом причин, наиболее важными из которых являются, во-первых, распространение Интернета, его доминирующая роль среди других средств передачи новостных сообщений; во-вторых, готовность современного человека к получению большого объема информации. Отметим, что в информационном отношении современный человек является достаточно «всеядным», готовым к восприятию практически любой информации при условии, что ее обработка не требует особых усилий. Такого рода информационная восприимчивость сопровождается нежеланием человека критически осмысливать и интерпретировать поступающую информацию, с одной стороны, и растущей потребностью в эмоциональных переживаниях – с другой. Названные особенности, а именно: увеличивающийся объем информации, потребность в новых впечатлениях, недостаточно критическое восприятие мира, способствуют тому, что в центре внимания широкой общественности оказываются не только политически, социально и культурно значимые события, как это было еще четверть века назад, но также истории, сконструированные СМИ из бытовых происшествий и возведенные в ранг эпохальных событий. Такого рода сконструированные события рождаются из серии фейковых новостей и заслуживают внимания не только журналистов, но также лингвистов, философов, социологов, политологов, и т. д.

Заметим, что понятие «фейк» является достаточно широким и относится как к полностью сфабрикованным новостным сообщениям, так и к искусственно возведенным в ранг новостей обыденным историям, например, о жизни известных или даже «простых» людей. В лингвистическом плане фейковые новости интересны тем, что их анализ позволяет выявить и описать роль языка как одного из механизмов их создания. В более широком смысле каждый фейк своеобразным образом изменяет реальность, и в этой связи важное значение приобретает проблема интерпретации действительности, которую, вслед за рядом исследователей [Лотман 1997; Григорьев 1999], мы понимаем как переписывание некоторого текста иным, но

адекватным, образом как важный этап познания. В случае фейковых новостей интерпретация навязывается реципиенту и достаточно жестко направляет ход его мысли.

В данной статье предпринимается попытка продемонстрировать, каким образом происходит конструирование социально значимых событий о частной жизни людей, и показать, как посредством языка осуществляется трансформация рядового происшествия в социально значимое событие. Ключевую роль в нашем исследовании приобретают новостные заголовки, рассматриваемые как репрезентанты социально значимых событий, выполняющие информативную функцию и функцию эмоционального воздействия, а также являющиеся средством вовлечения широкой аудитории в новую медиареальность. В качестве основного метода исследования выступает метод дискурсивного анализа, позволяющий продемонстрировать, что конструирование события связано с созданием новой семиотической реальности, а также установить роль интертекстуальных связей и линвостилистических средств языка в создании социально значимого события и в поддержании интереса к этому событию со стороны широкой аудитории на протяжении длительного времени.

Методология исследования

Основными понятиями данной статьи являются понятия «новостной дискурс», «конструирование события», «фокус», «социально значимое событие», которые, как это часто бывает в гуманитарных науках, по-разному рассматриваются в разных исследованиях. С учетом выбранного подхода и исследовательского метода, вслед за Т. Г. Добросклонской, будем понимать новостной дискурс как часть массмедийного дискурса, как совокупность текстов, функционирующих в сфере новостного вещания, взятых в единстве языковых и экстралингвистических характеристик, связанных с их производством, распространением и восприятием [Добросклонская 2015].

В научной литературе выделяют два основных подхода к пониманию события: онтологический и интерпретативный [Демьянков 2004]. При онтологическом подходе событие рассматривается как некоторый зафиксированный языком фрагмент знания о мире, как совокупность фактов, которые описывает язык, как то, что протекает или случается [Whitehead 1929]; интерпретативный подход предполагает

понимание события как части действительности, которая сконструирована при помощи языка [Делез 1998]. Поскольку мы целиком разделяем точку зрения о том, что в современном мире события не происходят, а являются произведенными [Бодрияр 2014], в данной статье мы будем придерживаться интерпретативного подхода.

Считается, что термин «конструирование» был введен в научный оборот Р. Лэнекером, который понимал конструирование с позиции когнитивной лингвистики, а именно, как отношение между говорящим и ситуацией, которую тот концептуализирует или изображает [Langacker 1987]. Обращаясь к категории события, К. Кэмпбелл и К. Джемисон особо выделяют социально значимые события, которые, согласно их концепции, распадаются на несколько типов: события-происшествия, события-конфликты, политические события и события, повествующие о жизни известных людей [Jamieson, Campbell 1992]. Каждый из названных типов события выстраивается по определенной схеме, предполагающей наличие ряда обязательных элементов. Как правило, события из жизни знаменитостей конструируются вокруг героя или героини, чей образ, несмотря на уникальность каждой истории, создается по единому сценарию и относительно едиными языковыми средствами, которые направленно используются для детализации той части истории, которая попадает в фокус внимания. Вслед за К. Джемисоном и К. Кэмпбеллом, мы полагаем, что обязательными элементами историй рассматриваемого нами типа являются наличие в истории: главного героя, драматизма или борьбы интересов, активного действия, новизны и степени отклонения от общепринятых норм, а также способ привязки данного события к уже освещаемой в СМИ истории [там же].

В журналистике социально значимое событие понимается как сообщение о факте действительности, которое определяется наличием социальной информации, отвечает интересам большой аудитории и является важным условием существования человека в социуме [Красикова 2013, с. 114]. Таким образом, существенным признаком социально значимого события является то, что члены социума испытывают потребность в такого рода социальных явлениях, заполняя ими свой досуг, и могут воспринимать их не как сконструированную реальность, а как реальную действительность. Другим не менее важным признаком социально значимого события является тот факт, что его создание осуществляется на основе наполовину вымышленных

или полностью придуманных новостей – фейков. Кроме того, важно подчеркнуть, что период существования сконструированного события может быть любым и зависит от интереса к нему со стороны аудитории; часто некоторое событие в один момент теряет свою социальную значимость и уступает место более востребованной истории. Таким образом, жизнь современного человека можно представить как перемещение из одной медиареальности в другую, как череду реальностей со своими правилами и ценностями, складывающихся в особую семиотическую реальность – современную культуру.

В своем понимании явления фокусирования и его роли в конструировании событий мы придерживаемся мнения О. К. Ирисхановой, полагающей, что данный процесс основан на изменениях в распределении внимания, приводящих к повышению или понижению степени выделенности определенных элементов конструируемой ситуации или объекта. Основным свойством фокусирования выступает шкала выделенности, на которой языковые единицы дифференцируют определенные участки – основной фокус, вторичный и фон [Ирисханова 2014, с. 46–47]; при этом распределение внимания может осуществляться не прямым путем, а в результате способности единицы языка перенаправлять фокус на другие средства, например, на соседние слова или на участников коммуникации [Talmy 2006, с. 32–36].

Поскольку целью нашей статьи является продемонстрировать, что социально значимое событие создается и поддерживается путем смещения фокуса внимания с одного аспекта некоторого происшествия на другой, а также с учетом того, что механизм фокусирования, как справедливо замечает О. К. Ирисханова, проявляется в лексической семантике, синтаксисе и прагматике [Ирисханова 2014, с. 296], задачей статьи является установление того, каким образом использование стилистического потенциала орфографических, грамматических, лексических средства языка позволяет авторам новостных заголовков привлечь внимание к некоторому происшествию, и каким образом язык – через создание нужных интертекстуальных связей и ассоциаций – участвует в конструировании событийной (актуальной) реальности.

Фокусирование как механизм конструирования события

Обратимся к заголовкам новостных сообщений, которые на протяжении полугода, с сентября 2019 года по февраль 2020 года, появлялись

как в сетевых, так и в печатных изданиях и выступали основными средствами конструирования медийного события «болезнь актрисы Анастасии Заворотнюк».

Одним из первых в Сети появилась статья с таким заголовком: «Анастасия Заворотнюк промолчала в ответ на вопрос о раке»[1]. Сразу оговоримся, что имя и фамилия актрисы составляют тему данного события, поэтому являются средством привлечения внимания и необходимым элементом каждого заголовка, при этом в фокусе внимания оказываются другие элементы.

В структурно-синтаксическом плане данный заголовок ничем не примечателен; как правило, такого рода простые предложения привлекаются для констатации фактов, и в фокусе внимания реципиента, как это обычно бывает в простых повествовательных предложениях, находится сказуемое, выраженное в нашем случае словом *промолчала*. Заметную роль – по причине специфики своей семантики – играет слово *рак*, однако основной фокус падает именно на слово *промолчала*, которое, указывая на дискурсивную тактику уклонения от ответа, вступает в противоречие с утвердительным характером данного заголовка. Кроме того, в плане актуализируемых интертекстуальных связей слово *промолчала* вызывает в сознании носителей языка известную мысль о том, что молчание – это знак согласия. Таким образом, механизм фокусировки в данном случае срабатывает, во-первых, благодаря противоречию между значением уклонения, которое передается словом *промолчала*, и констатирующим характером предложения, во-вторых, за счет наличия в тексте заголовка реминисценции. В целом синтаксическая организация заголовка и привлекаемые в нем лексические средства эксплицируют два момента: актриса больна раком, но она отказывается комментировать эту информацию.

Вслед за первыми сообщениями о болезни актрисы последовали другие сообщения, и в более поздних заголовках акцент падает на такие подробности личной жизни актрисы, как паралич на фоне прогрессирующей болезни, уход супруга, необходимость для ее семьи скрываться от уплаты налогов, экстракорпоральное оплодотворение как причина заболевания, потеря интереса к ней со стороны зрителей как к актрисе и личности и т. д.

[1] URL: https://lenta.ru/news/2019/09/05/zvrtnk/

Даже простое ознакомление с заголовками, появившимися на страницах новостных изданий в один день, а именно, 16 сентября 2019 года, показывает, что они не дают более или менее целостной картины происходящего, но вместе с тем являются эффективным средством поддержания читательского интереса. Приведем эти заголовки.

- «Заворотнюк не умирает: актриса набивает себе цену фейковыми новостями о раке»[1]
- «СМИ сообщили об осложнениях у Заворотнюк»[2]
- «“Забилась в угол”: Гришаева показала испуганную Заворотнюк»[3]
- «Анастасия Заворотнюк обратилась к врачам, которые не спасли Дмитрия Когана»[4]
- «Анастасия Заворотнюк умирает: кто распустил слухи о болезни»[5]
- «Это важно: Фриске неожиданно высказался об умирающей Заворотнюк»[6]

Как отмечалось выше, темой и основным средством привлечения внимания во всех заголовках выступает фамилия актрисы; что касается истории ее болезни, то каждый заголовок – это средство репрезентации очередного фейка – новостного сообщения, в котором акцентируется определенный аспект конструируемого события, как, например, предположение о пиар ходе (*набивает себе цену*), медицинский ракурс (*осложнениях, обратилась к врачам*), эмоциональный аспект (*испуганная, забилась в угол*), наконец, попытка представить событие как историю с трагическим концом (*умирает*, *умирающей*). Важная роль здесь принадлежит лексическим средствам языка, указывающим на сомнительный характер новостных сообщений, как например, *фейковыми новостями*; *кто распустил слухи*; *сообщили о*; *высказался о.*

[1] URL: www.eg.ru/showbusiness/780473-zavorotnyuk-ne-umiraet-aktrisa-nabivaet-sebe-cenu-feykovymi-novostyami-o-rake/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

[2] URL: https://ria.ru/20190916/1558733778.html

[3] URL: dni.ru/showbiz/2019/9/16/432113.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

[4] URL: www.cosmo.ru/stars/news/16-09-2019/anastasiya-zavorotnyuk-obratilas-k-vracham-kotorye-ne-spasli-dmitriya-kogana/

[5] URL: glavred.info/stars/10104812-anastasiya-zavorotnyuk-umiraet-kto-raspustil-sluhi-o-bolezni.html

[6] URL: dni.ru/showbiz/2019/9/16/432142.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

Выделение в каждом заголовке определенного аспекта способствует постепенной трансформации достаточно обычного (от этого не менее трагичного) случая в событие, с одной стороны, и выступает средством привлечения максимально большой аудитории – с другой.

Помимо других лексических единиц, в трех случаях привлекаются также имена собственные, посредством которых актуализируются интертекстаульные связи и происходит уже не постепенное, а достаточно резкое «приращение смысла» и событие приобретает размах. Имена собственные *Дмитрий Коган*, *Фриске* отсылают реципиента к недавним трагическим событиям, еще больше вовлекают его эмоционально, вынуждая спекулировать на тему о том, по какому из возможных сценариев будет развиваться событие.

Позднее в СМИ были опубликованы и другие статьи на эту тему, затрагивающие такие интимные подробности жизни актрисы, как ее отношения с супругом и другими членами семьи, ее финансовое положение и т. д. Приведем примеры:

- «Чернышев оставил Заворотнюк без копейки»[1]
- «Семья Заворотнюк пришла в ужас от грязных танцев актрисы»[2]
- «Заворотнюк затравили за интрижку с женатым»[3]
- «“Оформляли завещание”: к Заворотнюк приезжал нотариус»[4]
- «Больную Заворотнюк лишили денег на лечение»[5]
- «“Лежит бездыханная”: правда о здоровье Заворотнюк вылезла наружу»[6]
- «СМИ: Заворотнюк умерла и уже похоронена»[7]

Данные заголовки появлялись в СМИ с сентября 2019 года по февраль 2020 года, и в каждом новом заголовке затрагивался ранее неизвестный «факт», благодаря чему тема оставалась актуальной на протяжении длительного времени. Примечательно, что все более поздние заголовки стилистически маркированы, содержат эмоционально

[1] URL: https://bb.lv/statja/lifenews/2019/12/10/smi-chernyshev-ostavil-zavorotnyuk-bez-kopeyki

[2] URL: https://utro.ru/showbiz/2019/12/26/1430515.shtml

[3] URL: https://utro.ru/showbiz/2019/12/22/1429960.shtml

[4] URL: https://www.gazeta.ru/culture/2019/09/25/a_12685915.shtml

[5] URL: https://utro.ru/showbiz/2019/12/21/1429895.shtml

[6] URL: https://utro.ru/showbiz/2020/01/29/1433376.shtml

[7] URL: https://mignews.com/news/lifestyle/101019_214635_56477.html

окрашенную (*затравили*, *бездыханная*, *завещание*, *умерла*, *похоронена*) и сниженную (*интрижка*) лексику, а также устойчивые сочетания (*оставил без копейки*, *пришла в ужас*, *грязные танцы*, *вылезла наружу*, *лишили денег*).

Из проанализированного материала видно, что важной характеристикой фейковых новостей, направленных на конструирование социально значимого события, является их смысловая неисчерпаемость, возможность для их авторов – благодаря смещению фокуса на новый аспект события – продолжать историю настолько долго, насколько аудитория готова их воспринимать.

Заключение

Социальные события прочно вошли в нашу жизнь и привлекают внимание большого числа людей не своим оригинальным содержанием или достоверностью, не исторической или культурной значимостью, а тем, что апеллируют к потребностям современного человека в эмоциональных переживаниях, а также к его стремлению – на фоне всё большей индивидуализации общества и всё более обособленного образа жизни отдельных граждан – принадлежать к определенному сообществу людей. Другим фактором, определяющим рост интереса к такого рода сконструированным событиям является их способность отвлекать граждан от политических и экономических проблем, направлять массовое мышление в более «комфортное» русло, задавать ценностные ориентиры и в целом формировать определенную систему ценностей.

Проведенный в рамках данного исследования анализ позволяет сделать вывод о том, что медийные заголовки являются основным средством конструирования социально значимых событий, чему в значительной мере способствует механизм фокусирования; при этом привлекаемые к их организации лингвистические средства заметно изменяются от более нейтральных к всё более и более стилистически маркированным. Данная тенденция объясняется, на наш взгляд, необходимостью поддерживать интерес читателей; при этом первостепенной задачей здесь является даже не формирование у читателя некоторой определенной точки зрения, как это было еще двадцать лет назад, а создание для него новой реальности, в которой читатель будет проживать свою жизнь, часто игнорируя свои даже

самые насущные потребности. Примечательно, что благодаря растущим возможностям Интернета смена ценностных ориентиров может происходить достаточно быстро и охватывать максимально большое число людей; также быстро протекает адаптация человека к новой реальности, сопровождаемая замещением в его сознании подлинных ценностей навязанными.

Подчеркнем, что несмотря на множество индивидуальных интерпретаций широко обсуждаемого события, вновь сконструированная реальность является общей для всех вовлеченных в нее людей, их новым социумом, который играет исключительно важную роль в их жизни, поскольку апеллирует к их эмоциональным переживаниям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бодрияр Ж. Судьбоносные события. Библиотека электронной литературы, 2014. URL: litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bodrijyar-zhan/prozrachnostj-zla/6. [Bodriyar, Zh. (2014). *Sud'bonosnye sobytiya*. Biblioteka elektronnoj literatury. litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bodrijyar-zhan/prozrachnostj-zla/6].

Григорьев Б. В. Философия как часть семиологии. Имена и вещи: предметность и функции знака: монография. М. : МПГУ, 1999. [Grigor'ev, B. V. (1999). *Filosofiya kak chast' semiologii. Imena i veshchi: predmetnost' i funkcii znaka*: monografiya. M.: MPGU. (In Russ.)].

Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. М. Фуко. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. [Delyoz, Zh. *Logika smysla* / per. s fr. M. Fuko. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga. (In Russ.)].

Демьянков В. З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. Часть 2 / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во Московского университета, 2004. С. 68–83. [Dem'yankov V. Z. Semiotika sobytijnosti v SMI. In *Yazyk SMI kak ob»ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya*: ucheb. posobie. Chast' 2 / otv. redaktor M. N. Volodina. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004. S. 68–83.]

Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сборник научных работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. Белгород: НИУ БелГУ, 2016. С. 13–22. [Dobrosklonskaya, T. G. (2016). Novostnoj diskurs kak ob»ekt medialingvisticheskogo analiza. Diskurs sovremennyh mass-media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovaniya (p. 13–22): sbornik nauchnyh rabot / pod red. E. A. Kozhemyakina, A. V. Polonskogo. Belgorod: NIU BelGU. (In Russ.)].

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Iriskhanova, O. K. (2014). *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya.* M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)].

Красикова Т. Конструирование социально значимых событий в журналистских текстах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 27 (170). С. 112–125. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-sotsialno-znachimyh-sobytiy-v-zhurnalistskih-tekstah/viewer [Krasikova, T. (2013). Creation of socially significant events in media texts. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 27*(170), 112–125. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-sotsialno-znachimyh-sobytiy-v-zhurnalistskih-tekstah/viewer (In Russ.)].

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. М.: Языки русской культуры, 1999. [Lotman, Yu. M. (1999). Vnutri myslyashchih mirov. In Lotman, Yu. M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya*. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury. (In Russ.)].

Суходолов А. П. Феномен фейковых новостей в современном медиапространстве. 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-feykovyh-novostey-v-sovremennom-mediaprostranstve/viewer. [Suhodolov, A. P. (2017). Fenomen fejkovyh novostej v sovremennom mediaprostranstve. https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-feykovyh-novostey-v-sovremennom-mediaprostranstve/viewer (In Russ.)].

Jamieson K. H., Campbell K. K. The interplay of influence: News, advertising, politics, and the mass media. Belmont, CA: Wadsworth, 1992.

Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Talmy L. Attention phenomena. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Whitehead 1929 Process and Reality. An essay in Cosmology. URL: http://groups.apu.edu/theophil/Culp/Phil496%20Readings/Whitehead%20Process%20Reality.pdf

УДК 81'42

О. М. Куницына

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области права Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: kunitsyna_mglu@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье исследуется построение поликодового текста, описываются модели его когнитивного восприятия, рассматривается вопрос о первичности визуального или вербального восприятия при обработке содержания. Анализируются основные характеристики интернет-коммуникации, дается определение понятия «поликодовый текст», описывается соотношение и типы взаимосвязи вербальных и невербальных элементов в рамках поликодового текста.

Ключевые слова: компьютерно-опосредованная коммуникация; поликодовый текст; вербалика; невербалика.

O. M. Kunitsyna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Linguistics
and Professional Communication in Law,
Institute of International Law and Justice,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: kunitsyna_mglu@mail.ru

FEATURES OF CONSTRUCTION AND PERCEPTION OF MULTIMODAL TEXTS IN MODERN COMMUNICATION

This article examines the problem of constructing a multimodal text, describes the models of its cognitive perception, and considers the question of the primacy of visual or verbal perception when processing the content of a multimodal text. The article analyzes the main characteristics of the Internet communication, defines the concept of multimodal text, and describes the relationship and types of interaction between verbal and nonverbal elements within a multimodal text.

Key words: computer-mediated communication; multimodal text; verbal component; nonverbal component.

Введение

Человеческая коммуникация подвижна и многообразна. Сегодня можно свободно общаться без учета времени и пространства. Гибкость

CC BY

и подвижность границ сообщений в коммуникативном пространстве, сплетение различных кодов, возможность нарушать стандарты и нормы является условием успешной коммуникации. Современная коммуникация для обмена информацией, для взаимодействия и развития отношений между субъектами коммуникации использует сложный поликодовый или полимодальный механизм, включающий вербальные и невербальные компоненты.

Основные характеристики современной коммуникации

Ежедневно мы сталкиваемся с огромным количеством полимодальных и поликодовых текстов. Полимодальность становится постоянной характеристикой процесса коммуникации [Stöckl 2016, Hennecke 2015], особенно учитывая тот факт, что большой объем ежедневной коммуникации переместился в область компьютерно-опосредованной коммуникации. Такая коммуникация представляет для коммуникационной личности широчайшие возможности. При создании сообщения возможно использование максимального количества ресурсов в различных знаковых системах, а именно: вербальных, визуальных, графических, музыкальных, статических и динамических элементов. Язык сообщений в компьютерно-опосредованной коммуникации развивается, адаптируясь к новым реалиям, постоянно изменяясь и приспосабливаясь. Новые технологии и новый масштаб коммуникации приводят нас в эпоху «дигитализации» и «осетевления» [Больц 2011, с. 5].

Компьютерно-опосредованная коммуникация определяется как «информационное взаимодействие, обмен сообщениями коммуникационных субъектов в опосредованной компьютерными технологиями среде речевой практики» [Баркович 2019, с. 1]. В качестве такого рода коммуникации можно рассматривать любой двусторонний обмен информацией через Интернет (электронную почту, социальные сети, чаты), а также односторонние сообщения (гипертексты, рекламные сообщения и др). По сути, это любая дистанционная коммуникация, которая развивается и получает свое практическое воплощение через Интернет.

Интернет «формируется как инфраструктура интерактивной мировой коммуникации» [Больц 2011, с. 95]. Пользователи могут общаться сегодня вне времени и пространства, переходя из роли автора информации в роль пассивного реципиента. В процессе общения часто теряется

тема или предмет коммуникации. Акцент переносится на сам процесс, на наличие коммуникации. Каждый участник интернет-общения стремится не к передаче качественно насыщенной информации, а к участию в глобальной коммуникации, хочет быть частью мира Сети.

Интернет-коммуникация, всегда существовавшая для обмена информацией, для воздействия на собеседника, сегодня всё чаще существует как «коммуникация ради коммуникации», ради сопричастности к определенному сообществу, для выражения своего мнения по определенному поводу, без реакции собеседника. В большинстве случаев теряется важность передачи информации, «информация просто не важна: коммуникация коммуницирует коммуникацию. Мы разговариваем. Этого достаточно. Отношения коммуникации, совершенно очевидно, не требуют объяснения и обоснования» [Больц 2011, с. 95]. Удовольствие от общения не имеет ничего общего с получением информации. Общение сводится к констатации самого факта коммуникации.

В сформировавшихся условиях современной коммуникации поликодовые тексты представляют собой одну из наиболее подходящих форм общения.

Понятие поликодового текста

Объективная необходимость современного процесса коммуникации с учетом социальных и психологических условий существования личности человека приводит к необходимости создания кратких ярких текстовых сообщений. Интернет как раз делает возможным создание текстов с участием разных кодов и их комбинаций.

С позиции культурологии и семиотики текстом является всё, что кодировано определенным образом, например: музыка, танец, архитектурное произведение и т. п. Результатом коммуникативно-речевой деятельности и основным элементом в системе коммуникативных действий является сообщение [Маклюэн 2003, с. 10] или текст [Чернявская 2009, с. 135] в широком смысле слова. Вслед за Е. В. Чернявской, под текстом мы понимаем совокупность лингвистических и экстралингвистических вне-, надъязыковых стиле- и текстообразующих факторов [Чернявская 2009, с. 134].

Акт коммуникации строится на сообщениях, реализованных в каком-либо коде. Код – одно из центральных понятий теории коммуникации.

«Кодирование сообщения, как один из этапов коммуникационного процесса, представляет собой конвертирование одной сигнальной системы в другую при помощи «внутреннего кода («языка мыслей») и внешнего (вербальная и невербальная формы)» [Леонтович 2003, с. 43].

Напечатанные тексты, например рекламные сообщения, используют изображение и текст, радиотексты интегрируют в произнесенный текст музыку и звуки, а в динамических поликодовых текстах сочетается максимальное число знаков и кодов: непосредственно текст, изображение и звук. Кроме того, в таком поликодовом тексте могут использоваться и невербальные элементы (мимика, жесты) и паравербальные элементы, такие как интонация, тембр голоса либо типография и др. Они не выполняют грамматической функции, но необходимы для декодирования сообщения, объединяющего в себе всех вышеперечисленные элементы [Potapova 2011, с. 65].

Из-за широкого распространения и возрастающего значения поликодовых текстов стремительно сближаются позиции семиотики и лингвистики, хотя тенденция к изучению текста как негомогенной единицы коммуникации намечалась уже в конце прошлого столетия. В 1970 году Р. Якобсон писал в одной из своих статей, что следует различать сообщения «гомогенные», основывающиеся на одной семиотической системе, и «синкретические», которые основываются на комбинации и объединении разных знаковых систем, например, сообщения, сочетающие целый ряд аудиальных и визуальных семиотических средств [Якобсон 1985, с. 327–328].

Таким образом, исследования текста как коммуникативной единицы сегодня не могут ограничиваться лишь изучением языковой составляющей. Доминирующее значение вербального или печатного текста отступает в пользу возрастающего значения использования изображения как неотъемлемого элемента поликодового текста. В отличие от исследований текста конца прошлого века, сегодня не возникает сомнения в том, что невозможно исследовать текст, опираясь лишь на текстовые категории, не учитывая многомерность и сложность данного явления [Stöckl 2010]. Лингвисты придают всё большее значение соединению языковых знаков в текст. В свои исследования они включают анализ дизайна, шрифта, графики, визуального и светового оформления. Все элементы, влияющие на восприятие текста в целом, помогают сделать выводы относительно функционирования

текстовых смыслов. Находясь в тесной взаимосвязи, вербальный текст может передавать смыслы через графическую форму, а изображение может читаться как вербальный текст.

Проблема текстовой гетерогенности выходит за рамки собственно лингвистических представлений и является объектом междисциплинарных исследований.

Исследователи текста опираются на достижения когнитивной психологии, культурологии, семиотики, психолингвистики, теории коммуникации и когнитивной лингвистики. При изучении поликодовых текстов исследовательские интересы всё больше перемещаются от вопросов внутритекстовой организации к процессам тексто- и смыслопостроения, что обусловливает междисциплинарный характер и комплексных подход в описании механизмов построения и восприятия поликодовых текстов.

Вслед за такими отечественными авторами, как Р. К. Потапова, Е. В. Чернявская, А. Г. Сонин, И. М. Беляков, в качестве базового понятия для описания этого многомерного явления принимаем термин «поликодовый текст», но не исключаем другие названия гибридных текстов, такие как «креолизованный текст» (Е. Е. Анисимова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. А. Бернацкая и др.), «мультимодальный текст» (О. А. Блинова, О. К. Ирисханова, М. В. Томская, H. Stöckl, A. Hennecke), «медиатекст» (Н. В. Чичерина). На данный момент в лингвистике нет однозначного общепринятого названия для обозначения такого рода текстов. Существует ряд точек зрения, которые имеют достаточно оснований для обозначения текстов, состоящих из вербальной и невербальной составляющих. Очевидными становятся эти разногласия при сопоставлении отечественных разработок с исследованиями зарубежных авторов. Использованный нами ранее термин «креолизованный текст» отвергается современными отечественными лингвистами в силу своей схожести с термином «креольский» и неоднозначности восприятия. Термин «мультимодальный текст», широко используемый в первую очередь западными лингвистами также неоднозначен, так как может пониматься и как текст, передаваемый через различные каналы коммуникации, и как текст, воспринимаемый разными органами чувств [Stöckl 2016].

А. Г. Сонин определяет «поликодовый текст» как «специфическое произведение, возникшее на основе взаимодействия в едином

графическом и смысловом пространстве гетерогенных составляющих (изобразительной и вербальной)» [Сонин 2005, с. 97].

В. Н. Степанов полагает, что поликодовый текст может представлять собой «сложную семиотическую систему, компоненты которой могут иметь самостоятельную коммуникативную нагрузку и выполнять комплементарную функцию по отношению к коммуникативной задаче всего текста» [Степанов 2004, с. 41].

Мы далее будем рассматривать поликодовый текст как вербально-визуальное единства, как когерентное структурное, смысловое и функциональное целое, слагаемое из нескольких семиотических кодов для направленного комплексного воздействия на адресата.

Сочетание вербальных и невербальных средств в поликодовом тексте

Поликодовый текст представляет собой определенную структуру, составляющие которой связаны между собой содержательно и формально. Целое в данном случае не простая сумма составляющих, а взаимодействие всех элементов при порождении и декодировании поликодовой коммуникации. Около 70% всей информации доносится до адресата при помощи невербальной или паралингвистической информации [Предтеченская 2000, с. 68]. Согласно статистическим исследованиям американского социолога и психолога А. Мейерабиана в межличностной коммуникации – 55% занимает невербалика, 38% – голос, т. е. паралингвистика, и лишь 7% – вербалика, а именно, значение произносимых слов [Mehrabian 1981]. Таким образом, слова передают информацию, невербалика выдает отношение к этой информации, чувства и эмоции. Эти компоненты неразрывно связаны между собой, для окончательного верного восприятия передаваемой информации необходимо декодирование и интерпретация всех компонентов сообщения.

К невербальной коммуникации относятся такие элементы коммуникации, как мимика, жесты, зрительный контакт, прикосновения, паралингвистика и др. [Молчанова 2014, с. 97].

К паралингвистическим средствам устной речи относятся сопровождающие речь факторы, например: смех, молчание, тембр голоса, темп речи [Potapova 2011, с. 67].

Под паралингвистическими средствами письменного текста следует понимать графическое оформление текста, необычную

орфографию слов, шрифтовые выделения, расстановку пунктуационных знаков, а также схемы, рисунки, фотографии, изображения и др. [Горюнова 2005, с. 31].

Паралингвистические средства являются частью невербальной составляющей поликодового текста. Функциями паралингвистических средств по отношению к вербальной составляющей является:

- внесение социальной информации: акцент, неправильное ударение, диалектизмы;
- внесение оценочной информации: логическое ударение, интонация, иронический тон;
- внесение дополнительной информации, в том числе противоречащий или отменяющий вербальную информацию;
- замещения вербального элемента (например, улыбка, смех, молчание);
- сочетание с вербальными элементами для подтверждения общего смысла [Молчанова 2014, с.193].

Как составные части коммуникации вербальные и невербальные компоненты поликодового текста находятся в тесной взаимосвязи. А. Хеннеке выделяет два основных типа связи вербальной и невербальной части поликодового текста [Hennecke 2015, с. 212]:

- отношения дополнения: речь идет о второстепенном дополнении одной или другой части;
- отношения зависимости: речь идет о двусторонней зависимости частей друг от друга.

Выделяют также следующие виды связей вербальных и невербальных компонентов поликодового текста: регулирование, акцентирование, повторение, противопоставление, субституция, дополнение (Р. К. Потапова, В. В. Сазонов, К. Б. Шошников, Г. Н. Тельминов).

Построение поликодового текста

В поликодовых текстах с отношением дополнения вербальная и визуальная часть могут существовать и быть понятыми отдельно. Изображение иллюстрирует или наглядно показывает, привлекает внимание к определенной детали содержания вербальной части. Вербальная часть комментирует или интерпретирует изображение, ограничивает множество значений, возникающих при восприятии изображения, и в какой-то мере направляет ход мыслей реципиента.

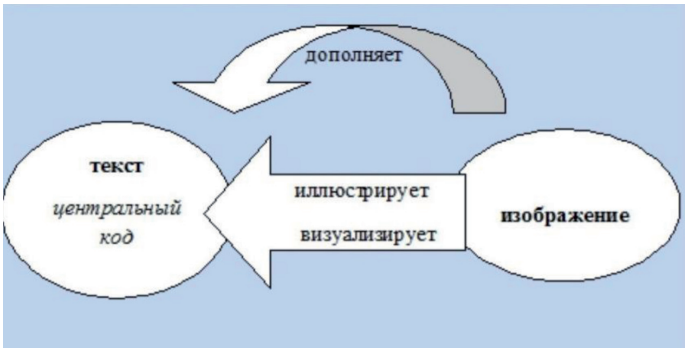


Рис. 1. Модель построения поликодового текста с доминирующей вербальной частью

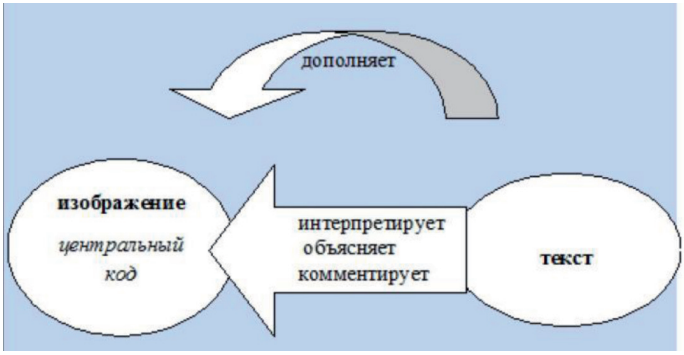


Рис. 2. Модель построения поликодового текста с доминирующей визуальной частью

Такое дополнение вербальной и визуальной частей поликодового текста друг друга облегчает восприятие и запоминание содержания сообщения. В зависимости от задачи, которую ставит перед собой автор, в поликодовом тексте одна из частей будет иметь доминирующее значение, другая второстепенное. Это хорошо видно на рисунках 1 и 2 [Hennecke 2015].

В данной модели (см. рис. 1) доминирующей является вербальная часть, изображение выполняет второстепенную функцию, иллюстрируя и визуализируя текст. Такие отношения составляющих поликодового текста могут встретиться, например, в специализированной технической

литературе, с наглядными графиками и диаграммами. Изображение структурирует содержание текста и облегчает его понимание.

Следующая модель построения поликодового текста, в которой доминирует изображение, может встретиться, например, в инструкции по эксплуатации. Короткий текст лишь поясняет и комментирует то, что изображено (см. рис. 2).

Если обе части поликодового текста (вербальная и визуальная) не дополняют друг друга, не второстепенны по отношению к одной доминирующей части, но находятся во взаимодействии, то речь идет об отношении зависимости (см. рис. 3). Чтобы реконструировать смысл высказывания, необходимо восприятие и интерпретация обеих частей поликодового текста. Такой вариант взаимоотношений текста и изображения в поликодовом тексте встречается чаще всего в интернет-коммуникации, это гипертексты, рекламные сообщения и др. Для таких текстов не столь важно передать информацию, сколько передать эмоции, произвести впечатление, вызвать интерес, привлечь внимание. На рисунке 3 это выглядит следующим образом:

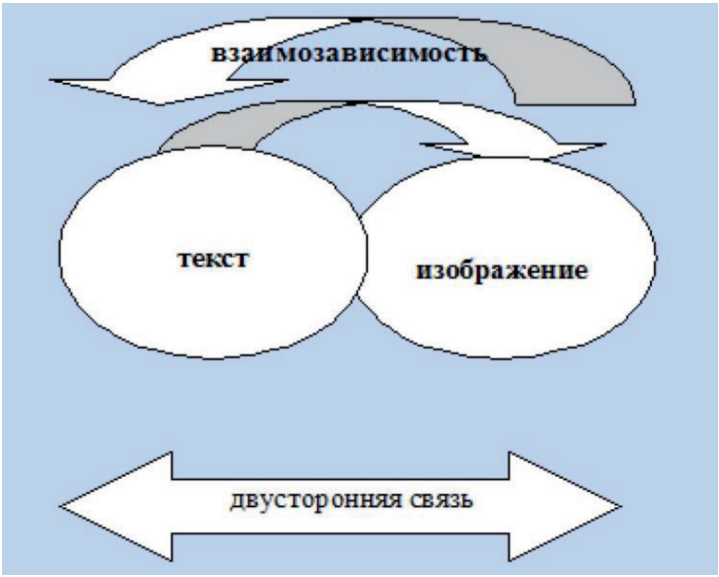


Рис. 3. Модель построения поликодового текста с отношением взаимозависимости вербальной и визуальных частей

Здесь иллюстрируется двусторонняя связь текста и изображения, без декодирования одной части поликодового текста не может быть правильно понята и интерпретирована другая.

Восприятие поликодового текста

Функционирование современной коммуникации обладает существенной спецификой. Определяющую роль в восприятии и интерпретации поликодового текста в современной коммуникации играет изображение. Как считают Е. Е. Анисимова, А. Г. Сонин, Л. В. Головина, Х. Штекл, Р. Майер и др., вербальный текст имеет второстепенное значение.

Проблему механизмов восприятия и понимания поликодовых текстов подробно исследует А. Г. Сонин, опираясь на разработки западных ученых. Другие отечественные лингвисты: Е. Е. Анисимова, Л. В. Головина, О. В. Пойманова, Е. В. Чернявская и др. в своих работах, посвященных креолизованным, или поликодовым, текстам, отдают предпочтение описанию их оригинальности и структуры.

Понимание поликодовых текстов определяет сама структура этого средства коммуникации. Когнитивная модель понимания поликодовых текстов раскрывает механизмы взаимодействия изобразительной и вербальной составляющих.

Механизмы декодирования вербальной и изобразительной составляющих поликодовых текстов подобны. При восприятии целостного поликодового текста обработка составляющих ведется параллельно и рассредоточено, после чего информация комбинируется. Понимание поликодового текста включает три этапа когнитивной обработки: общая структурная, лексическая и семантическая.

Рассмотрим подробнее некоторые модели восприятия поликодового текста. Модели Р. Майера и А. Г. Сонина отчасти схожи. Р. Майер полагает, что при восприятии видеоряда либо статического изображения у человека возникают образные репрезентации, а при восприятии письменного текста – вербальные. Вербальная и визуальная составляющая поликодового текста обрабатываются разными когнитивными подсистемами и создают ментальные репрезентации разного типа. На следующем этапе происходит трансформация вербального образа, на основе первичной вербальной репрезентации, и формирование образной модели, на основе зрительного образа [Mayer 2007]. Далее

устанавливается связь между вербальной и образной моделью, происходит наложение двух моделей с целью интеграции.

А. Г. Сонин утверждает, что при создании базовой репрезентации, основанной на восприятии зрительных образов, первичной является именно визуальная обработка содержания текста. Реципиент воспринимает прежде всего содержание изобразительных элементов, затем в соответствии с содержанием рисунка определяется структура семантической сети. Лишь после этого происходит семантическая обработка вербального текста. Далее в процессе восприятия вербальной составляющей поликодового текста концепты, совпадающие с базовыми, т. е. установленные в процессе восприятия изобразительной составляющей, усиливаются, а не согласующиеся с базой концепты отбрасываются [Сонин 2005, с. 97].

Х. Штекл описывает процесс восприятия поликодовых текстов так же, начиная с восприятия зрительных образов, двигаясь к восприятию текста и комбинации смыслов изображения и текстовой составляющей.

Герменевтическая модель восприятия, по Х. Штеклу [Stöckl 2016, с. 97–100], включает следующие этапы:

1) понимание границ текста и определение графической структуры;
2) сортировка знаков и определение знаковой модальности;
3) реконструирование логической структуры;
4) определение тематической и смысловой структуры;
5) осознание когерентных и когезивных связей между знаковыми модальностями;
6) установление интертекстуальных и дискурсивных связей.

Согласно данной модели реципиент воспринимает сначала общий облик всего полимодального текста, одновременно воспринимая изображение, текст и паралингвистические элементы. На данном этапе происходит идентификация текста, реципиент отграничивает его от других текстов. Затем вычленяются отдельные модальности и выстраивается логика декодирования сообщения. Изображение и текст когерентно связаны между собой и не могут восприниматься отдельно. При полном реконструировании смысла высказывания на последнем этапе учитываются интертекстуальные и дискурсологические нюансы.

Заключение

Понятие поликодового текста представляет большой интерес для современных исследователей в силу своей распространенности в разных видах коммуникации, особенно в интернет-коммуникации. При построении такого рода текстов автором комбинируются вербальный и невербальный компоненты, изображение иллюстрирует текст, текст комментирует и интерпретирует изображение. Эти элементы всегда неразрывно связаны между собой, но могут представлять различные виды связей, выступая в отношениях дополнения или взаимозависимости. В поликодовом тексте, в котором элементы выступают в отношении дополнения, изображение либо текст имеют доминирующее значение и определяют смысл. При отношении взаимозависимости поликодовый текст не может быть декодирован без учета одного из элементов, общий смысл раскрывается лишь после анализа всех компонентов. К невербальному компоненту высказывания относятся и паралингвистические средства. Определяющее значение при восприятии поликодового текста имеет изображение. Когнитивную модель восприятия поликодового текста многие российские и зарубежные авторы описывают в одном ключе. Когнитивная обработка начинается с понимания общей структуры сообщения и определения модальности, затем происходит восприятие изображения, текста и наложения смыслов этих элементов друг на друга с целью декодирования общего смысла. Понимание моделей построения и восприятия поликодового текста необходимо для полноценного осмысленного участия в современной коммуникации, в которой используется максимальное разнообразие вербальных и невербальных средств для привлечения внимания собеседника и для выражения мыслей и эмоций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Баркович А. А. Информационная лингвистика: Метаописание современной коммуникации: учебное пособие. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2019. [Barkovich, A. A. (2019). Informacionnaja lingvistika: Metaopisanie sovremennoj kommunikacii. Textbook. 3rd ed. Moscow: FLINTA. (In Russ.)].

Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. [Bol'c, N. (2011). Azbuka media. Moscow: Evropa. (In Russ.)]

Горюнова О. Н. Концептуальная структура текста рекламного сообщения: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2005. [Gorjunova, O. N. (2005). *Konceptual'naja struktura teksta reklamnogo soobshhenija*: thesis of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].

Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. Волгоград: Перемена, 2003. [Leontovich, O. A. (2003). Rossija i SShA: *Vvedenie v mezhkul'turnuju kommunikaciju.* Uchebnoe posobie. Volgograd: Peremena. (In Russ.)].

Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. М. Вавилова. М.: Жуковский КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. [McLuhan, G. M. (2003). *Understanding Media: the Extensions of Man*, trans. by M. Vavilova. Moscow: Zhukovskij KANON-press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)].

Молчанова Г. Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М.: ОЛМА-медиа-групп, 2014. [Molchanova, G. G. (2014). *Kognitivnaja polikodovost' mezhkul'turnoj kommunikacii*: *verbalika i neverbalika*. Moscow: OLMA-media-grupp. (In Russ.)].

Предтеченская Н. В. Так ли важны сегодня невербальные средства общения?// Филологические науки. М.: Издательство МГИМО(У), 2000. С. 67–71. [Predtechenskaja, N. V. (2000). Tak li vazhny segodnja neverbal'nye sredstva obshhenija? *Filologicheskie nauki* (pp. 67–71). Moscow: Izdatel'stvo MGIMO(U). (In Russ.)].

Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. [Sonin, A. G. (2005). *Ponimanie polikodovyh tekstov: kognitivnyj aspekt*. Moscow: In-t jazykoznanija RAN. (In Russ.)]

Степанов В. Н. Речевое воздействие в рекламе: учебно-практическое пособие по спецкурсу / Международный университет бизнеса и новых технологий (институт). Ярославль: МУБиНТ, 2004. [Stepanov, V. N. (2004). *Rechevoe vozdejstvie v reklame*: uchebno-prakticheskoe posobie po speckursu / Mezhdunarodnyj universitet biznesa i novyh tehnologij (institut). Jaroslavl': MUBiNT. (In Russ.)].

Чернявская Е. В. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. [Chernjavskaja, E. V. (2009). *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'*: uchebn. posobie. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)].

Якобсон Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р. Якобсон. Избранные работы / пер. с англ. Н. Н. Перцовой; сост. и ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1985. [Jakobson, R. (1985). Jazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikacii. In R. Jakobson. *Izbrannye raboty*, transl. by N. N. Percova; ed. by V. A. Zvegincev. Moscow: Progress. (In Russ.)].

Hennecke A. Multimodale Texte und ihre Bedeutung für die Übersetzungspraxis. 2015. Vol. 8(1). Pp. 202–232 URL: http://trans-kom.eu.

Mehrabian A. Silent messages: Implicit communication of emotions and attitudes. Belmont, CA: Wadsworth, 1981 (currently distributed by Albert Mehrabian). URL: http://www.kaaj.com/psych/smorder.html.

Moreno R., Mayer R. Interactive Multimodal Learning Environments // Special Issue on Interactive Learning Environments: Contemporary Issues and Trends. Springer Science + Business Media, LLC, 2007. Pp. 309–326.

Potapova R. K., Potapov V. V. Kommunikative Sprechtätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2011.

Stöckl H. Multimodales Verstehen – Zwischen Zeichensystemwissen und Textsortenkompetenz // Sachs-Hombach Klaus (Hrsg.) Verstehen und Verständigung. Intermediale, multimodale und interkulturelle Aspekte von Kommunikation und Ästhetik. Köln: Halem, 2016. Pp. 97–100.

Stöckl H. Sprache-Bild-Texte lesen. Bausteine zur Methodik einer Grundkompetenz / Diekmannshenke, H., Klemm, M., Stöckl, H. (eds.), Bildlinguistik. Berlin: Erich-Schmidt, 2010. Pp. 43–70.

УДК 81'33; 81'42

И. В. Курьянова, Ю. А. Гусакова

Курьянова И. В., ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы, начальник Управления судебного речеведения; e-mail: ivkuryanova@mail.ru

Гусакова Ю. А., ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы, заместитель начальника отдела фоноскопических экспертных исследований Управления судебного речеведения; e-mail: julia.gousakova@yandex.ru

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСОБАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ДИСТАНТНОГО ОПОСРЕДОВАННОГО ДИСКУРСА

Интернет-дискурс – уникальное явление, требующее научного описания как для науки, так и для прикладных задач, решаемых лингвистикой, в частности при проведении судебной авторoведческой экспертизы. В статье рассматривается новый объект авторoведческой экспертизы – текстовые электронные сообщения, отправляемые с помощью различных бесплатных систем мгновенного обмена сообщениями для мобильных и иных платформ с поддержкой голосовой связи и видеосвязи (мессенджеров). Установлено, что тексты, созданные в процессе электронной коммуникации, не похожи на несетевые формы письменных или устных текстов, отличаются по структуре и языковым средствам, по ряду функционально-прагматических характеристик и прочим особенностям. В этой связи перед экспертами встает задача определения и описания специфических языковых характеристик этой новой формы.

Ключевые слова: авторoведение; текстовые электронные сообщения; интернет-дискурс; интернет-коммуникация; мессенджер.

I. V. Kuryanova, Y. A. Gusakova

Kuryanova I. V., Department of Regional Security and Anti-Corruption of Moscow, Moscow State Budget Institution «Moscow research center», Head of the Department of Forensic Linguistics; e-mail: ivkuryanova@mail.ru

Gusakova Y. A., Department of Regional Security and Anti-Corruption of Moscow, Moscow State Budget Institution «Moscow research center», deputy head of the Department of phonoscopic expertise, Department of forensic linguistics; e-mail: julia.gousakova@yandex.ru

INTERNET COMMUNICATION AS A SPECIAL TYPE OF DISTANT MEDIATED DISCOURSE

Internet discourse is the unique phenomenon requiring a scientific description for the science as well as for applied issues solving by linguistics, in particular while conducting forensic author's identification enquiry. The article reviews

CC BY

a new object of author's identification enquiry – text messages sent through different free messengers for mobile and other platforms using voice messages or video communication. It is determined that the texts created through internet communication process are not similar to written or verbal text forms, they differ in structure and language means, functional and pragmatic features and other peculiarities. In this regard experts face the task of defining and describing the linguistic peculiarities of this new variety of texts.

Key words: author's identification; electronic text message; Internet discourse; internet (online) communication; messenger.

Введение

Описанию речевой деятельности человека посредством Интернета за последние десятилетия посвящено значительное количество работ, наибольший интерес из которых представляют труды, основывающиеся на междисциплинарном подходе (например, [Потапова 2015; Потапова 2017]).

Трансформация современной реальности, связанная с бурным развитием информационных технологий, тенденцией к глобализации, изменениями в социально-политической, экономической и культурной сфере, обусловила развитие Интернета как глобальной системы реализации потребностей человека и общества в целом, в том числе коммуникативных [Голощапова, Курьянова 2019]. Современный человек постоянно обращается к Интернету в повседневной жизни, а в контексте эпидемиологической ситуации в стране, возникшей весной текущего года в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, функционирование большинства систем было бы просто невозможно без различных интернет-платформ: удаленная работа многих служб, дистанционное обучение, онлайн-защита выпускных квалификационных работ и др. Таким образом, Всемирная сеть сегодня стала не только популярным развлечением, но и формой взаимодействия и конструктивного общения.

Интернет как сублимация реального и виртуального измерений мира послужил стимулом к возникновению совершенно новой области коммуникации, с одной стороны, и с другой – явился своеобразным плацдармом для обеспечения конспирации при совершении противоправных деяний. Так, возможности опосредованной интернет-коммуникации позволили злоумышленникам посредством переписки под разными никнеймами осуществлять планирование, подготовку

и совершение различного рода противоправных деяний. Именно поэтому исследование особенностей интернет-коммуникации приобрело особую значимость в условиях противодействия преступности. Интенсивное вхождение Интернета во все сферы деятельности общества (электронный бизнес, электронные СМИ, электронные библиотеки и др.), его доступность для массового использования обусловили появление нового объекта экспертного исследования, используемого в суде в качестве вещественного доказательства, – *текстовых электронных сообщений*, отправляемых с помощью различных бесплатных систем мгновенного обмена сообщениями для мобильных и иных платформ с поддержкой голосовой и видеосвязи. Если до недавнего времени в качестве объекта судебной автороведческой экспертизы выступала в большинстве случаев классическая письменная речь (анонимки, письма электронной почты и т. п.), то общение посредством Skype, ICQ, WhatsApp и др. с высокой степенью креолизации значительно расширило круг задач, решаемых экспертными подразделениями.

Особенности интернет-коммуникации

Коммуникация в Интернете несомненно стала неотъемлемой частью жизни социума, при этом сама веб-коммуникация также подвержена изменениям. Сегодня можно говорить о новом для лингвистики понятии – интернет-дискурсе: особом электронном письме, сочетающем в себе признаки устной и письменной формы речи, и в то же время обладающим гораздо большими возможностями реализации.

Дэвид Кристал охарактеризовал сущность этого вида коммуникации как *устная форма речи + письменная форма речи + признаки, опосредованные компьютером* [Crystal 2001].

Е. Н. Галичкина понимает под интернет-дискурсом «совокупность текстов, реализованных в искусственно созданном коммуникативном пространстве, предполагающем дистантное интерактивное общение виртуальных коммуникантов» [Галичкина 2004, с. 56], и выделяет такую социокультурную особенность веб-коммуникации, как языковое или дискурсивное нивелирование [Галичкина 2012]. Ключевыми при описании интернет-коммуникации являются, на наш взгляд, понятия «искусственно созданное», «дистантное интерактивное», «виртуальное», позволяющие человеку осуществить тот или иной вид деятельности дистанционно.

Р. К. Потапова характеризует социально-сетевой дискурс как дистантный опосредованный многовекторно-разнонаправленный одновременно-разновременный многотематический электронный макрополилог, отражающий межличностные, межэтнические, межконфессиональные, социально-экономические, геополитические и другие виды отношений [Потапова 2017].

Предложенная Р. К. Потаповой в монографии «Речевая коммуникация в информационном пространстве» [Потапова 2017, с. 20–21] классификация свойств социально-сетевого дискурса представляется наиболее актуальной и оригинальной, поскольку основывается на междисциплинарном подходе к описываемому явлению, а не сводится к стандартному перечислению чисто технических или сугубо лингвистических факторов. Социально-сетевой дискурс характеризуется ученым следующим образом:

- необратимость;
- ситуативность;
- динамичность;
- нарушение иерархии социальных отношений (демократичность / псевдодемократичность);
- комбинаторика монохронности и полихронности ввиду высокой скорости (темпа) распространения информации;
- комбинаторика высказываний представителей культуры с низким контекстом и культуры с высоким контекстом;
- увеличение межличностного пространства;
- тематическая неограниченность;
- казуальная обусловленность;
- манипулирование сознанием реципиента;
- эмоционально-модальная насыщенность.

Тексты, созданные в процессе электронной коммуникации, существенным образом отличаются от несетевых форм письменных или устных текстов. Нельзя не согласиться с мнением о том, что Интернет способствует постоянному видоизменению коммуникации, появлению новых форм и жанров общения [Горошко 2012; Потапова 2017]. Очевидным подтверждением этому являются ставшие в последнее время незаменимыми системы мгновенного обмена сообщениями (мессенджеры), посредством которых интернет-личность может определяться не только и не столько особенностями письменной

речи, но и голосовыми и другими важными идентификационными признаками.

Комбинирование письменной и устной речи, определенных стилей и лексики в интернет-дискурсе обусловлено различными факторами, в том числе и контекстом, ситуацией общения. Д. Кристал, например, выделяет следующие «жанры», или «ситуации общения»: электронная почта; синхронные чаты (ICQ, WhatsApp, игры); асинхронные чаты (гостевые комнаты, конференции); виртуальные миры; веб-тексты (электронные тексты с гиперструктурой и линейной структурой) [Crystal 2001].

Опосредованность общения с помощью электронного устройства и его дистантность (то есть пространственная и временная удаленность коммуникантов) обусловили, в свою очередь, преодоление социальной дистанции и психологических барьеров, часто сохраняющихся при контактном общении в режиме реального времени, в связи с чем язык Интернета приобрел характерные лингвистические и экстралингвистические особенности.

Поликодовость интернет-коммуникации (различные невербальные знаки и символы, специфика расстановки знаков препинания, эмотиконы) свидетельствует о высокой степени визуализации и креолизации языка Сети, способствующих как диагностике тональности самих высказываний, эмоционально-модального поведения пользователей, так и установлению индивидуально-личностных языковых особенностей автора интернет-переписки.

Классификация признаков речи автора интернет-переписки

Исследование языкового пространства в рамках интернет-коммуникации свидетельствует о существенных изменениях в функционировании языка, произошедших за последнее десятилетие [Голощапова, Курьянова 2019]. Если тексты электронной почты близки к письменной речи, то сообщения, направляемые посредством мессенджеров, имеют ряд специфических особенностей. Анализ фактического материала, поступающего в качестве объектов судебной экспертизы на автороведческое исследование, позволяет говорить о таких процессах, как упрощение норм русского языка в интернет-коммуникации, возрастание заимствований, увеличение использования сленговых номинаций в речи, искажение графического облика слова, использование

эмотиконов (графических символов) и др. [Голощапова, Курьянова 2019]. Высказывания становятся более краткими, разорванными, по большей части отсутствуют четкие, структурированные и законченные диалоги.

Принцип «пишу как слышу» становится в Интернете коммуникативной нормой. Данное явление может быть как признаком малой грамотности пишущего, так и содержать в себе элемент игры, что важнее с точки зрения оценки индивидуальных особенностей его письменной речи [Методические рекомендации … 2015].

Ввиду того, что общение в Сети в основном носит неформальный характер и предоставляет коммуникантам практически полную свободу самовыражения, в речевом взаимодействии адресанта и адресата активно применяются коды различных семиотических систем (вербальный и визуальный, иконографический), реализующие возможности создания нужного адресанту эмоционально-модального эффекта, желаемого образа, выбора стратегии речевого поведения и т. д. Е. Е. Анисимова определяет такие сообщения, как «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003, с. 71]. При этом вербальный компонент может обладать автономностью или быть непосредственно связанным с визуальным компонентом. При анализе текстовых сообщений, отправляемых посредством использования мессенджеров, зачастую декодировать содержание возможно только во взаимосвязи вербального и визуального компонентов, поскольку иконографическое изображение может не просто дополнять, а заменять вербальную составляющую письменного высказывания. Таким образом, вербальный и визуальный компоненты состоят в неразрывной связи, часто иллюстративный ряд имеет решающее значение при восприятии сообщения и только в своей взаимосвязи вербальный и визуальный компоненты высказывания обеспечивают целостность коммуникативного события.

Все эти особенности образуют своеобразную коммуникативную интернет-среду, которая, в свою очередь, определяет характеристики интернет-дискурса. Классификацию индивидуальных признаков речи автора интернет-переписки можно представить следующим образом:

1. Традиционные признаки речи, анализируемые при исследовании письменного текста автора интернет-переписки:

1) общие топографические признаки коротких текстовых сообщений: объем сообщения, особенности компрессии текста или ее отсутствие, графическая «аранжировка» текста, способ публикации сообщения (например, наличие или отсутствие рубрикации, способ выделения абзацев или их отсутствие, «построчная» публикация одного сообщения и т. д.);
2) лексико-семантические признаки, отражающие общий словарный запас, особенности лексикона, принципы и приемы сочетаемости лексем. Так, для разных пользователей можно выделить разнообразные лексико-семантические признаки, например, использование различного рода каламбуров (*рабочие нудни*), неологизмов, обсценной лексики, аббревиатур. Аббревиация в электронной переписке заслуживает отдельного внимания при исследовании письменного текста мессенджера, поскольку сокращению могут подвергаться не только отдельные слова и словосочетания, но и целые предложения, например, *КМК – как мне кажется*, *СПС – спасибо*, *ттт – тьфу-тьфу-тьфу*, *ЧСВ – чувство собственного величия* и т. п. Интерес также может представлять такая разновидность аббревиатур, как акронимы: *ИМХО* (*англ*. In My Humble Opinion – *по моему скромному мнению*, *LOL* (*англ*. Laughing Out Loud – *громко смеюсь*), *ROFL* (англ. Rolling On Floor Laughing – *Катаюсь по полу и умираю от смеха*) и др. Отмечены случаи включения латиницы в кириллический текст в виде фрагмента: *выDOOMывать* [Методические рекомендации … 2015];
3) лексико-стилистические признаки, отражающие уровень владения автором выразительными средствами речи (сравним, *СПС – благодарю – мерси*, *Ок – хорошо – я доволен – договорились – великолепно*, *приветики – приветствую – доброго дня / утра / вечера – хай*);
4) грамматические признаки, отражающие владение грамматическими нормами русской речи;
5) синтаксические признаки, характеризующие способы связи слов и словосочетаний (например, для интернет-переписки характерно использование неполных структур, сегментация, парцелляция, повтор актуальных компонентов и др.).

2. Специфические графические (невербальные, а также пара- и экстравербальные) признаки речи, анализируемые при исследовании письменного текста автора интернет-переписки:

1) общие признаки, характеризующие графическое исполнение сообщения (например, отсутствие дефиса в написании слов, приоритет строчных букв, в том числе в наименованиях, отсутствие или обилие знаков препинания и т. п.) и способ организации текста (например, использование таких «супраграфических» средств, как пробел, курсив, шрифтовое варьирование и т. п.);
2) признаки, характеризующие способ написания слов (например, написание слова по принципу семантического сближения или, напротив, его традиционное начертание: сравним, *о5 – опять*, *4то – че/чО*, *что*);
3) признаки, характеризующие паравербальные средства (интонацию, паузацию, артикуляцию). В электронной переписке паравербальные средства замещаются графическими и пунктуационными знаками. Например, многоточие или многократный повтор точек символизирует длительность паузы в письменной речи электронной переписки, написание лексемы заглавными буквами и / или повтор одного и того же знака свидетельствует о выделении значимой информации, повышении громкости и высоты голоса (*АУУУУУУ*, *НЕЕЕЕЕЕЕТ*);
4) признаки, отражающие эмоционально-модальное отношение автора сообщения:
   – эмотиконы, представленные сочетанием традиционные графических знаков (например, *хорошо)))))*), при этом количество знаков соответствует силе эмоции), а также набором символов / картинок / стикеров (☺ и ☹, 😂) из готового «списка» (так называемые эмодзи, когда сочетания смайлов заменяют словосочетания или целые предложения);
   – использование GIF-анимаций, фрагментов аудио- и / или видеозаписей (следует отметить, что это новейшая тенденция в электронной переписке посредством мессенджеров). На сегодняшний день этот способ передачи эмоций наиболее сложно поддается описанию и анализу на предмет определения какого-либо эмоционального заряда.

Несмотря на ряд новых и специфичных черт сообщений, отправляемых посредством мессенджеров, интернет-дискурс представляет собой систему, в которой сохраняются и проявляются индивидуальные особенности автора, такие как, например, индивидуальные приемы построения текста, излюбленные языковые и речевые средства, устоявшаяся речевая культура автора сообщения и т. п.

Заключение

Интернет-коммуникация – явление, требующее обобщения и систематизации сведений, представленных в гуманитарных, социальных и точных науках. Интернет-дискурс служит своего рода индикатором общественных и индивидуальных настроений, симпатий и антипатий разных целевых аудиторий, и что самое важное для авторoведческого исследования, языковых и параязыковых характеристик каждой отдельной личности. При этом процесс решения столь актуальной проблемы – установление индивидуальных признаков речи автора электронного сообщения – постоянно развивается в направлении научно-практического обоснования рассматриваемого феномена.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что интернет-коммуникация представляет собой социокультурное явление с различными формами и жанрами и постоянно изменяющимся лексическим, стилистическим, графическим наполнением и техническим исполнением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Издательский центр Академия, 2003. [Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkulturnaja kommunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov). (*Text linguistics and intercultural communication* (*based on creolized texts*)). Moscow: Akademija. (In Russ.)].

Галичкина Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 10. С. 55–59. [Galichkina, E. N. (2004). Harakteristiki komp'uternogo diskursa (Characteristics of a Computer Discourse). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 10*, 55–59. Orenburg. (In Russ.)].

Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. наук: Астрахань, 2001. [Galichkina, E. N. (2001). *Specifika*

komp'uternogo diskursa na anglijskom i russkom jazykah (*na materiale zhanra komp'uternyh konferencij*) (The specificity of the computer discourse in English and Russian languages (based on the genre of computer conferences)): thesis of PhD in Philology. Astrahan'. (In Russ.)].

Голощапова Т. И., Курьянова И. В. Функционирование языка – зеркало нации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 2 (37). С. 61–72. [Goloschapova, T. I., Kuryanova, I. V. (2019). Funkcionirovanije jazyka – zerkalo nacii (The Functioning of the Language Is a Mirror of the Nation). *Chelovek: Obraz i suschnost'. Gumanitarnyje aspekty, 2*(37), 61–72. Moscow: RAN. INION. (In Russ.)].

Горошко Е. И. Современные интернет-коммуникации: структура и основные характеристики // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография. М.: Наука, Флинта, 2012. С. 9–52. [Goroshko, E. I. (2012). Sovremennyje internet-kommunikacii: struktura i osnovnyje harakteristiki (Modern Internet Communications: Structure and Main Characteristics). *Internet-kommunikacija kak novaja rechevaja formacija* (pp. 9–52). Moscow: Nauka, Flinta. (In Russ.)].

Потапова Р. К., Потапов В. В., Лебедева Н. Н., Агибалова Т. В. Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности / под ред. Р. К. Потаповой. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Potapova, R. K, Potapov, V. V., Lebedeva, N. N., Agibalova, T.V. (2015). *Mezhdisciplinarnost' v issledovanii rechevoj poliinformativnosti* (Interdisciplinarity in the Study of Speech Polyinformativity). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)].

Методические рекомендации по проведению автороведческих экспертиз по материалам интернет-переписки: пособие для экспертов / под общ. ред. канд. филол. наук. Т. И. Голощаповой, к.ф.-м.н. А. П. Коршикова. М. : ЭКУ 9 Департамента Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, 2015. [Goloschapova, T. I., Korshikov, A. P. (eds.). (2015). *Metodicheskije rekomendacii po provedeniju avtorovedcheskih ekspertiz po materialam internet-perepiski: posobije dlja ekspertov* (Methodical recommendations about conducting of author's identification enquiry based on electronic text messages: Reference Guide for Experts). Moscow. (In Russ.)].

Речевая коммуникация в информационном пространстве / под ред. Р. К. Потаповой. М.: ЛЕНАНД, 2017. [Potapova, R. K. (ed.) (2017). *Rechevaja kommunikacija v informacionnom prostranstve.* (Speech communication in the information space). Moscow: LENAND. (In Russ.)].

Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: University press, 2001.

УДК 81'42

О. Б. Найок

кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: nayok.o.b.@mail.ru

СРЕДСТВА СМЫСЛОВОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИЛЛЮСТРИРОВАННОМ ЭССЕ

В статье рассматриваются актуальные вопросы, относящиеся к изучению смыслового пространства иллюстрированного эссе и роли визуального и вербального компонентов в его формировании. Предлагается описание иллюстрированного эссе как лингвовизуального комплекса. Проведенный анализ иллюстрирует, что тесная смысловая соотнесенность и прагматическое воздействие визуального и текстового компонентов иллюстрированного эссе обеспечиваются большим количеством разнообразных изобразительных и вербальных выразительных средств.

Ключевые слова: иллюстрированное эссе; лингвовизуальный комплекс; визуальный компонент; вербальный компонент; семиотическая метафора; визуальная метонимия; смысловая целостность; прагматическое воздействие; выдвижение; концепт.

O. B. Nayok

Ph.D. (Philology), Assistant Professor, Department of English Stylistics,
Faculty of English, Moscow State Linguistic University;
e-mail: nayok.o.b.@mail.ru

MEANS ENSURING COHERENCE AND PRAGMATIC EFFECT IN ILLUSTRATED ESSAY

The article looks at the process of meaning construction in illustrated essays and explores the role of the visual and the verbal component in this multimodal discourse. The analysis illustrates the key elements of the visual and verbal components which foreground the pieces of information that underlie the coherence and the pragmatic effect of illustrated essays.

Key words: illustrated essay; linguovisual phenomenon; visual component; verbal component; semiotic metaphor; visual metonymy; coherence; pragmatic effect; foregrounding; concept.

Введение

Для современной лингвистики характерно использование междисциплинарных подходов к исследованию порождения смысла в ходе

CC BY

коммуникации, при этом огромное внимание уделяется решению «задачи всестороннего исследования языка во всем многообразии его связей, в том числе с другими семиотическими системами» [Ворошилова 2006, с. 180]. Лингвистические исследования семиотически осложненных текстов способствуют тому, что всё больше внимания уделяется «паралингвистическим (невербальным) средствам, сопровождающим письменную речь, – так называемой “визуальной информации”» [Щурина URL]. При этом «иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования» [Березин 2003, с. 162].

По отношению к текстам, содержащим в своей структуре семиотически разнородные компоненты, в отечественной и зарубежной лингвистике используются разнообразные, во многом синонимичные, термины: мультимодальные, поликодовые, креолизованные, мультисемиотические, интерсемиотические, вербально-иконические, контаминированные, гибридные, интерлингвальные, изовербальные тексты, семиотические гибриды, синкретические сообщения, лингвовизуальные комплексы. Представляется, что это свидетельствует о недостаточной разработанности темы и об отсутствии устоявшегося взгляда на подобного рода тексты.

Целью этой статьи является изучение взаимодействия вербального и визуального компонентов в рамках иллюстрированного эссе, рассматриваемого как единый лингвовизуальный комплекс.

Актуальность выбранной темы обусловливается тем, что иллюстрированное эссе никогда не рассматривалось как один из вариантов существования семиотически осложненной коммуникации в рамках современной языковой среды. Необходимо также отметить недостаточную степень изученности интерсемиотических семантических отношений между текстовым компонентом и сопровождающей его иллюстрацией.

Примеры иллюстрированных эссе, рассматриваемых в ходе исследования, взяты из сборника «The Appalling Guests. Social Stereotypes from the Telegraph Magazine», представляющего собой результат десятилетнего сотрудничества журналистки Виктории Мадер (Victoria Mather) и художницы Сью Макартни-Снейп (Sue Macartney-Snape) с газетой «The Daily Telegraph» [Mather, Macartney-Snape 2003].

Методы проведенного исследования включают в себя дискурс-анализ, концептуальный анализ, контент-анализ, интерпретативный анализ, а также наблюдение, сравнение, описание и обобщение полученных данных.

Иллюстрированное эссе как лингвовизуальный комплекс

Исследователи отмечают, что «…текст, состоящий из вербальных и невербальных единиц, как любой текст, имеет свою структуру, т. е. представляет собой определенным образом организованное единое целое, стилистический анализ которого предполагает, в частности, выявление лежащих в основе этой организации принципов как структурно-стилистических доминант текста» [Донская 2009, с. 174].

Подобные тексты, являющиеся «сложными образованиями, в которых вербальные и невербальные элементы образуют визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата» [Щурина 2010], характеризуются более высокой степенью информационного и прагматического воздействия именно благодаря наличию невербальных компонентов в их структуре [Сорокин, Тарасов 1990; Фиськова 2014; Щурина 2010]. «Перевод текста из сферы вербального, условного знака в сферу иконическую, или сферу рисунка, очень значим для усиления прагматического эффекта текста» [Карпухина 2011]. Так, например, при анализе средств когерентности между газетной статьей и комментариями читателей было показано, что визуальный компонент, представленный карикатурами, сопровождающими статью, является одним из ключевых элементов ментальной модели, реализованной в статье и участвующей в формировании смысловой целостности не только самой газетной статьи, но и комментариев к ней [Найок 2019].

Традиционно эссе анализируются как монокодовые тексты, без учета визуальной составляющей, однако можно предположить, что взаимодействие разных семиотических ресурсов при создании смысла в иллюстрированном эссе повышает степень его прагматического воздействия благодаря отношениям комплементарности, а также семантической целостности и семиотической связности, возникающим между компонентами, относящимися к разным семиотическим системам.

При рассмотрении иллюстрированного эссе как лингвовизуального комплекса представляется важным отметить сложную структуру составляющих его компонентов. Вербальный компонент включает в себя текст эссе, состоящий из заглавия и основного текста, а также подпись к иллюстрации. Визуальный компонент содержит изобразительную составляющую, представленную иллюстрацией, и такие

важные элементы, как цвет и размер шрифта, расположение на странице заглавия эссе и подписи к иллюстрации, макета верстки.

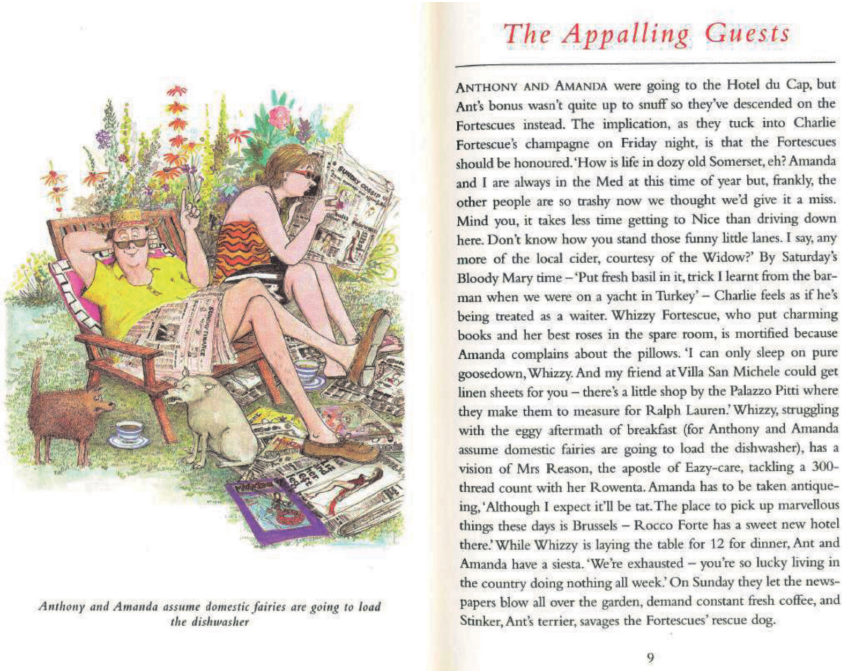
Текст эссе и иллюстрация к нему могут рассматриваться как отдельные вполне законченные произведения, однако, взаимодействуя в рамках лингвовизуального комплекса, они образуют единое смысловое пространство, обогащая и дополняя друг друга.

Взаимодействие вербального и визуального компонентов в иллюстрированном эссе

В рассматриваемом сборнике полоса с текстом эссе и полоса с иллюстрацией и подписью к ней размещаются на одном развороте, что способствует восприятию их как единого целого. Начиная знакомство с иллюстрированным эссе, читатель, очевидно, сначала обращает внимание на наиболее визуально выделенные элементы, которыми являются заглавие, привлекающее к себе внимание большим размером букв и красным цветом, и иллюстрация, размер изображения которой соответствует объему текста эссе. Большой размер и красный цвет букв заглавия иконически передает его важность, в то время как относительно одинаковый объем изображения и размер текста могут рассматриваться как иконизация их равнозначности при интерпретации заглавия.

Рассмотрим пример из сборника, посвященного, как отмечают его создатели, социальным стереотипам современного британского общества (см. рис. 1) [Mather, Macartney-Snape 2003].

В иерархии макета заголовок, размещаемый на самом высоком уровне, обладает более высоким приоритетом восприятия. Как известно, заголовки многофункциональны. Среди их ключевых функций часто выделяют прогнозирующую, структурирующую, идентифицирующую, замещающую и сигнальную функции [Трубникова 2010, с. 121]. «Название – это нераскрытое содержание текста, это имплицитная максимально сжатая содержательно-концептуальная информация, стремящаяся к развертыванию» [Гальперин 1981, с. 87]. В данном случае заголовком является именная группа «The Appalling Guests», вербализующая суть описываемого в основном тексте социального явления. Заглавие можно перевести как «Ужасные гости». Главное слово *guests* реализует соответствующий концепт, лишенный негативной оценочной информации. Однако экспрессивный элемент



Anthony and Amanda assume domestic fairies are going to load the dishwasher

The Appalling Guests

ANTHONY AND AMANDA were going to the Hotel du Cap, but Ant's bonus wasn't quite up to snuff so they've descended on the Fortescues instead. The implication, as they tuck into Charlie Fortescue's champagne on Friday night, is that the Fortescues should be honoured. 'How is life in dozy old Somerset, eh? Amanda and I are always in the Med at this time of year but, frankly, the other people are so trashy now we thought we'd give it a miss. Mind you, it takes less time getting to Nice than driving down here. Don't know how you stand those funny little lanes. I say, any more of the local cider, courtesy of the Widow?' By Saturday's Bloody Mary time – 'Put fresh basil in it, trick I learnt from the barman when we were on a yacht in Turkey' – Charlie feels as if he's being treated as a waiter. Whizzy Fortescue, who put charming books and her best roses in the spare room, is mortified because Amanda complains about the pillows. 'I can only sleep on pure goosedown, Whizzy. And my friend at Villa San Michele could get linen sheets for you – there's a little shop by the Palazzo Pitti where they make them to measure for Ralph Lauren.' Whizzy, struggling with the eggy aftermath of breakfast (for Anthony and Amanda assume domestic fairies are going to load the dishwasher), has a vision of Mrs Reason, the apostle of Eazy-care, tackling a 300-thread count with her Rowenta. Amanda has to be taken antiqueing, 'Although I expect it'll be tat. The place to pick up marvellous things these days is Brussels – Rocco Forte has a sweet new hotel there.' While Whizzy is laying the table for 12 for dinner, Ant and Amanda have a siesta. 'We're exhausted – you're so lucky living in the country doing nothing all week.' On Sunday they let the newspapers blow all over the garden, demand constant fresh coffee, and Stinker, Ant's terrier, savages the Fortescues' rescue dog.

9

Рис 1. Разворот из сборника эссе

appalling, выражающий негативную оценку, привлекает внимание читателя, интригует его и способствует возникновению интереса ко всему тексту. Таким образом, языковыми средствами заглавия реализуется сложный концепт (как это указывается, например, в [Барабушка 2013]), сформированный из разных компонентов смысла, включающих эмоционально-экспрессивное отношение, которые изначально не входило в содержание концепта *guests*. Полная реализация смыслового содержания заголовка требует макроконтекста всего произведения, представленного в данном случае как изобразительным, так и текстовым компонентами.

Иллюстрация изображает сложную сцену, которая становится в данном контексте семиотической метафорой (термин заимствован из [O'Halloran 2008]) по отношению к заглавию. Тесная смысловая соотнесенность заголовка с иллюстрацией осуществляется благодаря семиотической когезии, основанной на повторе с помощью изобразительных средств информации, вербализуемой заголовком. На

иллюстрации изображены два человека, что соответствует грамматической форме существительного, употребленного в заголовке во множественном числе. Детерменатив, содержащийся в заглавии, также можно рассматривать как средство когезии с изображением. Заголовок содержит указание на главных действующих лиц текста, которыми являются гости. Концепт «guests» включает в себя такие смысловые компоненты, как прием, угощение, гостеприимство, получение удовольствия, общение. Расслабленные позы людей на изображении, стиль их одежды, сопутствующие атрибуты (шезлонг, разнообразная пресса, чашки с тонизирующими напитками, домашние любимцы), а также локация (английский сад) ассоциируются с отдыхом, приятным времяпрепровождением, организованным хозяевами для гостей, и реализуют информацию о гостеприимстве. Выразительными средствами изображения в данном случае являются следующие визуальные метонимии: «действие вместо результата действия» (например, сидение в шезлонге или чтение газеты реализуют понятие «отдых», который может рассматриваться как состояние, достигаемое в результате этих действий), «одежда вместо действия» (легкая летняя одежда неформального стиля передает ощущение отдыха, так как именно в такой одежде обычно отдыхают и расслабляются), «мебель вместо действия» (шезлонг является предметом мебели, на котором обычно отдыхают), «цвет вместо настроения» (центральным цветовым пятном на иллюстрации является желтая футболка одного из гостей, что может быть соотнесено с хорошим настроением, соответствующим отдыху), «растения вместо времени года / места действия». Цветы, изображенные на заднем плане, указывают не только на локацию, но и на определенный сезон и таким образом передают информацию о хронотопических координатах. Как место (английский сад), так и время года (лето) ассоциируются в данном контексте с отдыхом и приятным досугом.

Оценочный элемент в заглавии *appalling* имплицирует информацию о нарушении гостями норм поведения. Соотношение иллюстрации с лексико-оценочной темой, представленной в заглавии, осуществляется с помощью следующих визуальных средств:

а) изображение неаккуратно разбросанных газет и хрупких фарфоровых чашек с напитками, беспорядочно расставленных прямо на земле, передает информацию о неаккуратности гостей с помощью визуальной метонимии «результат вместо действия»;

б) изображение одного из гостей смотрящим в упор на зрителя, с поднятым при этом пальцем, является визуальной метонимией «часть тела вместо действия» и реализует идею общения, также являющуюся смысловым компонентом концепта «guests». При этом перспектива изображения соответствует положению зрителя стоя, а не сидя, что выражает неравенство ролей в данной ситуации общения. Таким образом зритель ассоциирует себя с хозяевами, прислуживающими гостям, а не отдыхающими на равных с ними;

в) изображение второго гостя погруженным в чтение может рассматриваться как визуальная метонимия «действие вместо отношения», где отсутствие внимания к собеседнику в данном контексте может расцениваться как свидетельство плохих манер;

г) изображение конфликта между двумя собаками может рассматриваться как опосредованное изображение конфликтной ситуации, в которой находятся хозяева и гости, что соответствует визуальной метонимии «питомец вместо хозяина». При этом близость белой собаки к гостям иконизирует ее принадлежность к ним, а ее поза и агрессивный оскал реализую информацию о нарушении гостями этикета и злоупотреблении гостеприимством. Поза второй собаки может расцениваться в этом контексте как иллюстрация растерянности хозяев, столкнувшихся с бесцеремонностью гостей.

Таким образом, на основании вышесказанного можно заключить, что иллюстрация выполняет конкретизирующую функцию по отношению к заголовку, значительно расширяя его семантику.

Рассмотренные выше смысловые компоненты концепта «guests» повторяются с помощью лексических средств в основном тексте эссе. Информация об оказываемом гостеприимстве вербализована с помощью выражений, относящихся в контексте эссе к угощению, развлечению и комфортному размещению гостей (*champagne, Saturday's Bloody Mary time, fresh basil, constant fresh coffee, breakfast, laying the table for 12 for dinner, Amanda has to be taken antiqueing, put charming books and her best roses in the spare room, have a siesta*).

Средства вербализации оценочной информации, относящейся к нарушению норм поведения гостями, в основном тексте эссе наиболее многочисленны и включают в себя выражение пренебрежения к хозяевам и злоупотребление их гостеприимством. Так, например, в начале эссе сообщается, что гости не побеспокоились предупредить

хозяев о своем приезде (*descended on the Fortescues*), так как относятся к ним презрительно-покровительственно (the *Fortescues should be honoured*). Речь гостей содержит многочисленные импликации: всё, что могут предложить им хозяева, недостаточно высокого качества (*I can only sleep on pure goosedown, Whizzy. And my friend at Villa San Michele could get linen sheets for you…Put fresh basil in it, trick I learnt from the barman when we were on a yacht in Turkey…Although I expect it'll be tat. The place to pick up marvellous things is Brussels…*), что хозяева живут неинтересной и незаслуживающей внимания жизнью (*How is life in dozy old Somerset, eh? You are so lucky living in the country doing nothing all week*), дорога к ним описывается как неоправданно длинная и неудобная (*it takes less time getting to Nice than driving down here. Don't know how you stand those funny little lanes*), а дорогое шампанское, которым угощают гостей, называется *the local cider, courtesy of the Widow.* Речь гостей изобилует выражениями, ассоциирующимися с роскошным образом жизни, что, в свою очередь, имплицирует их превосходство над хозяевами (*the Med, Nice, on a yacht in Turkey, at Villa San Michele, a little shop by the Palazzo Pitti where they make them to measure for Ralph Lauren, Brussels – Rocco Forte*). Отрицательное отношение хозяев к происходящему описывается с помощью эмотивной лексики (*Whizzy…is mortified because Amanda complains about…; …Charlie feels as if he's being treated as a waiter; Whizzy, struggling with the eggy aftermath of breakfast (for Anthony and Amanda assume domestic fairies are going to load the dishwasher) has a vision of Mrs Reason, the apostle of Eazy-care, tackling a 300-thread count with her Rowenta*). Информация о плохих манерах гостей имплицируется с помощью выражения *demand constant fresh coffee,* а также антитезы, указывающей на напряженный труд хозяев и отсутствие какой-либо помощи со стороны гостей *While Whizzy is laying the table for 12 for dinner, Ant and Amanda have a siesta.* Негативное впечатление о гостях усиливается с помощью контраста, созданного импликацией о безделии гостей, в сочетании с их жалобой на сильную усталость (*We're exhausted*), а также логическим противопоставлением между выражениями, вербализующими жалобу, и выражением зависти к безделию хозяев (*We're exhausted – you're so lucky living in the country doing nothing all week*). Эссе заканчивается предложением, в котором читатель узнает сцену, изображенную на иллюстрации: *On Sunday they let the*

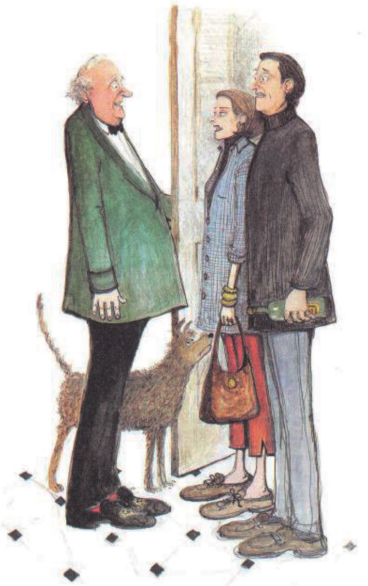
newspapers blow all over the garden, demand constant fresh coffee, and Stinker, Ant's terrier, savages the Fortescues' rescue dog. Негативное впечатление об Энтони и Аманде как о неприятных гостях, создаваемое с помощью заголовка, иллюстрации и основного текста эссе, дополняется инференцией о том, что они в целом достаточно отталкивающие люди. Этот вывод читатель может сделать на основании того, что они высокомерно отзываются о других гостях средиземноморского курорта, который регулярно посещают (*frankly, the other people are so trashy now*), в то время как сами вынуждены отменить очередную поездку туда из-за недостатка денег (*Ant's bonus wasn't quite up to snuff*).

Таким образом, основной текст эссе не только повторяет информацию, выраженную визуальными средствами в иллюстрации, но и конкретизирует и дополняет ее.

Интересно, что в подписи к иллюстрации цитируется не последнее предложение эссе, описывающее изображенную сцену (*On Sunday they…*), а комментарий, касающийся событий предшествующего дня (*Anthony and Amanda assume domestic fairies are going to load the dishwasher*). Вывод о дне, к которому относится замечание, можно сделать из-за того, что в тексте эссе о событиях, соответствующих времени визита, повествуется в настоящем времени, и они представлены в хронологическом порядке, о чем свидетельствует временной дейксис (*on Friday night, By Saturday's…time, on Sunday*). Таким образом, изображение на иллюстрации отдыхающих людей и подпись к иллюстрации, имплицирующая их нежелание даже минимально участвовать в работе по дому, способствуют сопоставлению читателем сцен, которые в тексте эссе достаточно дистантны, что тем самым усиливает формируемую негативную оценку.

Для сравнения рассмотрим еще одно эссе, касающееся стереотипов в отношении гостей (см. рис. 2) [Mather, Macartney-Snape 2003].

В данном примере заголовок эссе «The Country Dinner Guests» вербализует сложный концепт, который содержит динамическую когнитивную структуру «country dinner», обладающую культурной маркированностью. Причем анализируемое иллюстрированное эссе рассматривает ситуацию, в которой один из структурных элементов фрейма-сценария [Полатовская 2013] *country dinner*, относящийся к условиям ввода этой ситуации, интерпретируется участниками поразному. Таким элементом является стиль одежды, приемлемый для



They are confronted by Geoffrey Clifford fulminating in a bow tie

The Country Dinner Guests

HETTY AND GILES have disastrously misunderstood 'Woldshire casual'. They've only just moved to Piddle Wallop, and when Anne Clifford rang and asked them to dinner at the Old Manor – 'nothing smart, just us and the Greigs, they're about your age, so just Woldshire cas' – they were very touched. Now they are confronted by Geoffrey Clifford fulminating in a bow tie. An aged smoking jacket, silk lapels marinated in port stains, is clearly the only concession he feels a gentleman should make to 'casual'. Beyond, through a hall bristling with antlers, Giles sees Peregrine Greig in the accepted uniform, down to the velvet slippers embroidered with his crest. God, he was always an idiot at Eton. Hetty, in Boden, which is what she thought people wore in the country, doesn't need to be reassured by Anne Clifford – 'My dear, how lovely that you felt you knew us well enough not to dress up' – to know that she should have worn silk Moschino like Fenella Greig, who's now patronising her. 'We're all terrified of you, Hetty. I read the piece about your interior design company in *House & Garden* – are you going to do a Trinny and Susannah on all our houses?' Suddenly the welcoming fold of village life seems like a mare's nest.

'Such fun to hear news from Bohemian London,' says Anne Clifford over the vichysoisse. 'Geoffrey and I don't quite have straw for brains. We've been to see *The Lion King*.' Hetty realises country life is horribly inverted. Dizzy with the fatigue of working in London, she's come to the country to chill, not to be surrounded by people using smoking jackets and big jewellery as a defence mechanism against her Londonness. When she and Giles leave (having not yet learnt how dangerous it is to leave a country dinner first), the Cliffords and the Greigs reassure themselves with a good laugh about Hetty's 'designer trainers'.

33

Рис. 2. Разворот из сборника эссе

загородного обеда. Конфликт заключается в том, что столичные гости слишком прямолинейно воспринимают полученное приглашение и одеваются соответственно полученной инструкции (*casual*) в простую, повседневную одежду, в то время как приглашающая сторона ожидает совершенно другого (*dress up*). Однако заглавие не содержит указания ни на суть конфликта, ни на его источник. Понять эту информацию читатель может только с помощью иллюстрации и основного текста эссе.

Как и в примере, рассмотренном выше, иллюстрация и основной текст эссе выполняют конкретизирующую функцию по отношению к заглавию, значительно расширяя его семантику. И если в основном тексте хронологически последовательно представлены все сцены, соответствующие сценарию обеда, от приглашения на обед недавно переехавших из Лондона Хетти и Джайлза (*when Anne Clifford rang and asked them to dinner at the Old Manor – 'nothing smart, just us and*

the Greigs, they're about your age, so just Woldshire cas') до их ухода и последующего обсуждения местными жителями (*When she and Giles leave (having not yet learnt how dangerous it is to leave a country dinner first), the Cliffords and the Greigs reassure themselves with a good laugh about Hetty's 'designer trainers'*), то на иллюстрации изображается только одна сцена, соответствующая моменту прихода гостей. Информация, относящаяся к сформулированной в заглавии теме эссе, реализована на иллюстрации с помощью семиотической метафоры, акцентирующей конфликт. Торец приоткрытой двери делит изображение на две противостоящие группы: группа встречающих включает в себя хозяина, придерживающего дверь, и его собаку, а группа гостей – мужчину и женщину, взаимное положение которых указывает на то, что это семейная пара. Прихожую дома можно узнать по приоткрытой двери и типичному рисунку на полу (визуальная метонимия «элементы интерьера вместо помещения»), при этом один из только что пришедших (мужчина) держит в руках бутылку вина (визуальная метонимия «атрибут вместо действия»), что соответствует стереотипу поведения в подобной ситуации. Эмоционально-оценочная информация реализуется на иллюстрации с помощью визуальной метонимии «выражение лица вместо испытываемых чувств». Выдвижение этой информации достигается, с одной стороны, с помощью повтора изображения удивления, смешанного с ужасом, на лицах всех участников сцены, даже собака хозяина выражает совершенно очевидное недоумение в отношении только что пришедших. С другой стороны, подобные эмоции являются девиантными для изображаемой сцены, что, в свою очередь, интригует читателя. При этом стоящие в дверях люди одеты довольно просто в отличие от принимающей стороны, что также является девиантным (визуальная метонимия «одежда вместо действия»). Контраст в одежде является визуализацией источника конфликта, который заключается в том, что разные стороны-участники ситуации сфокусировались на разных составляющих понятия *country dinner*: человек, одетый торжественно, выделил элемент *dinner*, в то время как его гости сфокусировались на элементе *country.*

Основной текст эссе не только повторяет, но и конкретизирует многие детали изображения с помощью упоминаний о материале, из которого сшита одежда, о компании-производителе, о нюансах рисунка или пятнах на ткани. Так одежда принимающей стороны

описана, как *a bow tie, an aged smoking jacket, silk lapels marinated in port stains, the velvet slippers embroidered with his crest, silk Maschino, smoking jackets and big jewellery.* Контраст этого стиля с одеждой гостей подчеркивается с помощью саркастичных замечаний: *Hetty, in Boden, which is what she thought people wore in the country, doesn't need to be reassured by Anne Clifford – 'My dear, how lovely that you felt you knew us well enough not to dress up',* или *a good laugh about Hetty's 'designer trainers'.* Аллюзии к разным стилям в одежде, реализованные с помощью упоминания дорогой марки «Maschino» и производителя относительно дешевой одежды «Boden», способствую созданию образов участников конфликта с использованием личного опыта читателей.

Подпись под иллюстрацией повторяет фразу из основного текста эссе, в которой вербализуется эмоциональная реакция хозяина *confronted, fulminating*. Упоминание элемента одежды *a bow tie* намекает на источник негативных эмоций. Впечатления гостей передаются в основном тексте эссе с помощью эмоционально-окрашенной лексики (например, *suddenly the welcoming fold of village life seems like a mare's nest*).

Заключение

Проведенный анализ продемонстрировал, что структура вербального и визуального компонентов иллюстрированного эссе характеризуется определенной степенью сложности, так как включает в себя разные элементы. Тесная смысловая соотнесенность визуального и текстового компонентов в рамках иллюстрированного эссе обеспечивается большим количеством разнообразных выразительных средств, как изобразительных, так и вербальных. Среди визуальных средств можно выделить визуальную метонимию и семиотическую метафору, как наиболее часто используемые. При этом все эти средства выражают информацию, соответствующую сложному концепту, формируемому в заглавии, конкретизируя и значительно расширяя его семантику. Таким образом, средства, обеспечивающие смысловую целостность в рамках рассматриваемого лингвовизуального комплекса, способствуют выдвижению содержательно-концептуальной информации, являющейся центральной для данного текста, что, в свою очередь, усиливает оказываемый прагматический эффект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Барабушка И. А. Сложный концепт в художественной концептосфере: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2013. [Barabushka, I. A. (2013). *Slozhnyj koncept v hudozhestvennoj konceptosfere*: abstract of PhD in Philology. Voronezh. (In Russ.)].

Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. Серия: Практическая журналистика. М.: РИП-холдинг, 2003. [Berezin, V. M. (2003). *Massovaya Kommunikaciya: Sushchnost', Kanaly, Dejstviya*. Seriya: Prakticheskaya ZHurnalistika. Moscow: RIP-holding. (In Russ.)].

Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 180–189. [Voroshilova, M. B. (2006). Kreolizovannyj Tekst: Aspekty Izucheniya. *Politicheskaya Lingvistika, 20*, 180–189. Ekaterinburg. (In Russ.)].

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. [Gal'perin, I. R. (1981). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya.* Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Донская М. М. Интерсемиотический перевод: принцип параллельного развертывания в сфере изучения структуры телевизионного рекламного дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 3. 173–177. URL: https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1188 (дата обращения: 14.05.2020). [Donskaya, M. M. (2009). Intersemioticheskij Perevod: Princip Parallel'nogo Razvertyvaniya v Sfere Izucheniya Struktury Televizionnogo Reklamnogo Diskursa (Intersemiotic Translation: The Principle of Parallel Unwrapping of Sign Systems in the Structure of English TV Commercial Discourse). *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya: Lingvistika, 3*, 173–177. https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1188 (date of access: 14.05.2020). (In Russ.)].

Карпухина В. Н. Аксиологические стратегии интерсемиотического перевода текстов художественной литературы в ситуации межкультурной коммуникации // Известия АлтГУ. 2011. №2-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-strategii-intersemioticheskogo-perevoda-tekstov-hudozhestvennoy-literatury-v-situatsii-mezhkulturnoy (дата обращения: 10.05.2020) [Karpuhina, V. N. (2011). *Aksiologicheskie strategii intersemioticheskogo perevoda tekstov hudozhestvennoj literatury v situacii mezhkul'turnoj kommunikacii*. (The Axiological Strategies in Intersemiotic Translation of Fiction in Cross-Cultural Communication). Izvestiya AltGU, 2-1. https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-strategii-intersemioticheskogo-perevoda-tekstov-hudozhestvennoy-literatury-v-situatsii-mezhkulturnoy (date of access: 10.05.2020). (In Russ.)].

Найок О. Б. Когерентность в общественно-политическом дискурсе на примере газетной статьи с последующими комментариями к ней // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 7 (823). 30–42. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/7_823.pdf (дата обращения: 14.05.2020) [Najok, O. B. (2019). Coherence in socio-political discourse represented by a newspaper article with comments. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 7*(823), 30–42. http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/7_823.pdf (date of access: 14.05.2020). (In Russ.)].

Полатовская О. С. Фрейм-сценарий как тип концептов // Вестник ИГЛУ. 2013. № 4 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/freym-stsenariy-kak-tip-kontseptov (дата обращения: 19.05.2020) [Polatovskaya, O. S. (2013). Frejm-scenarij kak tip konceptov (scene-frame as a concept type). *Vestnik IGLU, 4*(25). https://cyberleninka.ru/article/n/freym-stsenariy-kak-tip-kontseptov (date of access: 19.05.2020). (In Russ.)].

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180–186. [Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaya funkciya. In *Optimizaciya rechevogo vozdejstviya* (pp. 180–186). Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.)].

Трубникова Ю. В. Текст и его заголовок: проблема структурного и семантического взаимодействия // Известия АлтГУ, 2010. № 2-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-i-ego-zagolovok-problema-strukturnogo-i-semanticheskogo-vzaimodeystviya (дата обращения: 16.05.2020). [Trubnikova, YU. V. (2010). Tekst i ego zagolovok: problema strukturnogo i semanticheskogo vzaimodejstviya (text and the title: the problem of structural and semantical determination). *Izvestiya AltGU, 2*-2. https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-i-ego-zagolovok-problema-strukturnogo-i-semanticheskogo-vzaimodeystviya (date of access: 16.05.2020). (In Russ.)].

Фиськова М. В. Зрительный компонент креолизованного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2 ч. Ч. 2. С. 177–179. URL: https://www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/52.html (дата обращения: 13.05.2020) [Fis'kova, M. V. (2014). Zritel'nyj komponent kreolizovannogo teksta (visual component of creolized text). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 8*(38); v 2 ch. CH. 2. 177–179. Tambov: Gramota. URL: https://www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/52.html (date of access: 13.05.2020) (In Russ.)].

Щурина Ю. В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации // Вестник НовГУ, 2010. №57. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komicheskie-kreolizovannye-teksty-v-internet-kommunikatsii (дата обращения: 13.05.2020) [Shchurina Yu. V. (2010). Komicheskie Kreolizovannye

Teksty v Internet-Kommunikacii. *Vestnik NovGU, 57*. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komicheskie-kreolizovannye-teksty-v-internet-kommunikatsii (date of access: 13.05.2020). (In Russ.)].

Mather V., Macartney-Snape S. The Appalling Guests. Social Stereotypes from the Telegraph Magazine. John Murray (Publishers). London, 2003. 97 p.

O'Halloran K. L. Systemic functional-multimodal discourse analysis (SF-MDA): constructing ideational meaning using language and visual imagery // Visual Communication. 2008. Vol. 7 (4). Pp. 443–475. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1470357208096210 (date of access: 16.05.2020).

УДК 811.134.2

О. В. Нешкес

аспирант кафедры испанского языка и перевода
переводческого факультета Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: Nesh_86@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СТАТУС И ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (на материале испанских дипломатических документов второй половины XVIII века)

В статье рассматриваются теоретические взгляды на понятие дискурса, в частности на исторический и дипломатический дискурсы. Показан лингвокультурный потенциал историко-дипломатического дискурса. Рассмотрены закономерности протекания политических отношений двух империй – России и Испании во второй половине XVIII в. сквозь призму изучения дипломатической переписки, выявлены репрезентированные в текстах лингвокультурные и прагматические аспекты на лексическом и дискурсивном уровнях. Изучение дипломатической переписки с позиции лингвистики позволяет раскрыть дополнительные «грани» процесса межгосударственного взаимодействия в прошедшую эпоху, а также может стать базисом для осмысления геополитической картины современного мира. В статье применены методы сопоставительного, риторического, лексико-семантического и стилистического анализа.

Ключевые слова: историко-дипломатический дискурс; лингвокультурологический анализ; Россия; Испания.

O. V. Neshkes

Post-graduate student, Department of the Spanish Language and Translation,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: Nesh_86@mail.ru

ON THE ISSUE OF HISTORICAL DIPLOMATIC DISCOURSE: THE STATUS AND THE KEY ISSUES OF LINGUISTIC RESEARCH (based on Spanish diplomatic documents of the second half of the XVIII century)

The article discusses theoretical views on the concept of discourse, in particular on historical diplomatic discourse. The linguistic and cultural potential of historical diplomatic discourse is shown. The political relations between the two empires: Russia and Spain in the second half of the XVIII century have been studied using diplomatic correspondence. The linguistic, cultural and pragmatic aspects represented in the texts at the lexical and discursive levels have been identified. The study of diplomatic correspondence from the point of view of linguistics allows

finding new dimensions of the past interstate relations, it can also become a basis for understanding the geopolitical landscape of the modern world. The article uses methods of comparative, rhetorical, lexical-semantic and stylistic analysis.

Key words: historical diplomatic discourse; linguocultural analysis; Russia; Spain.

О понятии дискурса

Введенный З. Харрисом в 1950-х годах в лингвистику термин «дискурс» по сегодняшний день занимает умы исследователей. Проблема дискурса рассматривалась в работах таких ученых, как Т. Ван Дейк, В. Кинч, М. Фуко, У. Лабов, Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, А. А. Кибрик, Ю. С. Степанов, И. Б. Штерн и др.

Многообразие трактовок данного термина обусловлено тенденциями развития интегративных направлений лингвистики, возникших на стыке психологии, социологии, этнографии, когнитивистики, литературоведения, политологии и др. На современном этапе дискурс неразрывно связывают с такими понятиями, как текст, речь и сознание. С одной стороны, дискурс соотносят с речевой деятельностью, реализуемой в совокупности текстов [Красных 2001, с. 200; Кубрякова 1991], с другой – с ментальными процессами коммуникантов [Арутюнова 1990, с. 136]. Вслед за Т. Ван Дейком, большинство ученых признают, что дискурс – это сложное коммуникативное явление, обладающее как лингвистическими, так и экстралингвистическими составляющими, последние из которых определяются социальными, психологическими, культурными и историческими контекстами [Ван Дейк 1989]. «В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [Ван Дейк 1998, с. 47]. Российский лингвист Н.Ф. Алефиренко, как и Ю. С. Степанов, в своих исследованиях рассматривает дискурс через призму лингвокультурологии, как «особую форму существования языка, способ выражения ментальности народа. Подобный подход ориентирует на более широкое видение дискурсивного существования языка, чем его отождествление с “живой речью”» [Алефиренко 2005, с. 8].

Будучи также объектом изучения лингвокультурологии, дискурс рассматривается через призму лингвокультурного пространства. «Лингвокультурологическое исследование любого типа дискурса

можно проводить в трех аспектах: структуры, семантики и прагматики текстового целого, поскольку текст, репрезентируя дискурс, представляет собой его продукт» [Иванова 2008, с. 83].

Текст требует не только прочтения, но и расшифровки его языка. Ученые актуализировали вопросы, касающиеся отличия образа от реальности, где исторические источники отражают образы, риторику, дискурс [Фуко 1996; Барт 1994; White 1997].

Опыт и перспективы изучения историко-дипломатического дискурса

Изучению дипломатического и исторического дискурсов посвятили свои работы В. И. Карасик Л. М. Терентий, А. П. Миньяр-Белоручева, В. Е. Чернявская и др., однако архивные документы как источники текста не исследовались в лингвокультурологическом аспекте.

Вслед за А. П. Миньяр-Белоручевой, мы полагаем, что первоисточники следует рассматривать с учетом контекста, в них содержится информация, не подлежащая изменению, что свидетельствует об их статике, однако дискурс первоисточников обретает динамизм при их интерпретации [Миньяр-Белоручева 2017, с. 4].

Объектом нашего исследования стал дипломатический дискурс исторического прошлого. Нами были изучены 54 исторических документа из архивов Испании, это внутренняя дипломатическая переписка, состоящая из донесений официальных лиц Испанской империи и испанских посланников в России. Эти документальные источники относятся ко времени освоения территорий Северной Америки Испанией и Россией, они транслируют информацию о положении российско-испанских отношений во второй половине XVIII века.

Различные архивные документы по истории освоения Америки исследовались отечественными и зарубежными историками (Н. Н. Болховитинов, Джеймс Р. Гибсон (James R. Gibson), Энрикета Вила Вилар (Enriqueta Vila Vilar), но в рамках филологических направлений, на данный момент существуют лишь работы, которые посвящены теории и практике перевода испанских исторических текстов на русский язык (В. С. Виноградов, Е. А. Похолкова, А. А. Альварес Солер и др.), при этом лингвокультурные аспекты исторических документов дипломатического свойства остаются за рамками исследования в современной испанистике.

Как уже было отмечено, лингвокультурологическое исследование дискурса целесообразно проводить с точки зрения его структуры, семантики и прагматики.

Рассматривая тематическую структуру дискурса, обратимся к тезису Т. Ван Дейка о том, что «тема – не просто слово или единичное понятие, а макропропозиция. Темы, или топики, подобно всяким значениям, являются когнитивными единицами» [Ван Дейк 1989, с. 240]. При этом содержание дискурса сконцентрировано вокруг «опорного» концепта или топика дискурса [Демьянков 2002, с. 32]. Будучи глобальными структурами дискурса, топики организуют наиболее важную информацию текста, поэтому топикализация является важнейшей фазой анализа.

Структура делового дипломатического документа как современного, так и относящегося к эпохе XVIII века, детерминирована сложившейся культурой дипломатического делопроизводства и является довольно закрепленной: состоит из заголовка, фактуальной и аргументационной частей. Основное предметное содержание излагается в заглавии, которое представляет собой макропропозицию, определяющую тему всего отдельно взятого документа. Служебную (внутреннюю) переписку мы тематически разделили следующим образом:

1) об открытиях на берегах Америки, совершенных русскими в ходе экспедиций в Тихом океане;
2) о намерениях предпринять действия для предотвращения любых неудобств, связанных с освоением американского континента русскими;
3) о торговле с Россией.

Так мы обнаруживаем, что опорной темой. или топиком, исследуемого дискурса являются взаимоотношения с Россией.

Прагматическая установка испанских посланников, обнаруживаемая в созданных ими документах, репрезентирует основные цели дипломатического дискурса: обеспечение безопасности своего государства, реализация сотрудничества и поиск согласия с Россией.

Среди ключевых коммуникативно-прагматических элементов жанра дипломатических донесений можно выделить информативность и персуазивность, значимость которых детерминирована коммуникативной ситуацией, предполагающей взаимодействие испанских посланников с министрами Испании и наместниками Новой Испании.

Коммуникативная стратегия, направленная на побуждение реципиента к совершению или несовершению какого-либо действия посредством убеждения, приобрела в литературе определение персуазивности.

Стратегия персуазивности может быть рассмотрена на макро- и микроуровнях. На макроуровне – это прагматическая интенция адресанта, составляющая доминирующую установку на дискурсивном уровне. На микроуровне – это способы реализации макроинтенции в виде ее элементов, или частные стратегии. Последние репрезентированы в дипломатическом дискурсе в форме объективного аргументирования. Маркеры персуазивности, или техники, представляется возможным рассмотреть через лингвостилистическую, лексическую и экстралингвистическую интерпретацию.

Именно благодаря персуазивной стратегии, посланники испанского двора в России в донесениях своим властям убедили последних в том, что русские экспедиции к Тихому океану и закрепление русских на американском континенте могут представлять угрозу для интересов испанской короны.

Особенностью языка этих посланий является экспрессия, выражающаяся в эмфатическом выделении высказывания, в логическом подчеркивании, имеющим целью привлечь внимание к существенным элементам текста. Комбинация языковых средств обеспечивает речевое воплощение целей высказывания.

> …alos Rusos les vea posible auque dificil el establecimiento, no es dudable, que sea perjudicial si lo consiguen alos Dominios del Rey, lo persuade la Razon[1] [Carta № 1048 … 1773]. – …Основать поселения будет для русских трудным, но посильным делом, что, без сомнения, причинит владениям короля немало бед, как убеждает нас здравый смысл.

Также употребляемые в тексте безличные конструкции *les vea posible – будет посильным, no es dudable – без сомнения* маркируют потенциальную способность России составить конкуренцию, нанести ущерб – *que sea perjudicial.*

Исследуя лексический срез, мы проникаем в языковую картину мира, а также выявляем прагматические ориентиры, характеризующие авторскую позицию.

[1] Здесь и далее текст на испанском языке представлен в оригинальной орфографии архивного документа.

Несмотря на территориальную конкуренцию в Новом Свете, взаимовыгодное сотрудничество в торговле представляло интерес для Испании. Автор донесения имплицитно подчеркивает важность сотрудничества через возвышение значимости партнера на фоне подчеркивания величия своей страны (***la posición**, que **ambas Naciones guardan en el Globo** – положение, которое **обе державы** занимают в мире*).

> Quando se considera la reciprocidad que ofrece la contratación de la España con la Rusia, y se ***observa la posición***, ***que ambas Naciones guardan en el Globo*** no puede menos de compreenderse que las ha destinado la Providencia para comunicarse mutualmente los beneficios y ventajas… [Nota del Cónsul español … 1792]. – Принимая во внимание взаимовыгодный характер торговых отношений между Испанией и Россией, а также с учетом той позиции, которую обе державы занимают в мире, необходимо понимать, что самой судьбой нашим странам определена честь сообща разделять выгоду и пользу…

Наряду со структурным и прагматическим аспектами анализа дискурса, особую важность приобретает рассмотрение лингвокультурологических категорий, несущих лингвокультурную информацию, таких как «добро – зло», «свои – чужие» и др.

Дипломатическая коммуникация представляет собой одну из важнейших сфер человеческой деятельности: защита интересов своего государства, выстраивание стратегического и нестратегического партнерства, завоевание поддержки других стран и отстаивание самоидентичности.

Наиболее репрезентативной и актуальной для дипломатического дискурса как разновидности политического является категория, или лингвокультурологическая оппозиция, «свои – чужие», она служит дифференциации по принадлежности / непринадлежности к группе, которую мысленно создает адресант сообщения. Как отмечает Ю. С. Степанов, «это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2004, с. 126].

Помимо дейктических средств, указывающих на принадлежность к «своему» или «чужому» кругу, маркером рассматриваемой оппозиции служит оценочная лексика. В депешах и донесениях испанских

посланников ассоциативное поле России представляется в таких дефинициях, как *Imperio – Империя*, *hospitalidad – гостеприимство*, *amenaza – угроза.* Очевидно, положительные и отрицательные оценки данного дискурса обусловлены политической конъюнктурой и могли меняться в зависимости от статуса международных отношений, но безусловно Российская империя в языковой картине мира испанских элит второй половины XVIII века репрезентирована как достойная уважения держава.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что, рассматривая испанские дипломатические свидетельства как текстовое воплощение дискурса, мы приходим к мнению, что комплексный анализ его наполнения в аспектах структуры, лингвопрагматики и семантики позволяет раскрыть грани межкультурного и межгосударственного взаимодействия России и Испании в прошедшую эпоху. Историко-дипломатический дискурс остается мало изученным в силу его закрытости, однако перспективы его комплексного исследования дают возможность обогатить междисциплинарные области исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алефиренко Н. Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс. Межвузовский научный альманах / под ред. Г. Н. Манаенко. Вып. 3. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. С. 6–13. [Alefirenko, N. F. (2005). Diskurs kak smysloporozhdayushchaya kategoriya (diskurs i vtorichnoe znakoobrazovanie). In Manaenko, G. N. (ed.). *YAzyk. Tekst. Diskurs: Mezhvuzovskij nauchnyj al'manah, 3*, 6–13 (In Russ.)].

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. M., 1990.]

Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 72–130. [Bart, R. (1994). Mif segodnya. In Bart, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* (pp. 72–130). Moscow. (In Russ.)].

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / сост. В. В. Петрова; пер. с англ. яз., под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. [Van Dijk, T. A. (1989). Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya: sbornik rabot / sostavlenie V. V. Petrova ; per.

s angl. yaz. pod red. V. I. Gerasimova ; vstup. st. YU. N. Karaulova, V. V. Petrova. Moscow: Progress. (In Russ.)].

Ван Дейк Т. А. К определению дискурса. Л.: Сэйдж пабликэйшнс, 1998. [Van Dijk, T. A. (1998). *K opredeleniyu diskursa*. Leningrad: Sejdzh pablikejshns. (In Russ.)].

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. 2002. С. 32–43. [Dem'yankov, V. Z. (2002). Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoj filologii. *Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya, 3*, 32–43. (In Russ.)].

Иванова С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии. Политическая лингвистика. № 1 (24). Уфа: Уральский государственный педагогический университет, 2008. С. 29–33. [Ivanova, S. V. (2008). Politicheskij media-diskurs v fokuse lingvokul'turologii. *Politicheskaya lingvistika, 1*(24), 29–33. Ufa: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. (In Russ.)].

Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: Гнозис, 2001. [Krasnyh, V. V. (2001). Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii: Kurs lekcij. Moscow: Gnozis. (In Russ.)].

Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М.: Наука, 1991. [Kubryakova, E. S. et al. (1991). *Chelovecheskij faktor v yazyke. YAzyk i porozhdenie rechi*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Миньяр-Белоручева А. П. Средства конструирования исторического дискурса // Журнал филологических исследований. 2017. Т. 2, № 3. С. 1–12. [Min'yar-Belorucheva, A. P. (2017). Sredstva konstruirovaniya istoricheskogo diskursa. *Zhurnal filologicheskih issledovanij, 2*(3), 1–12. (In Russ.)].

Степанов Ю. С. Между «системой» и «текстом»: выражения «фактов» // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность / Институт русского языка РАН. М., 1995. С. 111–119. [Stepanov, Yu. S. (1995). Mezhdu "sistemoj" i "tekstom": vyrazheniya "faktov". In *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* (pp. 111–119). Moscow. (In Russ.)].

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., исправл. М.: Академический проект, 2004. [Stepanov, Yu. S. (2004). Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. 3rd ed., revised. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)].

Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. [Fuko, M. (1996). Arheologiya znaniya. K.: Nika-Centr. (In Russ.)].

Carta № 1048 del Virrey de Nueva España, Marqués AM de Boucareli al ministro de Marina y Asuntos Indígenas, Julián de Arriaga, sobre la intención de tomar

medidas para prevenir cualquier inconveniente ligado con el desarrollo del continente americano por parte de los rusos. España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo General de Indias, Estado 20.1.

Nota del Cónsul español en Rusia Antonio de Colombi sobre el comercio con Rusia. España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo Histórico Nacional, Estado 4691.

White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore – London: Johns Hopkins University Press, 1997.

УДК 81'34

М. В. Попова

аспирант кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка,
старший преподаватель кафедры фонетики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: neunerin@gmail.com

КОММУНИКАТИВНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА СУПЕРСЕГМЕНТНОМ УРОВНЕ

В статье представлен краткий обзор подходов к трактовке терминов «просодия» и «интонация» в отечественной и зарубежной науке. Освещаются проблемы изучения интерференции на супрасегментном уровне и описываются особенности проявления и коммуникативная значимость интерференции в рамках интонационного и просодического подуровней. Делается вывод о необходимости унификации терминологического аппарата и дальнейших исследованиях в лингводидактическом, методическом и социолингвистическом аспектах.

Ключевые слова: интерференция; супрасегментный уровень; коммуникативная значимость; интонация; просодия.

M. V. Popova

Postgraduate Student, Department of German Phonetics,
Faculty of the German Language, Senior Lecturer, Department of German Phonetics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: neunerin@gmail.com

COMMUNICATIVE SIGNIFICANCE OF PHONETIC MISTAKES AT THE SUPRASEGMENTAL LEVEL

The article provides a brief overview of approaches to the interpretation of the terms «prosody» and «intonation» in domestic and foreign science. The author highlights the problems of studying interference at the suprasegmental level and describes the features of manifestation and the communicative significance of interference within the intonational and prosodic sublevels. The conclusion is drawn about the need to unify the terminological apparatus and further studies in the linguodidactic, methodological and sociolinguistic aspects.

Key words: interference; suprasegmental level; communicative significance; intonation; prosody.

Введение

В последние десятилетия возрос интерес исследователей к изучению супрасегментного уровня языка. Важную роль в этом сыграл

CC BY

технический прогресс, подаривший ученым возможность использования программного обеспечения для более точного анализа и синтеза речи и обработки больших массивов данных; видеотехники для мультимодального анализа, а также методов нейровизуализации. Кроме того, современные исследователи-фонетисты стали свидетелями концептуального прогресса в формальном представлении контуров основного тона, причиной чему послужил переход от рассмотрения чисто синтаксических аспектов языка к исследованию реальной коммуникации. Этот переход позволил выявить ведущую роль супрагементных единиц в коммуникативных ситуациях и сфокусировать внимание исследователей на изучении интонации и просодии на материале живой (спонтанной) речи [Vaissière 2004]. Однако ни перцептивные, ни когнитивные принципы, лежащие в основе восприятия и обработки супрасегментных единиц, до сих пор не установлены. Таким образом, несмотря на значительные достижения, требуются дальнейшие исследования в рамках супрасегментного уровня.

В данной работе предлагается рассматривать супрасегментный уровень коммуникации на двух подуровнях – просодическом и интонационном. Следует отметить, что в отношении трактовки терминов «просодия» и «интонация» существуют различные, иногда диаметрально противоположные мнения. Ввиду значимости разграничения данных понятий для удобства изучения явления интерференции на соответствующих уровнях следует обратиться к словарным статьям.

Разночтения в употреблении терминов «просодия», «интонация» и смежных специальных терминов в отечественной и зарубежной научной литературе

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) определяет просодию как систему «фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализующихся в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово, словосочетание, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст) и играющих смыслоразличительную роль» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 490]. В рамках просодии выделяют следующие компоненты: речевая мелодия, ударения, временные и тембральные характеристики, ритм, для тональных языков – словесные тоны. Интонация же, в свою очередь, представляет собой, согласно ЛЭС, «единство взаимосвязанных компонентов:

мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения. Некоторые исследователи включают в состав компонентов интонации паузы. Вместе с ударением интонация образует просодическую систему языка» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 277]. Исходя из данных определений видно, что понятия дефинируются как синонимичные.

В свою очередь, некоторые отечественные и зарубежные исследователи предлагают разграничить данные понятия и ввести смежные специальные термины. В этой связи следует отметить, что, несмотря на единство исследователей в попытках разграничения данных понятий, мнения относительно их содержания расходятся. Условно можно выделить два основных подхода:

1) просодия – более широкое понятие, включающее в себя интонацию. Данной позиции придерживаются Р. К. Потапова, О. Х. Цахер, Б. Шёнхер, Д. Джоунз, Л. Армстронг, Дж. Арнольд и др.
2) интонация – более общее понятие, включающее просодию. Данный подход разделяют О. С. Ахманова, Т. М. Николаева, Т. С. Богомазова, Л. В. Бондарко, Л. И. Хицко и др.

О. Х. Цахер, например, полагает, что просодия является более широким, чем интонация, понятием, а также отмечает в своей работе «Фонетика немецкого языка», что к просодии также относится словесное ударение и слоговое деление [Цахер 1969, с. 151]. Схожего мнения придерживается Б. Шёнхер, которая подчеркивает, что просодия включает громкость звуков, темп и ритм речи, ударение, интонационные модели и паузы, в то время как интонация представляет собой только изменение частоты тона [Schönherr 1997, с. 14].

Некоторые лингвисты напротив рассматривают просодические характеристики как вспомогательное средство при реализации интонации. Отечественный лингвист О. С. Ахманова определяет интонацию как «сложный комплекс просодических элементов, включающих мелодику, ритм, интенсивность, темп, тембр, логическое ударение, служащий на уровне предложения для выражения как различных синтаксических значений, так и экспрессивных и эмоциональных коннотаций» [Ахманова 1954, с. 180]. Т. М. Николаева считает, что интонация является самостоятельным языковым явлением, обладающим лингвистическими функциями, для реализации которых служат

просодические характеристики [Николаева 1977, с. 9]. Н. Д. Светозарова в своей работе, посвященной интонационной системе русского языка, отмечает, что понимание просодии как понятия более «узкого» связано с тем, что, говоря о просодии, зачастую подразумевают «*средства* просодической организации речевых единиц, тогда как в понятие интонации входит и содержательный аспект» [Светозарова 1982, с. 7].

Следует отметить, что не все исследователи противопоставляют явления просодии и интонации друг другу. Известный отечественный лингвист Р. К. Потапова, например, предлагает не только разграничение терминов «просодия» и «интонация», но и введение дополнительных, таких как «просодика» и «просодемика»: «выражаясь метафорически, просодия – это строительный материал, просодика – способ реализации задуманного, просодемика – социальное назначение постройки и ее отличие от построек по тому или иному признаку» [Потапова 2014, с. 6]. Другими словами, просодия относится к универсальным средствам материализации звучащей речи, посредством которой формируются просодика и просодемика, которые дифференцируются в зависимости от семиологической релевантности.

В настоящее время происходит сближение терминов «просодия» и «интонация» при описании лингвистических объектов на уровне высказывания как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, а системы акустических признаков объединяют под общим понятием «супрасегментные признаки», или «супрасегменталии» [Потапова 2014]. По нашему мнению, это связано с тем, что понятие «просодия» всё чаще употребляют по отношению к слогу, фонетическому слову или ритмической единице, которые рассматриваются как незначимые в семантическом плане просодические единицы, противопоставляя ее тем самым понятию «интонации» как семантически значимому явлению. Таким образом, просодические характеристики охватывают не только фонетические слоги, слова и ритмическим единицы, но и интонационным конструкции и высказывания. Следовательно, понятие просодии шире, чем понятие интонации, поскольку оно может быть применимо ко всем вышеописанным единицам. В таком случае «просодия высказывания» и «интонация» могут рассматриваться как тождественные понятия. Данный вывод подтверждается в диссертационном исследовании Г. М. Вишневской, которая отмечает, что

в отличие от просодии, отвечающей, по сути, тем же сверхсегментным свойствам, что и интонация, последняя функционирует «на уровне иерархически более высоких фонетических единиц» – на уровне высказываний [Вишневская 1993, с. 53].

Просодическая интерференция

В настоящее время на основании многочисленных экспериментальных данных установлено, что просодические параметры в значительной степени влияют на расшифровку высказывания и зачастую выступают главным средством паравербальной диагностики коннотативных значений. Именно просодическое оформление высказываний дает коммуникантам первичную ориентацию в процессе речевого акта и служит инструментом интерпретации как результата вербальной деятельности слушающего [Потапова 2002]. В отличие от письменной речи, где членение производится посредством пунктуационных знаков, а авторская акцентуация – посредством графических элементов (курсива, жирного шрифта, цвета и других средств), в устной или озвученной письменной речи сегментация происходит за счет интонационного оформления, а также акцентно-ритмических и тональных структур. Овладение данными структурами в составе просодической системы помогает коммуниканту в реализации фразовых акцентуаций, тема-рематических отношений и семантической целостности высказывания. Таким образом, для достижения цели устной коммуникации на иностранном языке очевидна необходимость овладения просодическими средствами изучаемого иностранного языка [Потапова, Потапов 2006].

Говоря о причинах возникновения просодической интерференции при изучении иностранного языка, Л. Г. Фомиченко подчеркивает важность учета когнитивных факторов, отмечая, что, несмотря на особенности просодических систем контактирующих языков и артикуляторно-физиологические различия их носителей, оказывающие существенное влияние на способ формирования тональных модификаций, данные факторы не являются единственными катализаторами [Фомиченко 1998, с. 215].

Однако интерес к супрасегментному уровню не ограничивается исследованием просодической интерференции, и в последние десятилетия появляется всё больше работ, посвященных интонационному уровню.

Интонационная интерференция

Как уже было отмечено, наиболее сложным для овладения на начальных этапах изучения иностранного языка является произносительный уровень, в частности – его супрасегментный подуровень. Если в рамках звукового уровня интерференция может служить причиной неестественного звучания, в редких случаях оказывая влияние на смысл высказывания (например, при недодифференциации), что зачастую компенсируется контекстом, то на супрасегментном уровне существует опасность искажения семантического содержания высказывания, поскольку супрасегментный уровень несет в себе информацию о психическом, эмоциональном состоянии говорящего, его интенции, отношение к сказанному, к адресанту и другие имплицитные сведения. Таким образом, даже при правильной трактовке семантической нагрузки высказывания адресант может неправильно истолковать его причины и «настроения» адресанта, а это, в свою очередь, может послужить препятствием на пути к взаимопониманию и создать неблагоприятное впечатление об адресате.

Результаты ряда исследований на материале датского, голландского, французского и шведского языков свидетельствуют о том, что вне контекста адресату бывает сложно правильно интерпретировать высказывание [Vaissière 2004]. Среди определяющих факторов, оказывающих влияние на суждение о намерениях говорящего, исследователи выделяют контекст и интонационное оформление, причем в случае с взрослыми респондентами оба фактора являются важными, в то время как дети более склонны ориентироваться по интонации, не обращая внимания на контекст [Capelli, Nakagawa и др. 1990].

В лингвистике широко распространено мнение, что иноязычный акцент ярче всего проявляется именно в рамках интонационного уровня. При этом важно отметить, что в отличие от сегментных единиц, совокупная реализация которых может быть понятной или непонятной носителю языка, перенос конструкций из интонационной системы родного языка неизбежно влечет за собой активизацию определенных механизмов распознавания мелодических, акцентуационных, ритмических и других изменений, которые обусловлены интонационной системой носителя. В таком случае, помимо семантического содержания высказывания адресант неосознанно передает, а адресат неосознанно получает информацию об адресанте, которая может не

соответствовать реальному положению вещей, особенно если интонемы контактирующих языков имеют различные или даже противоположные варианты интерпретации.

И. Уотсон в своем труде «Конвергенция в мозгу: непостоянство звуковых систем билингвов» приходит к заключению, несмотря на возможность успешного функционального разделения звуковых систем в речи билингвов, зачастую влияние долгосрочной интерференции, проявляющейся в рамках интонационного уровня, слишком велико [Watson 2002]. Его мнение разделяет Х. Уалдэ, подчеркивая, что особенно сильно интерференции подвержен именно интонационный уровень [Hualde 2003].

Таким образом, интонационная интерференция является коммуникативно значимым речевым элементом, который в значительной степени влияет на восприятие сообщения с точки зрения интенции говорящего и его настроения, эмоционального состояния и т. д.

Коммуникативная значимость отклонений от нормы на супрасегментном уровне

Учитывая неоднозначность трактовки и употребления понятий «просодия», «интонация» и смежных специальных терминов, следует отметить, что большинство исследователей, как отечетсвенных, так и зарубежных, говоря о коммуникативной значимости отклонений от произносительной нормы на интонационно-просодическом уровне, значительно чаще обращаются к «интонации». Учитывая тот факт, что интонационные контуры более явно прослеживаются в речи, чем просодические характеристики, анализ и интерпретация которых часто невозможны без использования специального оборудования и соответствующего программного обеспечения, следует отметить, что супрасегманталии в целом представляют собой наиболее сложный с точки зрения изучения иностранного языка комплекс. Несмотря на то, что отклонения от нормы на интонационном уровне не упоминаются в критериях оценки наиболее известных международных экзаменов, таких как TOEFL и IELTS (английский язык) или Test DaF и DSH (немецкий язык), многие исследователи подчеркивают важность изучения норм интонационного оформления речи в рамках фонетико-фонологической компетенции.

По мнению Л. Р. Зиндера, «...труднее всего иностранцы усваивают именно интонацию. Лица, безукоризненно произносящие отдельные слова чужого языка, делают зачастую ошибки в интонации, особенно тогда, когда дело идет о более значительных по объему отрезках речи. Можно сказать, что интонация представляет наиболее характерный фонетический признак данного языка» [Зиндер 1979, с. 270]. Британские лингвисты О'Коннор и Арнольд подчеркивают, что их соотечественники «охотнее простят иностранцу несовершенное произношение звуков, чем неправильную речевую интонацию, которая выражает отношение говорящего к собеседнику» [цит. по: Лаптева 2001, с. 14].

Исследователи Т. Дервинг и М. Манро пришли к выводу, что наиболее значимыми при восприятии уровнями языка являются грамматический и просодический. Таким образом, по их мнению, для повышения шансов быть правильно понятым носителем языка, обучающемуся следует сделать акцент на изучении грамматических структур и правильном интонировании, а не на исправлении фонематических ошибок [Derwing и Munro 1997]. Позиция Т. Дервинга и М. Манро подтверждается и в более поздних исследованиях (например, Derwing & Rossiter 2003; Field 2005).

Доказательством коммуникативной значимости отклонений от произносительной нормы на супрасегментном уровне могут служить многочисленных экспериментально-фонетические исследования, демонстрирующие варианты восприятия носителями языка речи с различными иноязычными акцентами. Например, А. Джеймс отмечает, что интонационные модели (или их элементы) шведского языка в английской речи придают ей характер раздражительности, нетерпеливости, русские – мрачности и печали, а немецкие – агрессии, в то время как французские интонации в речи на английском языке делают ее более убедительной [James 1935]. По мнению Р. Филлипсона, датская интонация в речи на английском создает у носителей впечатление «угрюмости» и «равнодушия» [Phillipson 1978, с. 118]. Русская интонация в повествовательном предложении воспринимается американцами в речи на английском языке как «наставительная» [Брызгунова 1963]. Интонационно-ритмическая организация славянских языков (которая характеризуется большей плавностью по сравнению с британской произносительной нормой) воспринимается

носителями английского языка как «скучная» и «монотонная» или «сердитая» и «серьезная», так как при отсутствии явно выраженных синтагматических и фразовых ударений, носителю английского языка тяжело прослеживать «мелодику». [Armitage URL]. Сужение мелодического диапазона в английском вопросительном предложении по интонационной модели русского языка придет ей «оттенок недоверия», а резкое повышение тона на конечном ударном слоге в вопросительной фразе на английском языке воспринимается как «крайнее удивление» [Берлин 1973, с. 36]. В результате эксперимента, проведенного Н. Д. Климовым, было установлено, что один из наиболее ярких признаков русского акцента в немецкой речи – расширение мелодического диапазона, воспринимается носителями немецкого языка как «неестественная», «напыщенная» или «патетическая» манера произношения [Климов 2012].

Коммуникативную значимость интонационного оформления наглядно демонстрирует М. Холлидей на примере семантической вариативности. По мнению автора, английские интонационные структуры непрерывно связаны с грамматическими, другими словами существует нейтральный интонационный инвариант и варианты его интонационной реализации в зависимости от коммуникативной ситуации, интенции говорящего и других факторов. В качестве примера М. Холлидей приводит вариант интонационной интерпретации фразы *Я не знаю* (*I don't know*), которая при нисходящем тоне (Low Fall) будет звучать нейтрально (neutral), при восходящем (Low Rise) – уклончиво (non-committal), при сильно восходящем (High Rise) – противоречиво (contradictory), при нисходяще-восходящем (Fall-Rise) – с оговоркой (with reservation), а при восходяще-нисходящем (Rise-Fall) – с обязательством (with commitment) [Halliday 1967].

Исследование Яна Михальского и Хайке Шорманн свидетельствует о том, что акустические параметры речевого сигнала могут влиять на степень привлекательности (attractiveness) и расположения (likability) к собеседнику. Результаты их эксперимента демонстрируют положительную корреляцию диапазона основного тона испытуемых с воспринимаемой привлекательностью собеседника и положительную корреляцию общего среднего значения со степенью вызываемой симпатии для обоих полов. Кроме того, испытуемые продемонстрировали относительную адаптацию к ЧоТ собеседников, что

усилило эффект симпатии, но уменьшило эффект привлекательности [Michalsky, Schoormann 2016].

В большинстве своем исследования в области интонационной интерференции проводятся в лингводидактическом и методическом аспектах, так как основным объектом изучения в данном случае выступают интонационные ошибки, возникающие в условиях искусственного и естественного билингвизма при овладении произносительными нормами изучаемого языка, а также механизмы усвоения интонем в зависимости от когнитивных особенностей индивида, обусловленных возрастом или степенью развитости определенных навыков (например, фонетического слуха). Однако на сегодняшний день растет интерес к изучению их влияния на социокультурное восприятие говорящего.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что несмотря на возросшее в последние десятилетия количество исследований, посвященных изучению явления интерференции на супрасегментном уровне, терминология нуждается в унификации. На сегодняшний день не существует единого подхода к разграничению терминов «просодия» и «интонация», а вследствие этого и четкого подхода к разграничению подуровней в рамках супрасегментного уровня. Однако появляется всё большее количество смежных специальных терминов, которые могут представить собой решение проблемы унификации терминологического аппарата. В связи с этим предлагается рассматривать просодию как более глобальное по отношению к интонации явление, так как именно просодическое оформление речевой единицы зачастую служит решающим фактором при трактовке высказывания и раскрывает адресанту не только денотативную, но и коннотативную значимость речевого действия. Другими словами, совокупность акустических средств в наложении на интонационное оформление высказывания дает возможность его восприятия в более глубоком смысле, с учетом намерения и эмоционально-оценочных компонентов речи говорящего.

Наименее изученными в рамках фонетико-фонологической интерференции остаются на сегодняшний день интонационный и просодический уровни, хотя за последние десятилетия количество работ,

посвященных тем или иным аспектам супрасегментного уровня значительно возросло. Причинами интереса исследователей к проблемам интонационно-просодической интерференции можно считать, с одной стороны, стремительное развитие технологий, позволившее машинную обработку больших массивов данных, с другой – переключение фокуса исследований с анализа подготовленной речи на исследование реальной коммуникации.

Анализ научной литературы по теме исследования позволяет заключить, что интонационно-просодическое оформление речи несет бóльшую значимость по сравнению со звуковой реализацией, выбором лексических единиц и грамматических структур, так как именно в рамках супрасегментного уровня имплицитно передается информация об эмоциональном состоянии говорящего, его интенциях, отношении к сказанному и к слушающему. Важно отметить, что супрасегментный уровень представляет наибольшую сложность при изучении, как в рамках перцептивно-слуховой, так и речепродуктивной деятельности.

Особенное значение придается изучению фонетической интерференции в рамках контрастивной лингвистики и методики обучения иностранному языку, так как расширение знаний в данной области открывает перспективы более детального и глубоко изучения одного из важнейших аспектов в речевом поведении билингва при общении с носителем языка – иноязычного акцента. Актуальность данных исследований обусловлена масштабами глобализации в современном мире и возрастающему кризису в мультикультурных сообществах (государствах). Кроме того, растущее число языковых контактов, обусловленное расширением возможностей современного человека, нуждается в исследовании специфики взаимодействия контактирующих языковых систем и систематизации ее результатов с целью оптимизации и усовершенствования методик преподавания иностранного языка и программ социокультурной интеграции мигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ахманова О. С. Фонология. Материалы к курсам языкознания / под общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: МГУ, 1954. [Axmanova, O. S. (1954). *Fonologiya*. Materialy` k kursam yazy`koznaniya. Moscow: MSU. (In Russ.)].

Берлин С. А. Обучение английской интонации: учебно-методическое пособие. М.: Высшая школа, 1973. [Berlin, S. A. (1973). Obuchenie anglijskoj

intonacii: uchebno-metodicheskoe posobie. Moscow: Vy`sshaya shkola. (In Russ.)]

Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: МГУ, 1963. [Bry`zgunova, E. A. (1963). *Prakticheskaya fonetika i intonaciya russkogo yazy`ka*. Moscow: MSU. (In Russ.)].

Вишневская Г. М. Интерференция и акцент: на матер. интонационных ошибок при изучении неродного языка: дис. … д-ра. филол. наук. СПб., 1993. [Vishnevskaya, G. M. (1993). *Interferenciya i akcent: na mater. intonacionny`x oshibok pri izuchenii nerodnogo yazy`ka*: thesis of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. [Zinder, L. R. (1979). *Obshhaya fonetika*. Moscow: Vy`sshaya shkola. (In Russ.)].

Климов Н. Д. Коммуникативная значимость отклонений от фонетической нормы в немецкой речи с русским акцентом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 651 (754). С. 45–73. [Klimov, N. D. (2012). Communicative significance of deviation from the phonetic norm in German speech with Russian accent. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 651*, 45–73. (In Russ.)].

Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: Эдиториал, УРСС, 2001. [Lapteva, O. A. (2001). *Zhivaya russkaya rech` s telee`krana. Razgovorny`j plast televizionnoj rechi v normativnom aspekte.* Moscow: E`ditorial. (In Russ.)].

Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: http://tapemark.narod.ru/les/ [Yarceva, V. N. (ed.). (1990). Lingvisticheskij e`nciklopedicheskij slovar`. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. [Nikolaeva, T. M. (1977). *Frazovaya intonaciya slavyanskix yazy`kov*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Потапова Р. К. Реконструкция «портрета» говорящего по его лингво-акустическим характеристикам. // Языкознание в теории и эксперименте. Сборник научных трудов. М., 2002. С. 435–461. [Potapova, R. K. (2002). Rekonstrukciya «portreta» govoryashhego po ego lingvo-akusticheskim xarakteristikam. In *Yazy`koznanie v teorii i e`ksperimente* (pp. 435–461). Moscow. (In Russ.)].

Потапова Р. К. Функционально-речевая специфика просодии и семантики / Речевые технологии. 1-2/2014. М.: Народное образование, 2014. [Potapova, R. K. (2014). *Funkcional`no-rechevaya specifika prosodii i semantiki*. Rechevy`e texnologii. 1-2/2014. Moscow: Narodnoe obrazovanie. (In Russ.)].

Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. [Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2006). *Yazy`k, rech`, lichnost`*. Moscow: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`. (In Russ.)].

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. [Svetozarova, N. D. (1982). *Intonacionnaya sistema russkogo yazy`ka*. Leningrag: LSU. (In Russ.)].

Фомиченко Л. Г. Когнитивная лингвистика как новый подход к исследованию просодической интерференции // Лингвистическая мозаика: наблюдения, поиски, открытия. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1998. Вып. 1. С. 215–223. [Fomichenko, L. G. (1998). Kognitivnaya lingvistika kak novy`j podxod k issledovaniyu prosodicheskoj interferencii. In *Lingvisticheskaya mozaika: nablyudeniya, poiski, otkry`tiya* (pp. 215–223). Volgograd: Izd-vo VolGU. (In Russ.)].

Фомиченко Л. Г. Когнитивные основы просодической интерференции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. [Fomichenko, L. G. (2005). *Kognitivny`e osnovy` prosodicheskoj interferencii*. Volgograd: Izd-vo VolGU. (In Russ.)].

Цахер О. Х. Фонетика немецкого языка. Л.: Просвещение, 1969. [Czaxer, O. X. (1969). *Fonetika nemeczkogo yazy`ka*. Leningrad: Prosveshhenie. (In Russ.)].

Armitage S. Russian language as English people hear it. URL: https://youtu.be/_fForZI80R4 (дата обращения: 14.06.2020).

Capelli C. A., Nakagawa N., et al. How children understand sarcasm: the role of context and intonation // Child Development. 1990. Vol. 61 (6). Pp. 1824–1841.

Derwing T. M., Munro M. J. Accent, intelligibility, and comprehensibility: Evidence from four L1s // Studies in Second Language Acquisition. 1997. Vol. 19. Pp. 1–16.

Halliday M. A. K. Intonation and Grammar in British English. The Hague: Mouton, 1967.

Hualde J. I. Remarks on the diachronic reconstruction of intonational patterns in Romance with special attention to Occitan as a bridge language // Catalan Journal of Linguistics. 2003. Vol. 2. Pp. 181–205.

James A. L. The broadcast word. London: K. Paul, Trench, Trubner & Co., ltd., 1935.

Michalsky J., Schoormann H. Effects of perceived attractiveness and likability on global aspects of fundamental frequency. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/309175102_Effects_of_perceived_attractiveness_and_likability_on_global_aspects_of_fundamental_frequency (дата обращения: 14.06.2020).

Phillipson R. The Intonation of Danes speaking English // Working Papers. 1987. № 17.

Schönherr B. Syntax Prosodie – nonverbale Kommunikation. Tübingen: Niemeyer, 1997.

Vaissière J. The Perception of Intonation // D. B. Pisoni & R. E. Remez (Eds.), Handbook of Speech Perception. Oxford: Blackwell, 2004. Pp. 236–263.

Watson I. Convergence in the brain: The leakiness of bilinguals' sound systems // Jones, M. C., Esch, E. (eds.), Language change: The interplay of internal, external and extra-linguistic factors. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. Pp. 243–266.

УДК 81'22

О. Н. Прокофьева

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания;
преподаватель кафедры второго иностранного языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: oliviaprok@gmail.com

ОТРАЖЕНИЕ ЗРИТЕЛЬНЫХ ПАТТЕРНОВ В ОПИСАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ[1]

Считается, что окулографический анализ способен углубить знания о когнитивных процессах и механизмах, сопровождающих дискурсивную деятельность, следовательно, их можно исследовать при помощи полимодального эксперимента, где в качестве стимула выступают изображения, а участникам дается целевая установка на их спонтанное описание. Представленные в статье результаты получены при проведении эксперимента и продолжают исследования влияния зрительного восприятия, а именно, характера и порядка фиксаций, на построение дескриптива. Распределение фиксаций фокального и поискового типов зрения обнаруживают сходства с использованием участниками когнитивных механизмов описания конкретизации и генерализации соответственно: сопоставляются доли групп, начальные элементы зрительных и дискурсивных цепочек и их сложность. Дополнительно рассматривается роль жестов.

Ключевые слова: описательный дискурс; зрительное восприятие; тип зрения; жесты; полимодальный эксперимент.

O. N. Prokofieva

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics;
Department of Second Foreign Languages, Lecturer,
Moscow State Linguistic University; e-mail: oliviaprok@gmail.com

TRACES OF VISUAL PATTERNS IN DESCRIPTIVE DISCOURSE: EXPERIMENTAL STUDY[2]

The article dwells upon the assumption that eye tracking may give an insight into cognitive mechanisms underlying discourse structure. Thus, a multimodal experiment was conducted where participants were asked to carefully study the stimulus material (four paintings) and describe it orally afterwards. The article

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90042 «Когнитивные и прагматические факторы совместного употребления вербальных и жестовых средств в описательном дискурсе» в Московском государственном лингвистическом университете.

[2] The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90042.

CC BY

centres on the possible correlation between the pattern of visual perception (fixations of different types) and that of discourse. The patterns tend to coincide in their initial components as well as their complexity. The research also reveals a correlation between the patterns and gesture use.

Key words: descriptive discourse; visual perception; vision type; gestures; multimodal experiment.

Введение

Каждый дискурс как зафиксированное языковое явление представляет собой конечный продукт сложнейшей цепочки событий и переплетения влияния множества прагматических и когнитивных факторов. При этом, если речь идет об описательном дискурсе, представляется возможным сопоставить его с предшествующим ему восприятием стимула, в частности наиболее доступной и наглядной выступает работа с визуальным стимульным материалом, где в качестве наблюдаемых единиц можно взять характеристики зрительной перцепции. Представленные в статье данные получены при проведении подобного исследования и продолжают начатое ранее исследование влияния зрительного восприятия на построение описательного дискурса [Ирисханова, Прокофьева 2017; Прокофьева 2018]. Доказывается, что как когнитивный фактор, оказывающий влияние на построение дискурса, в зрительной перцепции можно выделить характер и порядок фиксаций, которые образуют характерный для смотрящего «рисунок» зрительного восприятия стимула. Ключевыми понятиями для данной цепочки выступают два типа зрения: фокальный (более длительные фиксации, более короткие саккады) и поисковый (более длительные саккады, более короткие саккады) [Величковский 2006]. Цепочка фиксаций соотносится с характером фокусирования в речи, а именно: механизмами описания – конкретизация (более детальное представление референта) и генерализация (более обобщенное представление референта) соответственно. За основу берется предположение, что как при зрительном восприятии, так и при построении дискурса участники способны менять характер фокусирования, а именно: то больше сосредотачиваться на деталях, то, наоборот, пытаться сконструировать более общую картину, сформулировать свои эмоции и общее ощущение от референта. Иными словами, участники могут в какой-то степени или приблизиться к референту, или отдалиться

от него. В терминах когнитивной грамматики они выбирают между тем, чтобы отдать в определенный момент дискурса предпочтение схематизации (schematisation) или спецификации (specification), положиться на механизм наведения или приближения (zoom in), когда в фокус внимания попадает «ближайший концептуальный диапазон» (immediate scope), или же сделать шаг назад, совершить ментальное отдаление (zoom out), чтобы охват фокуса стал шире, возможно, включил в себя то, что называется «максимальным диапазоном» (maximal scope) [Langacker 2008].

Результатом исследования следует считать выведение определенных параллелей и закономерностей между модальностями относительно ментального наведения (zoom in) и отдаления (zoom out) при фокусировании. Особый интерес исследования также заключается в том, чтобы отдельно учесть полимодальность производимого дискурса и проанализировать связь не только между зрительной перцепцией и речью, но и жестикуляцией участников. Опираясь на положение о синхронизации речи и жестов в процессе построения дискурса, на то, что эти модальности (как и зрительная перцепция в данном случае) восходят к одним «точкам роста» [McNeil 1992], можно предположить, что жесты способны не только дублировать информацию, представленную в речи, но и вносить свой уникальный семантический вклад в полимодальные единства «языковое выражение + жест», который, вероятно, продиктован в какой-то степени зрительной перцепцией описываемого стимула. Таким образом, можно обнаружить прямую связь между жестами и зрительной перцепцией, а также, возможно, пересмотреть предопределяющую роль языкового выражения по отношению к жестикуляции, ведь даже при одинаковом вербальном конструировании образа могут встречаться различные жесты (как показано, например, в [Alibali, Kita, Young 2000]).

1. Метод исследования и материал

1.1. *Сбор данных*

Материалом исследования стали данные полимодального эксперимента по 10 участникам, каждому из которых последовательно представлены четыре картины в качестве стимульного материала. Один стимул демонстрируется 40 секунд, затем участник описывает

этот стимул неограниченное количество времени своему слушателю. Процедура повторяется четыре раза (по количеству стимулов). Эксперимент построен таким образом, что участник вынужден конструировать образ стимульного материала дважды: при создании личного ментального образа картины во время зрительной перцепции стимула, что фиксируется окулографом, и во время монологического спонтанного описания этого стимула без опоры на него, что фиксируется на камеру. На обоих этапах участника просят следовать установке, с одной стороны, максимально подробно описать содержание стимула, с другой – передать эмоции и идеи, которые, по его или ее мнению, хотел вложить в свое произведение художник. Таким образом, участник минимально ограничен в характере рассмотрения стимульного материала и его устного описания. В результате сбора данных, для сопоставления по каждому стимулу каждого участника можно рассмотреть два способа конструирования одного и того же стимула (во время зрительной перцепции и порождения дискурса) и выделить определенные связи между ними. Однако, принимая во внимание различия в модальностях и их неодновременное протекание, следует заранее допустить невозможность полного совпадения зрительного и дискурсивного паттерна участников. Тем интереснее представляются те элементы, которые обнаруживают параллели.

1.2. *Обработка и анализ окулографических данных*

Для получения цепочки зрительной перцепции из данных, собранных при помощи айтрекера, взяты только фиксации. Каждая фиксация отнесена к фокальному типу зрения (группа B) или поисковому типу зрения (группа A), при этом фиксации дольше 300 мс относятся к фокальному, а менее 300 мс – к поисковому типу зрения [Величковский 2006]. В таком виде цепочка представляет собой длинную череду A и B (обычно более 100 элементов-фиксаций), набравшуюся за 40 секунд просматривания. Одним из способов обработки окулографических данных является вычисление доли фиксаций группы A и группы B, исходя из общей длительности фиксаций на стимуле – при этом учитывается не количество фиксаций, а их суммарная длительность, так как фиксации поискового зрения (группы A) имеют «больше шансов» чаще мелькать в паттерне в силу того, что по своей природе они короче, чем фиксации фокального зрения (группы B).

Так как грань между двумя типами зрения получает очень резкое разграничение (рубеж в 300 мс), также принято решение принимать за смену типа зрения только три подряд идущие фиксации одной группы, что позволяет сократить цепочки минимум до 1 (переход на другой тип зрения при таком подсчете не наблюдается на протяжении всего изучения картины), максимум 11 элементов (участник 10 раз меняет тип зрения при рассматривании картины). Таким образом, сокращенные цепочки передают частоту смены типа зрения, что также можно назвать сложностью рисунка зрительной перцепции. Для определения типа начального элемента зрительной цепочки также учитывается первый «сгусток» трех подряд идущих фиксаций одного типа.

1.3. *Обработка и анализ данных по речи участников*

Для выделения когнитивных механизмов описания текст делится на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), которые приблизительно равняются клаузе или ее части (подробнее об ЭДЕ в [Рассказы о сновидениях … 2009]). Исходя из их семантики, дискурсивные единицы распределяются относительно двух когнитивных механизмов описания, выделенных в целях данного исследования и предположительно являющихся одними из более близких аналогов фокального *vs*. поискового типа зрения при зрительной перцепции: когнитивного механизма описания конкретизация и когнитивного механизма описания генерализация.

За основу берется предположение, что как при восприятии стимула, так и при его последующем реконструировании в процессе построения дискурса, человек склонен прибегать к похожим процессам фокусирования. С одной стороны, исследователя может заинтересовать то, насколько и какой элемент выделен при (ре)конструировании образа, что можно условно назвать «силой фокусирования» и определить через длительность фиксаций на объекте при зрительном восприятии и количество упоминаний этого же объекта (в том числе, в фокусе) при построении дискурса (в частности, соотносимого со зрительной перцепцией) [Ирисханова, Прокофьева 2017]. С другой стороны, возникает вопрос о том, не *насколько* и *какой*, но *как* элемент выделен. Например, исходя из положений когнитивной грамматики Р. Лэнекера, одним из механизмов конструирования мира является способность

к схематизации (schematisation) и спецификации (specification) [Langacker 2008]. Так, одно и то же событие может быть описано с большей долей схематизации и с меньшей долей спецификации или наоборот. Можно привести следующий пример Р. Лэнекера, где слева направо событие описывается всё менее и менее схематично, то есть более и более точно и детализированно: *Something happened. → A person perceived a rodent. → A girl saw a porcupine. → An alert little girl wearing glasses caught a brief glimpse of a ferocious porcupine with sharp quills*. (*Что-то случилось. → Человек увидел грызуна. → Девочка увидела дикобраза. → Взволнованная маленькая девочка в очках мельком увидела рассерженного дикобраза с острыми иголками*.) Данная цепочка представляет собой перемещение по континууму от схематизации к спецификации. Если рассмотреть стимул как описываемое событие, то каждая ЭДЕ представляет собой новое звено в цепочке описания, которое будет ближе к тому или иному концу континуума, то есть больше отвечать принципу схематизации (описывать стимул отдаленно, в общих чертах, больше опираться на эмоции и впечатление от картины целиком) или спецификации (описывать детально, точно, конкретно, больше опираться на точное расположение элементов картины и их форму, цвет). При этом, так как описание по своей природе включает в себя акцент скорее не на динамическом событии, а на статическом, то в фокус попадают скорее не действия, а объекты. В связи с этим можно проследить аналогию с другим континуумом, а именно: конкретности и абстрактности [Кубрякова, Ирисханова 2007]: конец шкалы схематизация в данном случае соотносится с абстрактностью, а противопоставленная ей спецификация – с конкретностью. Из этого получаем, что *когнитивный механизм описания конкретизация* – способ представления стимула в описательном дискурсе, при котором говорящий сосредотачивается на более частных и мелких референтах, лежащих на шкале абстрактности-конкретности ближе к конкретности. В противовес ему, *механизм описания генерализация* – способ представления стимула в описательном дискурсе, при котором говорящий сосредотачивается на и / или реферирует к более общим понятиям, лежащим на шкале абстрактности – конкретности ближе к абстрактности.

Обработка и учет только ЭДЕ, которые произнесены говорящим до того, как его или ее монолог прерван слушателем, дают возможность проследить, как выстраивается фокусирование участника на

реконструируемом образе стимульного материала, то есть как сменяют друг друга ЭДЕ, отнесенные к механизму описания конкретизация и генерализация. Получившиеся дискурсивные цепочки в среднем включают от 10 до 20 элементов – наблюдается бóльший разброс по участникам и стимулам, чем в зрительных цепочках, так как говорящие ограничены только целевой установкой, но не ограничены во времени или длине ЭДЕ. Длительность ЭДЕ и скорость их произнесения не сопоставима и зачастую индивидуальна, следовательно, доля ЭДЕ, соотнесенных с механизмом конкретизация (группа К), и доля ЭДЕ, соотнесенных с механизмом генерализация (группа А), высчитана относительно общего количества ЭДЕ в описании по всему стимулу. Далее, как и ранее при обработке данных по зрительной перцепции, особую важность имеет первый элемент рисунка дискурсивного фокусирования. Не менее важной является и сложность дискурсивной цепочки (частота смен типа), но ввиду большей осознанности и, как следствие, весомости дискурсивных элементов по сравнению с фиксациями, которые не всегда могут полностью осознаваться человеком (то есть во время фиксаций может не происходить когнитивная обработка данных, на которые направлен зрительный фокус, как, например, в тот момент, когда внимание смотрящего направлено внутрь себя и он смотрит «в пустоту» [Fazekas, Nanay 2018]), смена типа фокусирования (с группы К на группу А или наоборот) засчитывается при двух и более подряд идущих элементах. Сложность цепочки варьируется по участникам и стимулам от 2 до 9 элементов.

В результате, в качестве материала для анализа выступают 40 цепочек зрительного восприятия, которые сравниваются и сопоставляются с 40 дискурсивными цепочками соответствующих описаний. Сопоставление цепочек происходит с трех точек зрения:

1) доля единиц группы А для зрительной перцепции относительно доли единиц группы А для дискурса (сопоставление «зрительной» группы В относительно «дискурсивной» группы К будет аналогичным, так как все элементы в рамках одной модальности разделены лишь на две группы),
2) начальный элемент зрительной и соотносимой с ней дискурсивной цепочки,
3) сложность зрительной и соотносимой с ней дискурсивной цепочки.

1.4. *Обработка и анализ данных по жестам участников*

Отдельный интерес в исследовании представляет жестовый компонент дискурса, ведь вполне допустимо, что часть информации в спонтанном дискурсе может быть передана именно жестикуляцией. Изначально жесты не являются обязательным компонентом дискурса, в рамках исследуемого эксперимента никому из участников не дается установки на жестикуляцию, она не упомянается при инструктаже, но все участники прибегают к ней как к наиболее естественной для них форме коммуникации (проведенный ранее анализ фокальных речевых единиц показал, что три четверти из них сопровождаются жестикуляцией [Прокофьева 2018]). При этом, если какой-то референт описан не только при помощи речи, но и жестом, вне зависимости от функции последнего, можно говорить о том, что референт получает выдвижение (salience) с точки зрения модальности жестов. Учитывая вторичную по отношению к речи роль жестов, также заключаем, что количество жестов вне зависимости от их функции может говорить о своеобразной сложности «жестового паттерна» – чем больше жестов, тем выше сложность. Для данного исследования представляется важным рассмотреть как общее количество жестов в монологическом описании (сумма жестов для 10 участиков и 4 стимулов: 1006 при разбросе от 7 до 50 в одном монологе), так и количество жестов, которые можно непосредственно соотнести с объектами из стимульного материала (309 при разбросе от 0 до 20). Отдельно изучаются жесты, сопровождающие начальный элемент дискурсивной цепочки (встречаются в 25 из 40 рассмотренных случаев), в том числе рассматривается их функция.

2. Результаты полимодального исследования

2.1. *Соотношение доли «поисковых» фиксаций и «генерализационных» ЭДЕ*

При сопоставлении доли единиц группы А для зрительной перцепции (поисковое зрение) с долью единиц группы А для дискурса (ЭДЕ, характеризующихся когнитивным механизмом описания генерализация) выявлено, что они не обнаруживают прямой зависимости друг от друга. Рассмотренные по эксперименту данные показывают, что нельзя утверждать, что чем больше участник отдает предпочтение

поисковому типу зрения при восприятии стимула, тем вероятнее он прибегнет при описании этого стимула к механизму описания генерализация, зачастую уйдет в описание смысла изображения, эмоций, которые он или она получили от него. При отдельном рассмотрении данных по четырем стимулам, среднее отклонение доли «поисковых» фиксаций от доли «генерализационных» ЭДЕ составляет 19,3 для стимула 1; 19,3 – для стимула 2; 15,3 – для стимула 3; 9,2 – для стимула 4 (порядок стимулов строго фиксирован для всех участников). Таким образом, наблюдается тенденция на сближение зрительных и дискурсивных характеристик. Также можно отметить индивидуальные различия по участникам, но при среднем отклонении зрительных показателей от речевых в 15,8 единиц кажется, что, исключая выбросы, цепочки должны обнаруживать определенное сходство. Возникает вопрос: почему же отсутствует прямая корреляция?

Возможный ответ заключается в том, что доля фиксаций, относящихся к поисковому зрению, в среднем равняется доле фиксаций, относящихся к фокальному, то же наблюдается при распределении ЭДЕ относительно механизмов описания генерализация и конкретизация. С одной стороны, это объясняет сложность проведения корреляционного анализа (если часто показатели близки к половине всех элементов, но при этом хаотично меняют свое положение относительно 50 % то в чуть большую, то в чуть меньшую сторону, то трудно говорить о корреляции так таковой). С другой стороны, такое равномерное представление элементов разных типов подчеркивает важность обеих групп как в конструировании посредством перцепции, так и в вербальном реконструировании стимула и рисунке фокусирования как таковом. Более того, оно невольно оказывается еще одним сходством при сопоставлении интересующих нас показателей.

Наконец, принимая во внимание большое количество факторов, которые могут подействовать на зрительное или вербальное поведение участников (индивидуальные особенности, вырабатывание привычки к заданию, характеристики стимульного материала и др.), большее сходство цепочек можно было бы считать лишь простым совпадением.

Сопоставление «зрительной» группы В относительно «дискурсивной» группы К является аналогичным, так как все элементы в рамках одной модальности разделены лишь на две группы, поэтому не проводится отдельно.

2.2. *Сопоставление начальных элементов*

Второй ступенью сопоставительного анализа является сопоставление начальных элементов зрительной и дискурсивной цепочки. На данном этапе последовательно рассматриваются три модальности: зрительная перцепция, речь и жесты.

Как показывает анализ, в 23 случаях из 40 рассмотренных (57,5%) начальный элемент двух цепочек совпадает, то есть фиксация поискового типа зрения соотносится с ЭДЕ механизма генерализация или же фиксация фокального типа зрения соотносится с ЭДЕ механизма конкретизация. При анализе жестов видно, что они не обнаруживают тяготения к той или иной группе механизма описания (32,5% и 30% начальных элементов, соотносящихся с механизмом генерализация и конкретизация соответственно, сопровождаются жестами). При этом наблюдаются жесты с разнообразными характеристиками: иконичность, индексальность, прагматическая составляющая. Двумя наибольшими группами прагматических жестов выступают рекуррентные жесты [Bressem, Mueller 2014; Ladewig 2014], передающие семантику неуверенности, и жесты, структурирующие дискурс. Последние сопровождают начальное звено цепочки чаще других видов жестов (83,3% случаев). Еще более любопытным оказывается тот факт, что их доля коррелирует с высоким количеством зрительных цепочек, которые начинаются с поискового типа зрения (90% случаев). Таким образом, следует отметить, что вне зависимости от речевого компонента, наблюдается некоторая прямая связь между модальностью зрительного восприятия и жестикуляцией. Даже если участник избегает обобщение (генерализацию) в вводной реплике своего вербального описания, он склонен использовать вводящий в описание и настраивающий своего слушателя на внимание прагматический жест, который направлен на установление контакта с собеседником. Подобные жесты можно охарактеризовать высоким показателем по параметру «прагматической прозрачности» (pragmatic transparency) в мультивекторной семиотической модели О. К. Ирисхановой и А. Ченки [Iriskhanova, Cienki 2018]. Похожая ситуация наблюдается в зрительном восприятии стимула: перед тем, как приступить к плановому осмотру стимула, в большинстве случаев участники склонны как бы «установить с ним контакт», бегло познакомиться с ним. Можно сказать, что зрительное восприятие картины также напоминает

диалог в широком смысле этого слова между смотрящим и произведением искусства, смотрящим и художником, и далее при описании этого произведения говорящий стремится повторить этот диалог.

2.3. *Сложность цепочек фокусирования*

Третья ступень сопоставительного анализа опирается на сложность цепочек фокусирования в зрительной перцепции и речи, то есть частоту смен типов зрения и механизмов описания. При анализе жестовой составляющей учитывается количество жестов.

При допущении отклонения до двух элементов упрощенных цепочек друг от друга, в 24 случаях из 40 (60%) дискурсивная цепочка повторяет по количеству элементов зрительную. Коэффициент корреляции Пирсона указывает на прямую и положительную зависимость количества элементов одной цепочки от другой ($p < 0.001$, $r = 0.510$): чем чаще участник склонен менять тип зрения при рассматривании стимула, тем вероятнее он или она прибегает к смене механизма описания во время описания этого стимула. Таким образом, сложность цепочки частично отображает, насколько необходимо участнику переключаться с более дальней ментальной дистанции от референта к более ближней. Анализируя данные отдельно по стимулам, можно выдвинуть предположение, что наиболее сложный для восприятия стимул 3, который представляет собой абстракционистскую картину, демонстрирует наиболее похожие друг на друга паттерны зрительного и вербального поведения участников: у 6 из 10 участников паттерн совпадает и относительно начального элемента, и относительно сложности цепочки фокусирования. В целом, при сместном учитывании второй и третьей ступени анализа, можно увидеть, что 82,5% случаев соотносимы хотя бы по одному из представленных параметров: начальному элементу и / или сложности цепочки. Это указывает на сходства двух цепочек фокусирования и общие черты зрительного и вербального поведения участников, где, вероятно, в той или иной мере зрительная перцепция или частично предопределяет процесс построения дискурса (например, участник конкретно в данном случае прибегает к подобному рисунку фокусирования и максимально повторяет его в своем дескриптиве, возможно, если визуальный стимул, как при абстракционизме, не ставит своей целью отображение визуально воспринимаемой реальности, то есть изначально сложен для

восприятия), или частично отражает сходные ментальные процессы в течение двух смежных видов деятельности (например, участник зачастую склонен начинать конструирование определенного образа с определенного когнитивного механизма).

При оценке сложности жестового паттерна дискурса, выражающегося в количестве жестов, обнаруживается, что существует прямая корреляция между общим количеством жестов в полимодальном дискурсе и сложностью дискурсивного паттерна ($p < 0.05$, $r = 0.354$). Однако такой же прямой корреляции не наблюдается со зрительной цепочкой ($p > 0.05$). Тем не менее, если взять только то количество жестов, которое соотносится с конкретными областями интереса на стимуле, то корреляция с дискурсивной цепочкой резко слабеет ($p > 0.05$), а со сложностью зрительной цепочки наоборот становится значимой ($p < 0.05$, $r = 0.295$). Эти данные, с одной стороны, свидетельствуют о синхронизации жестов и речи, которую они сопровождают, в том числе на уровне рисунка фокусирования: жест переключается на другой референт или идею чаще, значит в большинстве случаев и смена механизма описания происходит чаще. Однако если отдельно рассмотреть только те жесты, которые соотносятся с объектами со стимула, то прослеживается связь с предшествовавшей зрительной перцепцией: намечается тенденция, что чем чаще сменяется способ рассматривания референта, тем чаще участник при непосредственном описании этого референта переключается с одного жеста на другой и / или сильнее поддерживает свою речь жестикуляцией.

Заключение

Анализ 40 зрительных и 40 соответствующих им дискурсивных цепочек фокусирования (при учете роли жестов) показывает:

1) элементы относительно равномерно распределены по группам как в зрительной перцепции, так и в вербальном компоненте дискурса, среднее отклонение показателей по всем стимулам составляет 15,8; однако корреляционный анализ между долью фиксаций поискового типа зрения (считается от общей длительности фиксаций на стимуле) и ЭДЕ, соотнесенных с механизмом описания генерализация (считается от общего количества ЭДЕ в монологическом описании по данному стимулу до первой реплики слушателя участника), говорит об отсутствии прямой зависимости;

2) начальные элементы сопоставляемых цепочек совпадают более чем в половине случаев, при этом отмечается относительно важная роль жестов, в частности прагматических, и их связь со зрительной перцепцией;

3) при упрощении цепочек с акцентом на частоту смен тип зрения или механизма описания обнаружено, что сложность рисунков зрительной перцепции и дискурса (допускается отклонение до 2 элементов) совпадает в более чем половине рассмотренных случаев и обнаруживает прямую зависимость при тесте на корреляцию; также наблюдаются интересные зависимости между количеством жестов и сложностью дискурсивных и зрительных цепочек.

Таким образом, сопоставительный анализ цепочек фокусирования описательного дискурса и предшествующей ему зрительной перцепции, соотносимых с одним стимулом, подтверждает, что зрительное восприятие влияет на употребление как вербальных, так и невербальных средств дескриптивов и, зная определенные характеристики зрительной перцепции, можно в некоторой мере предугадать, каким образом будет представлен референт с точки зрения рисунка фокусирования и как говорящий выстроит свою цепочку фокусирования в дескриптиве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2 т. М.: Академия, 2006. [Velichkovskij, B. M. (2006). *Kognitivnaja nauka. Osnovy psihologii poznanija*. (Cognitive science. Principles of psychology of knowledge): in 2 vols. Moscow: Akademija. (In Russ.)].

Ирисханова О. К., Прокофьева О. Н. Фокусирование в устном описательном дискурсе: анализ визуальной перцепции, речи и жестов // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 80–90. [Iriskhanova, O. K., Prokofyeva, O. N. (2017). Focusing in spoken descriptive discourse: A study of visual perception, speech and gestures. *Kognitivnye issledovaniya yazyka, 29*, 80–94. (In Russ.)].

Кубрякова Е. С., Ирисханова О. К. Языковое абстрагирование в именах категорий // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. №2. С. 3–12. [Kubryakova, E. S., Iriskhanova, O. K. (2007). Abstract nouns in the cognitive construal of the word. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, *2*, 3–12. (In Russ.)].

Прокофьева О. Н. Специфика языковой и жестовой передачи зрительного восприятия (описательный дискурс) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018.

№ 18 (816). С. 257–267. [Prokofyeva, O. N. (2018). Visual, verbal, and gestural focusing in Russian descriptive discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 18*(816), 257–267. (In Russ.)].

Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. 2009. [Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (eds.). (2009). *Night dream stories: A corpus study of spoken Russian discourse*. Moscow: Languages of Slavonic Culture. (In Russ.)].

Alibali M. W., Kita S., Young A. J. (2000). Gesture and the process of speech production: We think, therefore we gesture // Language and cognitive processes. 2000. Vol. 15 (6). Pp. 593–613.

Bressem J., Müller C. A repertoire of German Recurrent Gestures with Pragmatic Functions // C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill & J. Bressem (Eds.), Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction. 2014. Vol. 2. Pp. 1575–1591.

Fazekas P., Nanay B. Attention is amplification, not selection. The British journal for the philosophy of science, axy065. 2018. URL: https://doi.org/10.1093/bjps/axy065.

Iriskhanova O. K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges. Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2018. № 4 (57). Tambov: Obshcherossiiskaya obshchestvennaya organizatsiya “Rossiiskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov”, 2018. Pp. 25–36.

McNeill, D. Hand and Mind: What gestures reveal about thought. Chicago: Chicago University Press, 1992.

Ladewig S. Recurrent Gestures // Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / ed. by C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill & J. Bressem. Vol. 2. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. Pp. 1558–1574.

Langacker R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.

УДК 81'42

Н. Д. Токарева

кандидат филологических наук,
профессор кафедры стилистики английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: tata2535@gmail.com

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В МЕДИЙНЫХ СТАТЬЯХ ПРИ ОСВЕЩЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ
(на материале британской прессы)

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии при актуализации действительности, а именно, состояния здравоохранения в Великобритании в современной кризисной социально-политической ситуации. Прагматическая направленность дискурса выявляется через использование языковых средств, в первую очередь стилистических. Когнитивного-прагматический подход позволил установить смещение идеологических установок в сторону более объективного освещения действительности с акцентом на социальные условия различных групп населения страны.

Ключевые слова: политический дискурс; политический контекст; прагматика; стилистические приемы; адресат; адресант; коннотация; лексико-семантические группы; синонимические ряды.

N. D. Tokareva

Ph.D. (Philology), Professor at the Department of English Stylistics,
Faculty of English, Moscow State Linguistic University;
e-mail: tata2535@gmail.com

COMMUNICATIVE PRAGMATIC PECULIARITIES OF STYLISTIC DEVICES IN MEDIA ARTICLES ON EMERGENCY SITUATIONS
(on the material of British press)

The article analyzes the communicative strategies in presenting reality that is the condition of the NHS in today's Great Britain in the extreme political situation as rendered by the British press. The pragmatics of the discourse is revealed by the use of language means foregrounding stylistic means. The cognitive pragmatic approach enabled the author to establish a shift in the ideological attitudes towards a more objective coverage of reality accenting the social conditions of different groups of population.

Key words: political discourse; political context; pragmatics; stylistic devices; addresser; addressee; lexico-semantic groups; rows of synonyms.

CC BY

Введение

Как следует из многочисленных исследований в области газетного дискурса: В. З. Демьянков, А. Г. Кириллов, Н. В. Тишина, Е. И. Шейгал, Р. Лангакер, Н. Фейрклоу, А. Бель и др., в частности политического газетного дискурса, каждая конкретная политическая ситуация является дискретно отличной от других политических ситуаций по многим параметрам, особенно если речь идет о внезапно возникающих экстремальных событиях.

Поскольку текст является, по словам М. М. Бахтина [Бахтин URL], той непосредственной действительностью (действительность мысли и переживаний), из которых исходят такие смежные дисциплины, как лингвистика, философия, психология, то можно постулировать тот факт, что особенно в публицистических статьях современной прессы находят свое отражение внезапно возникающие понятия и представления, которые через коммуникативные лингвистические способы передачи информации позволяют установить политическую и социальную атмосферу, характерную для страны в данный период времени.

Предметом рассмотрения нашей работы являются статьи из британской прессы мая – июля 2020 года («The Guardian», «The Daily Mail»).

Цель исследования заключается в установлении способов передачи информации путем использования различных стилистических приемов и лексических средств. Суммируя их, можно сказать, что происходит создание новой диалогической обусловленности приема и передачи информации, которая является следствием этого чрезвычайно быстро возникшего нового этапа в развитии политической и социальной ситуации в Великобритании. Она отражает, конечно, общую обстановку пандемии COVID-19, которая внесла громадные изменения в существующие ранее закономерности и устоявшиеся отношения между коммуникантами, особенно в политически ориентированных газетных статьях.

Среди огромного количества публикаций, в которых речь идет о COVID-19, представляется особенно важным, что состояние системы здравоохранения обсуждается в тесной связи со многими другими проблемами в политической, социальной сферах и даже в сфере расовых и гендерных отношений. В этот обостренный период времени ощущение неуверенности в своей личной физической безопасности вызывает множество других вопросов, казалось бы, непосредственно

не связанных со сферой здравоохранения. Теперь эти проблемы социальной неудовлетворенности оказываются на поверхности и становятся предметом особенно горячего обсуждения.

Дискурсивный анализ в социальном контексте

Какие же прагматические цели ставят перед собой авторы газетных текстов, какими средствами они достигаются и что на другом конце этой операционной системы получает адресат?

Рассмотрим эти процессы на примере ряда статей.

Поскольку социальные проблемы теснейшим образом связаны с личной жизнью каждого человека, его физическим и моральным состоянием, то в период интенсивного противостояния эпидемии COVID-19, одной из важнейших является обеспечение населения необходимой медицинской помощью. В связи с этим возникает проблема, которая и ранее привлекала к себе внимание населения, т. е. проблема состояния здравоохранительной системы.

В статье «COVID-19 has shown the NHS can change. Let's turn that to our advantage», опубликованной британской газетой «The Guardian» 3 мая 2020 года, говорится о тех изменениях, которые могут быть привнесены в эту систему именно в момент кризисной ситуации. Структурно статья построена на противопоставлении настоящего состояния службы здравоохранения и возможностях, которые открываются для ее совершенствования в настоящее время. Следует отметить, что здравоохранение рассматривается как политическая проблема.

Необходимость передачи основных рычагов по управлению здравоохранением в местные органы власти (муниципалитеты), крайне недостаточное финансирование здравоохранительной системы, сокращающееся на протяжении ряда лет, и невыгодное сопоставление с ассигнованиями на эту систему в других странах заставляет автора статьи рассматривать настоящее состояние здравоохранение в Великобритании как следствие насильственно проводимой правительством реструктуризации здравоохранения.

Прагматическая направленность статьи, ее крайне критичный фон формируется с помощью многочисленных стилистических приемов, а также с помощью лексических единиц, которые приобретают дополнительное значение в данной ситуации.

Например, *the advent of Covid-19 lockdown*, *to ban entry to non- residents*, *to ease entry restrictions*, *to test negative for the virus*, *cramped spaces*, *to take virus containment effort*, *to emerge from lockdown*, *people are allowed to mingle in the wide world again*, *to reduce transmission in community*, *asymptomatic carriers*, *to enact a strict lockdown*, *to head for virus recession*, *the UK economy hit by worst contraction in 41years* – все эти и многие другие лексические единицы конкретно связаны с данной ситуацией и таким образом отражают возможность их использования в разных контекстах, приобретая в данном контексте особое значение.

Характеризуя работу медицинского персонала, автор использует прием антитезы, называя систему *glorious*, и вместе с тем отмечая ее не столько недостатки, как несоответствие требуемым стандартам. Британское здравоохранение характеризуется как *glorious yet flawed institution*. Автор настойчиво, на протяжении всей статьи, призывает читателей *to reimagine*, *to rethink*, *to reinforce the need for updating the system*, в чем нельзя не увидеть анафорическое употребление префикса *re-* во фразе, где глаголы расположены в порядке эмоциональной интенсификации. Выявляя недостатки этой системы, автор статьи неоднократно прибегает к приему перечисления.

> For too long patients have experienced fragmented services, administrative hurdles and unreliable lines of communication.

В этом предложении следует обратить внимание на вынесение на первое место обстоятельства *for too long*, которое усиливает эмоциональный эффект, предваряя стилистический прием перечисления. Для выявления равнодушия здравоохранительной системы к требованиям населения страны, используется прием иронии: *The patient experience often remains an afterthought in the NHS*, что ведет к ухудшению ситуации в здравоохранении. Все вышеперечисленные стилистические средства использованы в целях вскрыть серьезные недостатки в медицинском обслуживании населения.

Следуя заданному принципу противопоставления системы и стремлению людей к переменам в ней, автор уже в третьем абзаце показывает возможность перемен, исходя из уже накопленного опыта борьбы с COVID-19. Перечисление как стилистический прием используется в описании возможностей, открывшихся во время

пандемии – *rapid adoption of video and telephone consultations, on line prescriptions, an end to paper notes*.

Используя стилистический прием «вопрос в повествовании» (question-in-the-narrative), автор обращается к медицинскому персоналу: *What about those working in the NHS?* В распространенном ответе на этот вопрос использована цепочка простых предложений, указывающих на тяжелые условия работы медиков: *concerns over working conditions plague the health service*, *pay has continued to fall in real terms*, *along the burnout*, *and exhaustion has led to unprecedented churn of frontier staff*. Существительные с негативной коннотацией – *concerns*, (*falling*) *pay*, *burnout*, *exhaustion* усиливают ощущение крайне тяжкого труда медицинских работников. Всё это указывает на то, что система испытывала трудности в течение долгого времени до пандемии. Употребление метафоры *to hit the rock bottom* в отношении здравоохранения красноречиво указывает на его неприемлемое состояние, когда обслуживание населения достигло самого низкого уровня.

Система, работающая с изъянами, перекладывает ответственность на медицинский персонал, когда *a growing list of doctors have been punished for system failures or scapegoated by the management*. В этом предложении употреблены глаголы *punish* и *scapegoat*, которые продолжают цепочку лексических единиц с негативной коннотацией. В этом случае интересно метафорическое употребление существительного *scapegoat*, превращенного в глагол, хотя следует признать, что существование этого глагола в языке уже давно признанный факт. В данном предложении глаголы *to punish* и *to scapegoat* выстраиваются в цепочку синонимов, осуждающих политику руководства службой, которое перекладывает на врачей свою неспособность решить неотложные задачи, стоящие перед здравоохранением.

Последнее предложение в этой части статьи, которая осуждает политику руководства системой, позволяет на когнитивном уровне сделать вывод о провалах работы здравоохранительной системы, когда сотрудники опасаются высказываться в защиту пациентов в страхе перед преследованиями со стороны руководства.

Во второй части статьи, которая содержательно противостоит первой, автор рассматривает возможности улучшения работы системы. По своему лексическому составу эта часть статьи содержит семантические единицы, наполненные позитивным звучанием,

например: *This crisis represents a vital opportunity to make the NHS a better place to work. Wellbeing and mental health have sprung up overnight*. Интересен стилистический прием повтора прилагательного *vital* (*a vital opportunity*, *a vital drive*) и глагола *embedded* (*a vital drive must become embedded*), где третья форма глагола *embedded* предполагает не только констатацию положения, но и пути улучшения ситуации.

Емкий эпитет *kinder* в сравнительной степени говорит о необходимости улучшения условий труда медиков (*creating a kinder workplace*). Прием перечисления *Creating a kinder workplace, modernizing working patterns around work-life balance, treating stuff with more compassion and improving whistleblowing practices*, построенное на использовании герундия в роли подлежащего, указывает пути исправления ситуации. Примечательно использование модальных глаголов в синонимических значениях: *...pay cannot be ignored and must be addressed* (глаголы *can* и *must*). Автор утверждает, что эффективность системы зависит от политики правительства.

Использование антитезы как одного из важнейших приемов позволяет читателю увидеть разницу между настоящим положением дел и возможными изменениями. Автор обращается к проблемам социального неравенства, используя метафорическое значение слова *postcode*: *If you want a healthy life, your postcode is arguably more important than genetic code*. Нельзя не усмотреть в противопоставлении слов о коде иронический смысл.

Фразеологическое сочетание *to bear the brunt* со значением «нести на себе всю тяжесть ситуации» говорит о неравных социальных возможностях британцев, когда именно социально незащищенные слои британского общества испытывают наибольшие трудности. Использование глагола *to exacerbate* в предложении *Covid-19 exacerbates this trend disproportionally affecting those lower down the economic gradient* усиливает эмоционально словосочетание *to bear the brunt* в предыдущем предложении, и вместе с ним может трактоваться как стилистический прием нарастания, усиления (gradation).

В заключении статьи автор утверждает, что только благодаря улучшению социально-экономических условий жизнь британцев, особенно тех, кто находится на низших социальных ступенях, возможно изменить к лучшему, в том числе в сфере здравоохранения.

В заключение можно сказать, что эта статья из газеты «The Guardian», тяготеющей к лейбористским воззрениям, является образцом политического газетного дискурса, где система здравоохранения Великобритании рассматривается на уровне пандемии COVID-19. Используя многочисленные стилистические приемы, автор убеждает читателя, что в основе возможных преобразований в здравоохранении лежат социальные и политические проблемы. Данный отрезок дискурса интегрирует различные факторы, касающиеся здравоохранения, в политическую картину, фоном которой является ситуация, возникшая в связи с пандемией.

Прагматические задачи статей из газеты «The Daily Mail» и их реализация лингвистическими средствами

Поскольку в разных изданиях оценки событий (ситуаций) далеко не всегда совпадают, а наоборот отражают противоречия в идеологических подходах, которые существуют в разных социальных группах общества, представляется целесообразным для понимания этих различий посмотреть, как трактуются эти события в газете, которая атрибутируется как таблоид. Благодаря этому представляется возможным рассмотреть сущностные события с большей объективностью.

Обычно популярные газеты содержат информацию в основном сенсационного характера или описание событий, которые интерпретируются поверхностно. В данном случае предлагается анализ двух статей из газеты «Daily Mail», которая по праву причисляется к этому типу газет. Однако в данной ситуации, вопреки ожиданиям, эта газета, которая не может стоять в стороне от освещения пандемии, проявляет живейший интерес к социальным проблемам. Само название статьи «How a large BAME population, poverty and crowded households may have contributed to Leicester's spike in cases» (*Daily Mail, 7/1/2020*) говорит о ее социальной направленности. Под акронимом *BAME* имеется в виду чернокожее население, эмигранты из азиатского региона и различные этнические группы. В сочетании с последующими существительными *poverty*, *crowded households* заголовок красноречиво говорит о невозможности игнорировать социальные проблемы и необходимости дать им соответствующую оценку. Это свидетельствует о социальном расслоении британского общества. Правда, необходимо отметить, что в заголовке, в какой-то мере снижая градус

напряженности в описании социальной действительности, употреблен модальный глагол *may*, который позволяет лишь предположить без утверждения, что рост заболеваемости коронавирусом действительно зависит от таких социальных факторов, как бедность и стесненность в условиях проживания. В этой статье, где рассматривается чрезвычайная ситуация, не имевшая прецедентов в прошлом, используются лексико-семантические единицы в синонимических рядах. Так, смыслообразующие лексические единицы, характерные для обозначения роста в распространении инфекции, варьируются, создавая общий фон опасности заболевания. Среди них можно отметить такие, как: *outbreaks appear to be growing*, *the town recorded the biggest spike in coronavirus cases*; *Ealing witnessed big jumps in the actual number of cases*; *thirteen London boroughs are experiencing a rise in coronavirus cases; they should take swift action to deal with the local spikes in infections*; *Leicester is experiencing a real surge in cases*; *we may see localized flare-ups*. Существительные: *outbreaks*, *spike*, *big jumps*, *a rise*, *spikes*, *a real surge*, *flare-ups*, безусловно, имеют коннотативное значение, дополняя общую картину как семантически, так и стилистически, придавая дополнительную эмоциональную окраску описываемой ситуации.

По словам автора, болезнь поражает прежде всего те районы, где плотность населения велика и уровень социальной обеспеченности населения самый низкий: *these places have high levels of deprivation which affects people's lives in ways that put them at risk of catching the virus*. Глагол *to deprive* используется в разных морфологических образованиях, например, *in deprived areas people are more likely to go to work*, где 3-я форма этого глагола выступает в роли прилагательного, что вряд ли можно назвать случайным, особенно имея в виду заголовок статьи. В этом же предложении интересно использование антитезы и повторы: *...people are more likely to have to go to work, less likely to be able to work from home, and more likely to use public transport*. Автор считает, что угроза заболевания населения зависит от социальных условий. Прямо указываются такие города, как Лондон и Манчестер, которые находятся в более выгодном положении, так как в них больше работающих в офисах, банках, которые могут трудиться в удаленном режиме и поэтому меньше подвергаются опасности заражения вирусом, чем города, населенные рабочими (*blue collar cities*).

Статья резко критикует правительство, поскольку оно не предоставляет сведений по результатам тестирования, ограничиваясь лишь данными по тестированию уже находящихся в больницах и медперсоналу. Автор статьи ссылается и на представителей здравоохранения в местных органах самоуправления, которым правительство не дает информацию о данных по заболеваемости в их районах.

Приводятся слова мэра города Лестер (Leicester), который в приведенной цитате о требованиях к правительству по вопросу точных данных по заболеваемости, использует глагол *to prise – to prise testing results from the government*, где глагол *to prise* предполагает использование силы, давления; помимо этого, этот глагол относится к реестру общего разговорного языка, что усиливает эмоциональность контекста. В применении к данной ситуации он привносит коннотативное значение неудовлетворенности действиями правительства. Это ощущение неудовлетворенности стилистически подкрепляется использованием концептуальной метафоры разговорного регистра *battle with the government*, где дополнительное значение глагола *battle* указывает на упорство и преодоление трудностей в попытке добиться от правительства желаемой информации. Когнитивный перенос явления, относящегося к военной схватке, битве, позволяет представить в этом предложении те усилия, которые были направлены на получение местными органами самоуправления информации от правительства. Характерно также упоминание действий премьер-министра Великобритании, который отверг эти жалобы в палате общин *refuted those claims in the House of Commons*, где использование глагола *to refute* показывает нежелание правительства идти навстречу местным властям, отвергая их законные требования. К этому же ряду лексических единиц, которые содержат в данном контексте безусловно коннотативное значение, следует отнести внешне нейтральный частотный глагол *to claim* в предложении, где говорится о том, что будто бы члены правительства (*ministers*) охотно предоставляют требуемую информацию о тестировании (*... claiming ministers had been forthcoming with swabbing data for all local authorities in England*), что явно противоречит действительности.

Таким образом, тяготеющая к консервативным взглядам в политике газета «Daily Mail» в данной ситуации разгара пандемии явно отходит от своих обычных идеологических установок и под влиянием

общественного мнения принимает другую точку зрения, которая не расходится с мнением широкого круга читателей. Газета выражает более трезвый и более объективный взгляд на политику правительства, которое в итоге подвергается острой критике. Использование целого ряда стилистических приемов, а также лексико-семантических рядов позволяет увидеть в этой статье серьезные идеологические сдвиги газеты в сторону от консервативных взглядов на более демократические позиции, что конструирует реальность в другом прагматическом ключе. Это делает данный медиадискурс интересным и с идеологических позиций. Таким образом, очевидно, что под влиянием социального контекста маркированные факторы актуальной действительности и коммуникативные роли адресата и адресанта определяются интенцией адресанта, в данном случае газетой, которая вынуждена отойти от своих традиционных коммуникативно-прагматических стратегий и фокусироваться на событиях социальной действительности.

Другая статья в «Daily Mail» от 10 мая 2020 года посвящена крайне тяжелому положению пожилых людей, находящихся в специальных домах – *care homes*. Читатель, начиная с заголовка «Dismal failure in care home coronavirus testing has turned our most vulnerable into sitting ducks, writes former Pensions Minister Baroness Ros Altmann» (*Daily Mail 10/5/2020*), сталкивается с описанием трагического существования этих людей. Рассмотрим заголовок, который не может не привлечь внимания. Первое словосочетание в заголовке *dismal failure* вскрывает неспособность правительства справиться с ситуацией в домах для пожилых людей. Значение существительного *failure* усиливается прилагательным *dismal*, которое придает дополнительное отрицательное содержание существенному *failure*. В данном случае его можно вполне назвать эпитетом. Но автор не ограничивается лишь этими лексическими единицами. Заголовок в данном случае представляет собой простое предложение, которое по мере его развития наполняется другими стилистическими приемами. Так, устойчивое метафорическое сочетание *lame ducks*, которое означает неспособность к активной жизни, к принятию решений, к самостоятельной деятельности, становится в заголовке элементом стилистического приема персонификации, когда неспособность правительства к активным действиям лишает пожилых людей, находящихся в домах со специальным уходом, необходимой заботы и мер по предотвращению

заболевания коронавирусом. Следует отметить, что поскольку речь идет о пожилых людях с ограниченными возможностями передвижения, обычное сочетание *lame ducks* преобразуется в *sitting ducks*. Тон, который задан заголовком статьи, получает дополнительную эмоциональную окрашенность в самой статье.

Обращает на себя внимание широкое использование лексико-семантических единиц с негативным контентом. В нескольких строках, предваряющих текст статьи, используются единицы с отрицательной коннотацией, например, *ravaging*, который относится к заболеванию COVID-19. Этот очень емкий по своему значению глагол предполагает разрушительную силу, могущественную и практически не поддающейся мониторингу со стороны человека.

В этих же строках, предшествующих самой статье, автор использует прием противопоставления, когда министр здравоохранения обещал проведение тестов на коронавирус для всех тех, кто находится в таких домах или их обслуживает, с одной стороны, и с другой – такое тестирование не было проведено, что привело к результатам, обозначенными как трагические (*tragic results*).

Один из наиболее распространенных стилистических приемов в статье – антитеза, представляющая, с одной стороны, полную самоотдачи работу медперсонала и, с другой стороны, существенные недостатки в системе здравоохранения. Использование лексических единиц с негативной коннотацией создает когнитивный диссонанс между тем, как должно себя вести правительство и как оно ведет себя в действительности.

Метафора *...the pandemic has also shone a cruel spotlight*, в которой фраза *to shine a spotlight* усилена эпитетом *cruel*, а также повторное использование глагола *fail*, которое уже было употреблено в заголовке *...shone a cruel spotlight on one of our greatest failings...*, усиливает впечатление о невнимательном отношении к пожилым людям.

Отдаленный повтор глагола *ravage* в предложении *Now Covid-19 is ravaging care homes nationwide* подчеркивает опасность заболевания для пожилых людей. Дистантный повтор *sitting ducks*, а также такие единицы, как *to express horror*, *mounting death toll* приводят автора к политическим выводам по поводу бездействия правительства, которое критикуется за непринятие необходимых решений в течение нескольких лет – *years of dithering, indifference, underfunding and trepidation*. Эти

существительные предстают как стилистический прием перечисления. Интересен случай парантезы. Парантеза – самостоятельное, графически выделенное высказывание, которое является частью текста, дополнительным сообщением, дающее авторскую оценку явлению. Автор подчеркивает серьезные недостатки британского здравоохранения, отделяя глагол *reflect*, который в парантезе рифмуется с глаголом *neglects* во фразе *...social care in Britain does not reflect – and instead – neglects – the people's needs of an aging population*. В надвигающейся катастрофе, которая обозначена как *tragedy*, автор использует прием иронии, заключенной во фразе *...out of sight, out of mind*.

Продолжая описание действительности в домах для пожилых людей, автор использует синонимичные словосочетания *a dark reality*, *shocking abandonment*. В словосочетании *shocking abandonment* имеется в виду бездействие правительства в отношении пожилых людей в домах со специальным уходом. Существительное *abandonment* добавляет черные краски к уже выше приведенным лексическим единицам с негативным значением. Это существительное, образованное от глагола *to abandon* (*покидать, оставлять без помощи*) в данном контексте усиливается эпитетом *shocking*, что отражает взгляд газеты на неэффективные действия правительства. В последующих абзацах употреблены лексические единицы с отрицательной коннотацией, такие как *breathtaking stories*, *appalling case*, отдаленный повтор прилагательного *dismal*, которым открывалась статья. Дистрибуция негативно окрашенных лексических единиц и словосочетаний в пределах данного дискурса организована таким образом, что по мере развития дискурса в рамках данного текста, критическая оценка деятельности правительства в отношении пожилых людей и среды их обитания, представляется всё в более мрачных тонах.

Так, нарастание тревоги и беспокойства в связи с бездеятельностью правительства можно рассматривать как стилистический прием (suspense) – напряженное ожидание помощи этим людям: *...they are still waiting for testing and for many it is simply too late*. Контраст между ожиданием пациентов и заключением автора статьи, который считает, что многие не перенесут этого периода пролонгированного ожидания, следует рассматривать как спад, разрядку напряжения, что соответствует стилистическому приему *anticlimax* в английской терминологии.

Выводы

Поскольку дискурс не существует вне социальной практики, он не только взаимодействует с социальной действительностью, но и влияет на восприятие действительности, не оставаясь в стороне от политических реалий [Vodak et. al 2004].

Анализ дискурса позволяет вскрыть не только лингвистические процессы, которые отражают социальную и политическую действительность, но и процессы, стоящие в стороне от лингвистики, но получающие свое отражение в лингвистических структурах. По мнению Стокуэлла, когнитивные подходы к пониманию действительности становятся понятными вследствие анализа дискурса [Stockwell 2019].

Приведенный выше анализ одной статьи из «The Guardian» и двух статей из «The Daily Mail» позволяет увидеть смещение идеологических акцентов в газете, которая всегда придерживалась консервативных взглядов. Под влиянием актуализированной действительности, а именно, чрезвычайной ситуации, вызванной распространением пандемии COVID-19, газета «The Daily Mail» вынуждена, по словам Т. ван Дейка [van Dijk1993], выявлять и представлять социально-политическую действительность в ее реальном измерении. Таким образом, осознание социально-политической действительности, в данном случае чрезвычайной ситуации, связанной с пандемией COVID-19, находит свое отражение в лингвистических структурах, которые инкорпорируют восприятие действительности и ее интерпретацию лингвистическими средствами.

Очевидно, что наблюдается взаимодействие между социальными и идеологическими аспектами языка, который с помощью лингвистических средств создает у читателя определенную картину мира. Оказывается, что в выбранных статьях двух газет, которые придерживаются традиционно разных политических убеждений, описание выбранных сюжетов – о бездействии правительства в сфере здравоохранения, о проблемах, с которыми сталкиваются беднейшие слои населения, и тяжелейших условиях, в которых существуют дома со специальным уходом за пожилыми людьми, – интегрируют политические проблемы и ролевое поведение участников коммуникации, то есть создающих дискурс и воспринимающих его. В индивидуальном сознании читателя актуализируются определенные представления, которые на данном этапе развития социально-политической ситуации

оказываются симметричными. Вряд ли это совпадение позиций можно считать единовременным фактором. Общественное сознание Великобритании, отношение к социально-политическим событиям вынуждают средства массовой информации, даже тех, которые придерживаются традиционно консервативных взглядов, провести некую модификацию своих позиций. Использование целого ряда стилистических приемов позволяет обеим газетам создать у участника коммуникативного процесса, а именно, у читателя, представление о кризисной ситуации в объективной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. URL: http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/probltext.html (дата обращения: 11.09.2020). [Bahtin, M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah. Opyt filosofskogo analiza. http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/probltext.html (data of access 11.09.2020). (In Russ.)].

Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. Н. Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 116–133. URL: http://www.infolex.ru/SMI1.htm (дата обращения: 13.09.2020). [Dem'jankov, V. Z. (2003). Interpretacija politicheskogo diskursa v SMI. In Volodina, N. N. (ed.), *Jazyk SMI kak ob#ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija*. Textbook. Moscow: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova. (In Russ.)].

Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста» // Известия А.Н. СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329. URL: http://www.infolex.ru/IZV4_83.html (дата обращения: 13.09.2020). [Dem'jankov, V. Z. (1983). «Sobytie» v semantike, pragmatike i v koordinatah interpretacii teksta». *Izvestija A.N. SSSR. Serija literatury i jazyka, 42*(4), 320–329. URL: http://www.infolex.ru/IZV4_83.html (data of access: 13.09.2020) (In Russ.)].

Кириллов А. Г. Политический нарратив: структура и прагматика: на материале современной англоязычной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003053495 (дата обращения: 13.09.2020). [Kirillov, A. G. (2007). Politicheskij narrativ: struktura i pragmatika: na materiale sovremennoj anglojazychnoj pressy: abstract of PhD thesis. Samara. (In Russ.)].

Тишин Н. В. Интерпретация политического дискурса в СМИ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-politicheskogo-diskursa-v-smi (дата обращения: 13.09.2020). [Tishin, N. V. *Interpretation of political discourse in mass media*. https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-politicheskogo-diskursa-v-smi (data of access 13.09.2020). (In Russ.)].

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6, Языкознание: реферативный журнал / РАН. Ин-т языкознания, Волгоградский государственный педагогический университет; науч. ред. Е. Ф. Тарасов. М. – Волгоград: Перемена, 2004. С. 328–365. [Shejgal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa. In Tarasov, E. F. (ed.), *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 6, Jazykoznanie*: referativnyj zhurnal. Moscow – Volgograd: Peremena. (In Russ.)].

Baudrillard J. The masses: The impression of the social in the media // Media Studies / P. Moris and S. Thornham (Eds.). New York: New York University Press, 1980. Pp. 99–108.

Bell A. Negotiations in the Workplace. The View from a Political Linguist. The Discussion of negotiation: Studies of Language in the Workplace // The Discourse of negotiation / ed. by A. Firth. Oxford, 1995. Pp. 41–58.

Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. 2nd ed. Harlow: Pearson education, 2010. (Longman applied linguistics).

Fairclough N. Discourse and social change. Cambridge, UK; Cambridge, MA: Polity Press, 1992.

Stockwell R. Proceedings of 93rd Annual Meeting of the Linguistic society of America. 2019. Vol. 4 (31). P. 1–15.

Van Dijk T. A. The Discourse Knowledge Interface. In Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity. London: Macmillan, 1993. P. 85–109.

Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis. 2015. URL: http://www.discourses.org/OldArticles/Critical%20Discourse%20Analysis.pdf (data of access: 11.09.2020).

Wilson D., Sperber D. Relevance Theory // Handbook of Pragmatics. Oxford, 2004. Pp. 607–632.

Wodak R., Busch B. Approaches to Media Texts Users. URL: http://users.auth.gr/tsokalid/files/wodak.pdf (data of access: 10.09.2020).

УДК 81’42

Т. В. Ускова, М. А. Викулина, Л. В. Моисеенко

Ускова Т. В., кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета; e-mail: t-uskova@bk.ru

Викулина М. А., старший преподаватель кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета; e-mail: vikulina_maria@mail.ru

Моисеенко Л. В., кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета; e-mail: liliamoiseenko@gmail.com

ВОСПРИЯТИЕ КОМПОНЕНТОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА НАЧИНАЮЩИМИ ЮРИСТАМИ (на основании ассоциативного эксперимента)[1]

Статья представляет результаты эксперимента, проводимого с целью выявления ассоциаций студентов, изучающих юриспруденцию, на слова-стимулы «суд», «жюри», «справедливость» и «правосудие». В статье предпринимается попытка выявить наиболее частотные ассоциации, проанализировать взаимосвязь правовых реалий и представленных в ходе эксперимента реакций, а также проследить соотношение данных реакций с профессиональной картиной мира начинающих юристов. Полученные в ходе эксперимента данные могут быть использованы в образовательном процессе в целях коррекции негативного отношения к правовой системе Российской Федерации и формирования позитивного имиджа всей системы судопроизводства.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; концепт; понятие; стереотип; картина мира.

T. V. Uskova, M. A. Vikulina, L. V. Moiseenko

Uskova T. V., PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University; e-mail: t-uskova@bk.ru

Vikulina M. A., Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University; e-mail: vikulina_maria@mail.ru

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00466.

Moiseenko L. V., PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University; e-mail: liliamoiseenko@gmail.com

PERCEPTION OF THE ELEMENTS OF THE JUDICIAL PROCESS BY COMMENCING LAWYERS (based on the association experiment)[1]

The article under consideration sets forth the results of an experiment carried out in order to find out the associations law students have as to the stimulus words «court», «jury», «equity» and «justice». The article focuses on revealing the most common associations, tracing the interrelation between law realia and the students' reactions as well as on exposing their correlation with the professional worldview of a commencing lawyer. The results obtained in the course of the experiment may be drawn upon in the educational process while improving perception of the RF legal system and shaping a positive image of the judiciary.

Key words: associative experiment; worldview; stereotype; concept.

Введение

На протяжении десятилетий в России ведется борьба с коррупцией. В связи с этим государственной властью ужесточаются законы, а в обществе ведется разъяснительная работа и антикоррупционная пропаганда. Однако до сих пор нерешенным остается вопрос, что может мотивировать человека на совершение противоправного действия. Возможно, всё дело в принципах, которые формируются у представителя общества в ходе приобретения разного рода опыта. Если это так, можно ли повлиять на формирование данных представлений, например, в процессе обучения иностранному языку и / или посредством изучения зарубежной правовой и судебной практики?

Проблемы того, как получается, обрабатывается, хранится и передается информация, а также что влияет на формирование отдельных понятий, как работает языковое сознание, как оно отражается в концептуальной и языковой картине мира отдельно взятого лица и группы лиц, представляют собой основные направления исследований современной лингвистики. Эксперименты, которые проводятся в настоящее время, направлены на установление языковых и концептуальных отличий и совпадений [Минский 1979; Караулов 2004; Красных 2012; Мягкова 1996; Уфимцева 2004].

[1] The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00466.

По мнению Дж. Эйтчисон, ментальный лексикон представляет собой набор слов, соединенных в голове человека посредством связей наподобие карты метро, однако данная ментальная карта никому не видна [Aitchison 1994, с. 32].

Для того чтобы установить связи между отдельными понятиями и выявить правовые стереотипы и правовые установки выпускников юридических факультетов и представителей юридической профессии в целом, авторы данного исследования прибегли к концептуальному анализу посредством ассоциативного эксперимента. Таким образом, в результате исследования авторы будут стремиться доказать гипотезу о том, что изучение иностранного языка, а также правовых принципов и того, как функционирует правовая система за рубежом, позволяет сформировать отличную (иную) профессиональную картину мира.

Роль и место ассоциативного эксперимента в современных психолингвистических и когнитивных исследованиях

В рамках проводимого исследования авторы использовали ассоциативный эксперимент, который давно получил признание как эффективный практический метод исследования. В настоящее время данный психолингвистический метод широко применяется при обучении иностранным языкам, логике, политическим наукам, социологии, теории коммуникации и др. Будучи одним из основных вербальных и когнитивных механизмов, ассоциативный механизм имеет функциональную и универсальную природу и влияет на когнитивную, культурную, эмоциональную перцепцию частей речи, а также на производство речи. Ассоциативный механизм контролирует возникновение непроизвольных вероятностных связок, т. е. ассоциаций. В когнитивной лингвистике под «ассоциацией» понимается «…связывание двух явлений, двух представлений, двух объектов и т. п., обычно – стимула и сопровождающей его реакции» [Краткий словарь… 1997, с. 13].

К достоинствам ассоциативного эксперимента относят возможность выявить особенности строения отдельных фрагментов языкового сознания у носителей языка, поскольку ассоциативный эксперимент дает возможность изучить психологические эквиваленты того, что в лингвистической науке принято называть семантическим полем, а также семантические связи слов [Белянин 2004].

Кроме того, «в ассоциативном эксперименте проявляется способ актуализации слова как предмета деятельности, представленный в стратегии ассоциирования, что позволяет установить предпочтения индивида в способах действования со словом и опосредованно – специфику его образа мира» [Пищальникова 2019, с. 751].

Использование метода свободного ассоциативного эксперимента объясняется тем, что в московской психолингвистической школе данный вид исследования считается одним из эффективных способов реконструкции картины мира, поскольку «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в процессе деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует временные, пространственные и причинные связи явлений, предметов и эмоций, вызываемых их восприятием» [Горошко 2006, с. 2]. Таким образом, сочетание данных ассоциаций может считаться моделью языкового сознания человека [Караулов 1994]. Данное сочетание ассоциаций представляет собой фрагмент образа мира, по которому можно делать выводы о ценностных ориентирах, присущих представителям референтной группы на момент проведения опроса, о возможных вариантах его развития и изменений [Горошко 2006].

В ходе свободного ассоциативного эксперимента группе предлагается список слов-стимулов. Участников просят написать, не задумываясь, одно или несколько слов-реакций, которые приходят им в голову в ограниченный период времени. На следующем этапе полученные данные обрабатываются путем распределения ответов по частоте употребления, причем учитываются три наиболее частых варианта ответа. Таким образом исследователь получает список ассоциаций, который считается ассоциативной нормой исследуемого объекта. Полученный ассоциативный строй раскрывает, как исследуемый объект представлен в памяти носителя языка.

Статистические результаты ассоциативного эксперимента имеют огромные возможности для практического применения, включая:

– построение языковой модели как распознания речи, так и оптического распознавания текста;
– предоставление возможности устранить двусмысленность при разборе чрезвычайно сложных синтаксических структур, сложных составных существительных, союзов и устойчивых выражений с предлогами;

– извлечение смысла из текста большого объема;
– увеличение продуктивности компьютерной лингвистики путем составления лексикона и лексико-синтактических фактов;
– увеличение продуктивности лексикографов при определении нормативного, или конвенционального, использования лексических единиц [Church 1990].

Массовый свободный ассоциативный эксперимент раскрывает вербальные ассоциации носителей языка, которые фиксируются в виде ассоциативных словарей и тезаурусов [Русский ассоциативный словарь 2002].

С одной стороны, ассоциативный эксперимент характеризуется простотой и удобством применения, возможностью одновременно привлечь большое количество опрашиваемых, с другой стороны, он отличается большой степенью временности результатов, необходимостью принимать во внимание психологические, социальные, языковые, возрастные и гендерные, так называемые биосоциальные, характеристики опрашиваемых. Таким образом, ассоциативный эксперимент представляет собой удобный инструмент для исследования правовых установок и правовых стереотипов.

В проводимом авторами данного исследования эксперименте приняли участие 100 студентов выпускных курсов Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, углубленно изучающие иностранные языки в сфере профессиональной коммуникации и правовые системы стран изучаемых языков. Опрос включал два этапа, предлагаемые задания ассоциативного эксперимента имели направленный и ненаправленный характер.

Ассоциативное восприятие компонентов судопроизводства

На первом этапе респондентам было предложено дать первые реакции на 10 слов. В качестве реакции могла выступать любая часть речи, рисунок, междометие или графическое изображение. Анализу подлежали реакции на слова-стимулы: ***суд***, ***жюри***, ***справедливость***.

По результатам проведенного эксперимента реакции респондентов на слово-стимул ***суд*** можно разделить на пять категорий:

1) по типу или характеру деятельности суда (сюда также вошли названия судов разных уровней);

2) по атрибутам судопроизводства;
3) по участникам процесса;
4) по функциональной нагрузке;
5) по оценочным характеристикам эффективности функционирования судов.

В отдельную категорию также можно выделить единичные ассоциации со словом-стимулом ***суд*** (*Жуков, КОАП, следствие, весы, арест, английский, тряпка, крах, атрибуты и некоторые другие*) или неединичные, но не позволяющие отнести данные ассоциации к одной из вышеуказанных категорий (*Фемида – 3%, тюрьма – 2%*).

В первой категории ассоциаций, сформированной на основании характера деятельности судов или их принадлежности к определенному типу и составляющей 15% ответов респондентов, можно выделить три подгруппы реакций на слово-стимул: по уровню суда (*Верховный, мировой*), по характеру процесса (*уголовный суд, суд присяжных, суд общей юрисдикции*) и по территориальному признаку (*московский, районный, окружной, бабушкинский*). Интересно отметить, что наиболее частотной стала реакция *Верховный* (5% респондентов), что может говорить об авторитете решений данной судебной инстанции в профессиональной среде.

На категорию, где в качестве реакций на слово-стимул выступали атрибуты судопроизводства, пришлось 6% ответов респондентов (*здание, зал, место, молоток*), и самой частотной реакцией стала реакция *молоток* (2%), определяющее данный атрибут как напрямую ассоциирующийся с деятельностью судьи.

Также немногочисленной оказалась категория, включающая участников процесса – 5% респондентов. Реакциями на слово-стимул ***суд*** в данном случае стали *судья* (2%), *конвой, подсудимый* и *адвокат*. Интересно отметить, что сторона обвинения не была представлена при анализе реакций данной категории.

Категория, предполагающая функциональную нагрузку, составила 20% ответов респондентов, и наиболее частотной реакцией стала реакция *отправление правосудия* (7%), на втором месте по частотности оказалась реакция *закон / право* (4%). Также в эту категорию вошли следующие реакции: *приговор* (3%), *заседание* (2%), *решение, процесс, иск, обвинение, наказание, разбирательство, развод*. Характер и частотность реакций данной категории говорит о том,

что профессиональное сообщество видит в качестве основной задачи суда отправление правосудия согласно «букве и духу закона» путем принятия решения в результате длительного разбирательства по делу, однако количество реакций, предполагающих негативный исход дела для обвиняемого (*приговор* (3%), *обвинение*, *наказание*), может говорить о том, что четверть респондентов, обнаруживших реакции данной категории, предполагает жесткость суждений правоприменителей и большую вероятность обвинительного вердикта.

И, наконец, в категорию, включающую оценку эффективности деятельности судебной власти и составившую 17% ответов респондентов, были выделены следующие реакции: *справедливый* (6%), *независимый, беспристрастный, гуманный* (2%), *продажный, коррумпированный, безнаказанность, несправедливый, длительный / задержки / очередь.* Несмотря на то что среди реакций, представляющих собой оценку деятельности суда, доминируют положительные характеристики (10%), тем не менее профессиональным сообществом признаются явные недостатки функционирования судебных органов, заключающиеся, в частности, в возможной пристрастности судей, вероятности подкупа и бюрократии.

Таким образом, анализ реакций на слово-стимул ***суд*** позволяет сделать вывод о том, что наиболее частотными в данной референтной группе являются реакции, связанные прежде всего с функциональной нагрузкой судебных инстанций, их уровнями и характером профессиональной деятельности. В фокусе респондентов, имеющих специальные знания в области права, оказываются подсудность, юрисдикция / компетенция судов, а также организационные аспекты процесса судопроизводства. Представляется целесообразным еще раз подчеркнуть, что частотность реакций *Верховный* на слово-стимул ***суд*** обнаруживает признание авторитета решений вышестоящих судов, в частности Верховного суда, имеющего полномочия по интерпретации и толкованию правовых норм и предписаний и играющего значимую роль в правоприменительной практике. Единичная реакция *английский* может указывать на незначительную интерференцию элементов правовой системы изучаемого языка при углубленном изучении юридического английского языка и английской правовой системы. Качественные характеристики деятельности судов включают как положительные, так и отрицательные оценки, однако у представителей

профессионального сообщества преобладают положительные оценочные реакции на слово-стимул ***суд***. Единичность реакции *суд присяжных* (1 % респондентов) позволяет сделать вывод, что данный вид судебного процесса является, с точки зрения респондентов, не типичным для российской правовой реальности.

Данное утверждение подтверждается анализом реакций на слово-стимул ***жюри***. Опрос выявил примерно одинаковое количество реакций на слово-стимул – как связанных с правом, так и не связанных с ним. При этом «правовые» реакции доминировали в процентном соотношении с минимальным преимуществом: 52 % ответов респондентов.

Среди реакций, связанных с юридической деятельностью, на слово-стимул ***жюри*** лидировала реакция *присяжных* – 22 %. Также частотными можно считать реакции *суды* (9 %), *судьи* (3 %), *председатель* (3 %).

31 % респондентов продемонстрировали реакции, не связанные с областью права – в большей степени данные реакции относились к спортивной сфере или конкурсам. Слово *конкурс* в качестве реакции встретилось у 11 % респондентов, также среди реакций фигурировали *спорт*, *соревнование*, *финал* (3 %). Еще 3 % респондентов назвали конкретные виды спорта, которые в обществе ассоциируются с решениями судейского жюри (*фигурное катание* и *гимнастика*), и популярную юмористическую телепрограмму КВН.

Интересно отметить, что 13 % респондентов назвали способ оценивания в спортивных / конкурсных программах в качестве ассоциации к слову-стимулу ***жюри***: *оценка, балл, табличка с цифрами*.

В отдельную категорию можно выделить оценочные характеристики, относящиеся к слову-стимулу ***жюри***: *честное, справедливое, независимое, профессиональное, купленное*. Данную категорию реакций составили 10% ответов респондентов. Несмотря на то что в числе ответов доминируют положительные характеристики (7 %), тем не менее отрицательная реакция *купленное* не является единичной (3 %).

Таким образом, анализ реакций позволяет сделать вывод, что даже в профессиональном сообществе не прослеживается прямая ассоциация с юридической деятельностью при включении в опрос слова-стимула ***жюри***. Это можно объяснить тем, что суд присяжных, в российской правовой действительности существует, однако он не является распространенным и не ассоциируется представителями юридического сообщества с функцией жюри в судебной системе. Напротив, за счет

популяризации в СМИ и на телевидении спортивных программ и музыкальных и юмористических конкурсов, где основную роль играют оценки жюри, в отношении слова-стимула ***жюри*** в обществе закрепляются ассоциации, относящиеся к сфере развлечений и спорта.

Также был проведен анализ реакций на слово-стимул ***справедливость***, и в отношении данного слова-стимула можно выделить четыре категории реакций.

Самыми частотными (45%) были реакции, связанные с деятельностью правоохранительных органов и судебной системы: *закон* (8%), *суд* (8%), *юстиция* (4%), *весы* (5%), *принцип* (5%), *правосудие* (4%), *законность* (3%), *наказание* (3%), *порядок, кодекс, ФСБ*. Интересно отметить, что 2% респондентов из числа студентов, углубленно изучающих юридический английский язык и правовые системы США и Англии, в качестве реакции назвали *justice*, что может указывать на то, что при формировании профессиональной компетенции на иностранном языке у современного российского юриста складывается представление о профессиональной картине мира инофона и как результат наблюдается интерференция правовых концептов изучаемого языка.

На втором месте по частотности (32%) оказались реакции, характеризующие представление о справедливости, ее смысле и ценности: *высшая, честность, истина, главное, мировая, равенство, честь, достоинство, гармония, демократия, защита, вера, необходимость*.

20% респондентов в качестве реакции на слово-стимул ***справедливость*** отметили «иллюзорность» и «нереальность» данного понятия. Респондентами были предложены следующие реакции: *редкость, относительная, сложность, обман, отсутствие, фантазия, безумие, иллюзия, утопия, в сказках, за границей, «есть?»*. 3% респондентов предложили реакции *Афина* и *Господь*. Частотность данных реакций может указывать на неверие представителей профессионального сообщества в то, что справедливость возможна даже при успешно функционирующей правовой системе. Однако в данном случае стоит учитывать возраст респондентов – 20–22 года – как возраст, в котором основные ценности или их существование могут ставиться под сомнение. С этой точки зрения представляется целесообразным учесть данные исследования при обучении студентов юридических специальностей и стремиться к формированию позитивного образа современной правовой реальности России.

И, наконец, 3% респондентов в качестве реакций использовали глаголы, чаще всего сочетающиеся с существительным *справедливость*: *торжествует / восторжествует / существует*.

На втором этапе проводился ненаправленный ассоциативный эксперимент: респондентам было предложено дать определение слову-стимулу ***правосудие***. Ответы, полученные респондентами, были проанализированы с точки зрения ключевых слов и выражений и сгруппированы в несколько категорий. Основаниями для объединения опорных слов в категории выступали:

1) синонимия слов и словосочетаний в правовом дискурсе;
2) семантическая эквивалентность выражений;
3) наличие одного корня;
4) отнесенность к определенному этапу судопроизводства или его характеристика.

Чаще всего в предложенных определениях встречались следующие лексемы: *честность*, *справедливость*, *объективность*, *беспристрастность* – в 15% ответов, *решение*, *разрешение*, *разбирательство* – в 7% ответов, *закон*, *законность*, *норма* – в 8% ответов, *суд*, *судебная власть* – в 10% ответов, *наказание* – в 6% ответов.

Рис. 1. Процентное соотношение наиболее частотных реакций на слово-стимул *правосудие*

Элемент неверия в правосудие в России, отмеченный при проведении направленного ассоциативного эксперимента, подтверждается наличием таких ответов, как *не относится к России*, *не можете рассчитывать в России*, *очень относительное понятие*, *доступно не всем*. Еще 2% респондентов отметили необходимость отправления правосудия в целях обеспечения надлежащей работы государственной системы, выделив такие функции правосудия, как *необходимый элемент регулирования социума* и *защита прав*.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного ассоциативного эксперимента позволяют сделать вывод о том, что, во-первых, судебная система оценивается представителями профессионального сообщества, в частности, начинающими юристами, с точки зрения ее функционирования, поскольку слово-стимул ***суд*** выявило наиболее частые реакции в отношении функциональных составляющих, к которым можно отнести подсудность, компетенцию судов, этапы судебного разбирательства. Более того, частотность реакций демонстрирует авторитет Верховного Суда, а также может свидетельствовать о частом упоминании его решений во время теоретических и практических занятий по праву.

Во-вторых, редкая реакция *суд присяжных* (1%) свидетельствует о нетипичности данной формы судебного слушания в Российской Федерации, что подтверждается количеством «неправовых» реакций на слово-стимул ***жюри***. На основании данных исследования можно предположить, что *суд присяжных*, и, следовательно, и *жюри присяжных* пока не вошли в профессиональную картину мира современного российского юриста.

И наконец, анализ реакций на слово-стимул ***справедливость*** позволяет сделать вывод о недоверии современных молодых юристов к современной судебной системе, поскольку под вопрос ставится возможность справедливого решения правовых вопросов и споров. Следовательно, возникает необходимость принять данный факт во внимание в процессе обучения, скорректировать негативное восприятие судебной системы Российской Федерации путем формирования позитивного имиджа данной ветви власти, а также воспитывать в будущих юристах стремление к справедливости в профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белянин В. П. Психолингвистика. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. [Belyanin, V. P. *Psikholingvistika*. Moscow: Flinta, Moscow Psychological and Social Institute Publ. (In Russ.)].

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента: научная монография. Харьков: Ра-Каравелла. URL: textology.ru›razdel.aspx?ID=38. (дата обращения 01.06.2020). [Goroshko, E. I. (2004). *Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo eksperimenta*: nauchnaya monografiya. Khar'kov: Ra-Karavella. textology.ru›razdel.aspx?ID=38. (data of access 01.06.2020). (In Russ.)].

Караулов Ю. Н. Концептография языковой картины мира // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. С. 70–85. [Karaulov, Ju. N. (2004). Konceptografija jazykovoj kartiny mira. In Ufimceva, N. V. (ed.), *Jazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. Moscow; Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta. (In Russ.)].

Красных В. В. Основы психолингвистики: Лекционный курс. М.: Гнозис, 2012. [Krasnyh, V. V. (2012). *Osnovy psiholingvistiki: Lekcionnyj kurs*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)].

Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С. [и др.]. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. [Kubrjakova, E. S. et al. (1997). *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov*. Moscow: Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova. (In Russ.)].

Минский М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. М.: Энергия, 1979. [Minskij, M. (1979). *Frejmy dlja predstavlenija znanij*: per. s angl. Moscow: Jenergija. (In Russ.)].

Мягкова Е. Ю. «Русский ассоциативный словарь» и проблемы исследования эмоциональной лексики // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 176–190. [Mjagkova, E. Ju. (1996). «Russkij associativnyj slovar'» i problemy issledovanija jemocional'noj leksiki. In *Jetnokul'turnaja specifika jazykovogo soznanija* (pp. 176–190). Moscow: IJa RAN. (In Russ.)].

Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian journal of linguistics. 2019. Т. 23. No 3. С. 749–761. doi: 10.22363/23129182-2019-23-3-749-761. [Pishhal'nikova, V. A. (2019). Interpretation of associative data as a methodogical issue of psycholinguistics. *Russian journal of linguistics, 23*(3), 749–761. (In Russ.)].

Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов [и др.]; под ред. Ю. Н. Караулова. М.: АСТ-Астрель, 2002. URL: http://tesaurus.ru/dict/dict.php (дата обращения 01.06.2020). [Karaulov, Ju. N. et al. (ed.). (2002). *Russkij*

associativnyj slovar'. Moscow: AST-Astrel'. http://tesaurus.ru/dict/dict.php (data of access 01.06.2020) (In Russ.)].

Уфимцева Н. В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель языкового сознания русских // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. С. 189–202. [Ufimceva, N. V. (2004). Associativnyj tezaurus russkogo jazyka kak model' jazykovogo soznanija russkih. In Ufimceva, N. V. (ed.), *Jazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. Moscow; Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta. (In Russ.)].

Aitchison J. Words in the Mind. Oxford: Blackwell, 1994. URL: https://download.e-bookshelf.de/download/0000/5927/80/L-G-0000592780-0002338660.pdf (дата обращения 01.06.2020).

Church K. W., Hanks P. Word association norms, mutual information, and lexicography // Computational Linguistics. 1990. Vol. 16 (1). URL: http://www.aclweb.org/anthology/J90-1003 (дата обращения 01.06.2020).

УДК 81'38

Е. С. Шмелева

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры стилистики английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: katherineshm@gmail.com

ФРЕЙМОВЫЕ МОДЕЛИ КАЛАМБУРА В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

В статье рассматриваются особенности реализации стилистического приема каламбура в интернет-мемах в современном английском языке. В ходе анализа языкового материала рассмотрены три фреймовые (лингвокогнитивные) модели формирования каламбура на основе: концептуальной интеграции фреймов, совмещения терминала (терминалов) фреймов и расширения фокуса одного из фреймов. Проанализированы особенности каждой из моделей, а также возможные эффекты, возникающие в интернет-коммуникации в результате построения каламбуров на их основе.

Ключевые слова: каламбур; интернет-мем; фреймовый анализ; фреймовая модель; стилистический прием; стилистический эффект.

E. S. Shmelyova

PhD (Philology), Senior Lecturer, Department of English Stylistics,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: katherineshm@gmail.com

PUN-FORMING FRAME MODELS IN INTERNET MEMES

The article aims to research the peculiarities of pun construal when pun is actualized in internet memes in modern English. Based on the analysis of concrete realizations of this stylistic figure from the viewpoint of frame semantics, three frame (lingua-cognitive) models of its formation have been singled out, namely: pun based on conceptual integration of frames (M1), on overlap of one or several frame slots (M2) and on transfer of a frame slot to the structure of another frame (M3). The research investigates the characteristics of each model and identifies the possible effects of pun formed on their basis.

Key words: pun; internet meme; frame analysis; frame model; figure of speech; stylistic effect.

Введение

Согласно «Энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона», каламбур – это «французское название игры слов, одинаково пишущихся или произносимых», при этом родоначальником каламбура «одни называют графа Каланбера или Калемберга

CC BY

(Calember) из Вестфалии, жившего при Людовике XIV в Паре или при дворе Станислава Лещинского в Лешевилле, другие – аптекаря Каланбура в Париже» [Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона URL].

Первоначально считалось, каламбур характерен для устной речи [Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля URL], однако в XX веке он получил распространение не только в художественной литературе, но и в медийном и даже в научном дискурсе. В стилистике же каламбур относят к стилистическим приемам. Так, основатель школы английской стилистики на базе МГЛУ И. Р. Гальперин писал, что каламбур предполагает «взаимодействие двух общеизвестных значений одного слова или сочетания» *(«*The pun is <…> based on the interaction of two well-known meanings of a word or phrase») [Galperin 1981, с. 151]. Таким образом он отграничивал каламбур от стилистического приема игры слов, поскольку последняя, согласно И. Р. Гальперину может строиться не только на многозначности лексических единиц, но также и на их омонимии.

На сегодняшний день, с развитием современной лингвистики и появлением новых течений в отношении исследования разнообразных лингвистических явлений, наиболее перспективным в стилистике нам видится когнитивно-дискурсивной подход [Беляевская 2013]. Представляется, что рассмотрение когнитивных механизмов, лежащих в основании стилистических приемов, позволяет уточнить прежние достаточно формальные определения, а также разграничить приемы, схожие как по форме, так и по создаваемым ими эффектам.

Так, проведенное нами ранее исследование лингвокогнитивных особенностей реализации каламбура в англоязычных медийных заголовках позволило дополнить определение каламбура, данное И. Р. Гальпериным. Каламбур мы понимаем как «стилистический прием, основанный на лингвокреативном обыгрывании значений слова или слова в составе словосочетания в результате одновременной или последовательной бисоциативной реализации нескольких значений этой единицы» [Шмелева 2016, с. 119].

Основной задачей данной работы явилось применение выводов, полученных при исследовании построения и функционирования стилистического приема каламбура в актуальной англоязычной прессе, к области современной интернет-коммуникации, в частности,

к интернет-мемам, где этот прием чрезвычайно частотен. Сопоставительное изучение особенностей реализации каламбура в интернет-коммуникации и медийном дискурсе, по нашему мнению, позволяет сформировать более полное понимание данного явления ввиду значительных отличий этих типов дискурса.

Особенности реализации каламбура в интернет-мемах

Итак, настоящая статья посвящена рассмотрению лингвокогнитивных моделей, обеспечивающих формирование каламбура, реализующегося в интернет-мемах. Как известно, интернет-мем – это полимодальная (или, используя другую терминологию, креолизованная) единица представления информации, поскольку в нем графическая составляющая (а именно, картинка или фото) сопровождается текстовой. Исследователи данного феномена, в частности, С. В. Канашина, отмечают такие его характеристики, как «анонимность, экспрессивность, злободневность, возможность использования табуированной лексики» [Канашина 2017, с. 72]. Представляется, что именно стилистические ресурсы языка, включая каламбур и другие фигуры языка и речи, могут являться одним из эффективных средств достижения большей экспрессивности интернет-мема.

Выбор материала исследования диктуется рядом причин. Интернет-общение в настоящее время представляет собой один из наиболее популярных и стремительно развивающихся типов коммуникации, что делает его изучение особенно актуальным. При этом, если язык медиа в большей степени ориентируется на каноны построения письменной речи, то интернет-дискурс, несмотря на его печатную форму, по сути своей, является отражением устной речи. Таким образом, проникновение каламбура в разговорную речь через интернет-коммуникацию является в определенной степени возвращением к его истокам. Как показал анализ языкового материала, в интернет-мемах каламбур обладает чрезвычайно высокой частотностью употребления.

Фреймовые модели формирования каламбура в интернет-мемах

Методология настоящего исследования основывается на фреймовом анализе. В рамках такого подхода единицы рассматриваются

значительно шире лексического значения, которое изначально в них заложено; согласно основоположнику фреймовых исследований языка Ч. Филлмору, «кодируемые лингвистически категории предполагают особым образом структурированное понимание установок культуры, представлений о мире, общего опыта, стандартных или известных большинству способов действия или формирования мнения об объектах»[1] («linguistically encoded categories presuppose particular structured understandings of cultural institutions, beliefs about the world, shared experiences, standard or familiar ways of doing things and ways of seeing things») [Fillmore 1985, с. 231]. Соответственно, в ходе анализа фреймовых структур, стоящих за значениями каламбурных единиц в основе мемов, помимо словарных определений, мы также привлекаем существующие более общие знания о мире, что значительно обогащает проводимый анализ.

В ходе исследования, осуществленного нами ранее на материале медиатекстов, были выделены три ключевые фреймовые (лингвокогнитивные) модели формирования каламбура в англоязычных заголовках: концептуальная интеграция двух фреймов, лежащих в основе значений полисемантичной каламбурной единицы (М1), совмещение фреймов на базе общего терминала (терминалов) (М2) и расширение фокуса одного из соответствующих фреймов (М3) [Шмелева 2019]. Как показал анализ текущего материала, данные результаты применимы также к дискурсу интернет-коммуникации, и в англоязычных мемах каламбур строится по тем же фреймовым моделям, что были выделены нами ранее. Вместе с тем особенности актуализации данных моделей построения каламбура в интернет-мемах в значительной степени отличаются от особенностей их реализации в заголовках медиа. Рассмотрим эти модели, а также соответствующие примеры подробнее.

Каламбур на основе концептуальной интеграции фреймов (М1)

В основе первой модели (М1) лежит концептуальная интеграция, понимаемая нами как «общая когнитивная операция <…>; при которой структура исходных ментальных пространств проецируется на отдельное, “совмещенное” ментальное пространство» («Conceptual integration is a general cognitive operation <…> in blending, structure

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Е. Ш.*

from input mental spaces is projected to a separate, "blended" mental space» [Fauconnier, Turner 1998, с. 133]. Таким образом, в случае формирования каламбура на основе механизма концептуальной интеграции (или смешения) значений никоим образом не затрагивается структура исходных фреймов, однако результирующий фрейм характеризуется их совмещением и демонстрирует сочетание присущих им характеристик. Пример реализации этой модели на основе интернет-мема представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Мем «Pun Dog»

Изображенный на рисунке мем является модификацией серии «Каламбурная собака» – трехчастной серии фото, изображающей собаку породы аляскинский кли-клай [Memepedia].

Мем представляет собой имитацию диалога с реципиентом и содержит лишь реплики собаки. Первое предложение (*Did you hear about the duck with a drug problem?* / *Ты слышал об утке, которая имеет проблемы с наркотиками?*) включает в себя актуализаторы, которые также называют «указателями на смену скрипта» («script-switch triggers») [Attardo 1994] или «дизъюнкторами» («disjuncteur») [Greimas 1966]: *duck* и *drug*, которые указывают на возможность двойного толкования лексической единицы *quackhead* в последующей реплике. Стилистический прием каламбура заключен во второй реплике (*He was a quackhead* / *Он был кваркоманом*), которая является результатом концептуальной интеграции. С одной стороны, *quackhead – утка* (*quack is the characteristic cry of a duck*) [Merriam-Webster English Dictionary], что соотносится с дизъюнктором *duck*. С другой стороны, *quackhead* – это также *зависимый от наркотиков,* поскольку единица *quack* (*шарлатан*) метонимически соотносится с актуализатором *drug* и обладает очевидным звуковым сходством с названием наркотика *крэка* (*crack cocaine*). Таким образом, в данном примере наблюдается совмещение двух смыслов, а соответственно, правомерно говорить о наличии концептуальной интеграции значений (см. рис. 2). Завершающее своеобразный триптих изображение скалящейся собаки усиливает создаваемый мемом комический эффект.

Ранее проведенное исследование показало, что, будучи построенным в результате концептуальной интеграции и реализованным в англоязычном медийном заголовке, каламбур с высокой долей вероятности вызовет у читателя когнитивный диссонанс [Шмелева 2019, с. 886], т. е. осознание «существования противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний» [Фестингер 1999, с. 18]. Это объясняется тем, что актуализация значений каламбурной единицы в составе медийного заголовка происходит по мере ознакомления читателя с полным текстом следующей за заголовком статьи. В случае так называемых серийных мемов, по нашему мнению, уровень когнитивного диссонанса читателя при трактовке каламбура, построенного на основании концептуальной интеграции значений единицы, чрезвычайно низок или стремится к нулю. Это происходит вследствие того, что сама модель мема подсказывает реципиенту предполагаемый эффект (чаще всего, как в рассмотренном выше случае, юмористический или, шире, комический). Представляется, что наличие каламбура легко установить и в других видах мемов ввиду того, что актуализаторы данного стилистического приема, как правило, находятся по отношению к нему в препозиции или в непосредственной близости, т. е. в рамках ближайшего микроконтекста. Указание на возможность двойного толкования мема, в основе которого лежит каламбур, также может содержать графическая информация, которая воспринимается читателем одновременно с прочтением соответствующей текстовой составляющей данного креолизованного знака.

Каламбур на основе совмещения терминала(ов) фреймов (М2)

В основе второй изученной нами фреймовой модели формирования каламбура (М2) лежит совмещение терминала (терминалов) фреймов, которые актуализируются значениями полисемантичной каламбурной

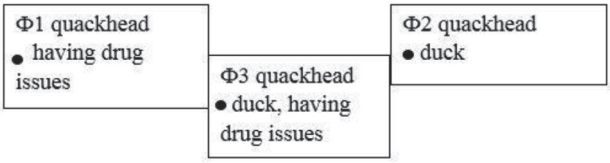


Рис. 2. Мем «Pun Dog»: фреймовые основания

единицы. Пример реализации данной модели содержится в меме на рисунке 3, который также является модификацией серии мемов «Каламбурный енот» – серии фото, содержащей изображение довольного енота, применяющего в своей речи каламбуры с целью казаться остроумным [Memepedia].

Рис. 3. Мем «Lame Pun Coon»

Текстовая информация данного мема включает в себя два предложения, причем возможность неоднозначной каламбурной трактовки существует для элементов в каждом из них: *Она сказала, я всего лишь посредственность / средний. Как подло / усредненно*. Таким образом, в данном случае происходит каламбурное взаимодействие двух пар фреймов: с одной стороны, *average* как *посредственный* (*not out of the ordinary*, *common*) (Ф1) и *усредненный* (*equaling an arithmetic mean*) (Ф2), а с другой стороны, *mean* как *подлый* (*lacking dignity or honor*) (Ф3) и *усредненный* (*a value that is computed by dividing the sum of a set of terms by the number of terms*) (Ф4), что, по сути, соотносится с Ф2 [Merriam-Webster Online English Dictionary]. Интересно то, что лексическая единица *mean* в комментирующем предложении, является одновременно и актуализатором первого каламбура, указывающим на возможность двойного толкования единицы *average*, и самостоятельным каламбуром, который, в свою очередь, также актуализируется единицей *average* за счет совпадения у данных полисемантов одного из значений. Таким образом, в данном случае происходит частичное совпадение Ф1 и Ф3 в терминале отсутствия некого положительного признака (*not*), а также полное наложение двух фреймов, актуализируемых значениями разных каламбурных единиц, что на стилистическом уровне воспринимается как конвергенция, состоящая из двух одинаковых приемов (Каламбур 1 + Каламбур 2). Схематически данный процесс представлен на рисунке 4.

Подобный сложный когнитивный комплекс потенциально мог бы вызвать у реципиента когнитивный диссонанс, что характерно для каламбуров, построенных по данной модели в англоязычных заголовках медиа. Однако в рассматриваемом примере предложения находятся

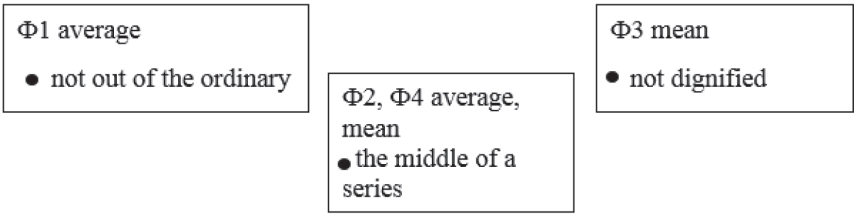


Рис. 4. Мем «Lame Pun Coon»: фреймовые основания

в непосредственной близости друг к другу, что снимает вероятность возникновения когнитивных трудностей у реципиента при попытке их интерпретации. Возможность формирования когнитивного диссонанса также устраняет изображение енота (*Lame Pun Coon*), которое указывает продвинутому интернет-пользователю на то, что данный мем содержит каламбурный элемент. Соответственно, когнитивным основанием модели М2 можно в большей степени считать бисоциацию, т. е. «независимый, автономный характер матриц, которые соотносятся в творческом акте» («the term bisociation is meant to point to the independent, autonomous character of the matrices which are brought into contact in the creative act») [Koestler 1964, с. 656]. Как и в случае рассмотренной ранее модели М1, такие особенности реализации каламбура в интернет-меме, как привлечение графической информации и ограниченность контекста, в значительной степени ускоряют осуществление полной и верной интерпретации каламбурного мема в отличие от медийного заголовка на основе каламбура.

Каламбур на основе расширения фокуса одного из фреймов (М3)

Третья выявленная и изученная нами ранее фреймовая модель формирования каламбура (М3) строится на расширении фокуса одного из фреймов, актуализируемых значениями полисемантичной единицы в основе каламбура. Проведенное исследование показало, что, как и в случае с медийными заголовками, примеры каламбура, сформированного по данной модели в интернет-мемах, немногочисленны в силу определенной структурной сложности модели М3. Один из зафиксированных нами примеров можно наблюдать в меме, изображенном на рисунке 5.

Рис. 5. Мем «A Little Husky»

Картинка содержит изображение двух псов, один из которых делает жест, похожий на дружеское похлопывание, и подпись: *Ты не толстый. Ты просто немного грузный / небольшой хаски*. В данном случае единицу *husky* можно понимать в двух значениях: как *здоровяк* (Ф1) (*large*, *robust*) и как *порода собак хаски* (*a heavy-coated working dog of the New World arctic region*) [Merriam-Webster Online English Dictionary] (Ф2). В ходе взаимодействия в рамках мема у Ф2 вырабатывается новый фокус, указывающий на внушительный размер представителя этой породы. Схематически данный процесс можно представить следующим образом (см. рис. 6).

Графическая информация, сопровождающая подпись, визуализирует каламбур, построенный на бисоциации значений полисеманта, и, по нашему мнению, так же, как в случае с предыдущими моделями, фактически снимает возможность возникновения у реципиента когнитивного диссонанса, весьма характерного для англоязычных медийных заголовков на основе стилистического приема каламбура.

Заключение

Итак, выделенные нами на предыдущем этапе исследования лингвокогнитивные модели формирования каламбура в англоязычных заголовках медиа были рассмотрены на новом языковом материале – интернет-мемах. Был сделан вывод о том, что фреймовые модели, на основе которых создаются контексты реализации стилистического приема каламбура в заголовках прессы, и модели,

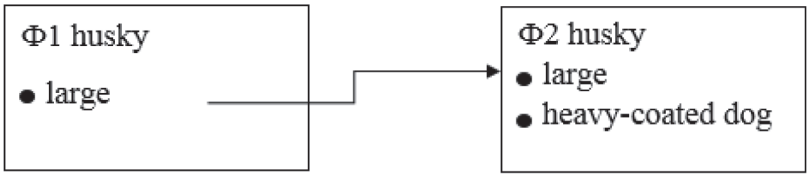


Рис. 6. Мем «A Little Husky»: фреймовые основания

которые лежат в основе каламбура в интернет-мемах, совпадают. Однако в результате применения методики фреймового анализа к конкретным примерам реализации каламбура в актуальных образцах интернет-коммуникации было выявлено их существенное отличие от лингвокогнитивных особенностей формирования каламбура в англоязычных медийных заголовках. В первую очередь это отличие касается тех когнитивных оснований, которые формируют двуплановость каламбура в обоих типах дискурса. Так, в силу емкой фиксированной структуры мемов, а также их креолизованной природы при реализации в данном виде коммуникации каламбуры на основании выделенных нами фреймовых моделей в большей степени строятся на бисоциации значений и практически не способны вызвать у реципиента когнитивный диссонанс при их интерпретации. В то же время структурные особенности медийных статей, предполагающие поступательное осмысление читателем развернутого текста, нередко способствуют возникновению когнитивного диссонанса у реципиента при попытке интерпретации заголовка, в особенности в отрыве от последующего текста. Как нам представляется, именно с целью разрешения возможных когнитивных трудностей при ознакомлении со статьей, медийные тексты всё чаще сопровождаются графической информацией. Это, в свою очередь, в большой степени роднит их с мемами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Беляевская Е. Г. Моделирование стилистических приемов в дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. 2013. Вып. 17 (677). С. 7–17. [Belyaevskaya, E. G. (2013). Modelling Stylistic Figures in Discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 17*(677), 7–17. (In Russ.)].

Канашина С. В. Интернет-мем и политика // Политическая лингвистика. 2017. №1 (61). С. 69–73. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-i-politika (дата обращения: 04.05.2020). [Kanashina, S. V. (2017). Internet Meme and Politics. *Political Linguistics Journal, 1*(61), 69–73. https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-i-politika (date of access: 04.05.2020). (In Russ.)].

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. [Festinger, L. (1999). *Teoriya kognitivnogo dissonansa* (A theory of cognitive dissonance). St.Petersburg: Yuventa. (In Russ.)].

Шмелева Е. С. О понятии каламбура // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. 2016. Вып. 19 (758). Сер. Языкознание. С. 110–121. URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/19_758_2016_indd.pdf (дата обращения: 04.05.2020). [Shmeleva, E. S. (2016). On the Notion of Pun. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 19*(758), 110–121. http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/19_758_2016_indd.pdf (date of access: 04.05.2020). (In Russ.)].

Шмелева Е. С. Лингвокогнитивные модели каламбура // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII/ отв. ред. вып. Т. В. Романова. С. 882-887. [Shmeleva, E. S. (2019). Linguacognitive Models of Pun. In Romanova, T. V. (ed.), *Cognitive Studies of Language*, *XXXVII*, 882–887. (In Russ.)].

Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля. URL: endic.ru/dal/Kalambur-12364.html (дата обращения: 04.05.2020). [Dal', V. *Tolkovyi slovar'zhivogo velikorusskago yazyka Vladimira Dalya* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language). URL: endic.ru/dal/Kalambur-12364.html (date of access: 04.05.2020). (In Russ.)].

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. URL: endic.ru/brokgause/Kalambur-112638.html (дата обращения: 04.05.2020). [Brokgauz, F. A., Efron, I. A. *Entsiklopedicheskii slovar'* (Explanatory Dictionary). URL: endic.ru/brokgause/Kalambur-112638.html (date of access: 04.05.2020). (In Russ.)].

Attardo S. Linguistic Theories of Humor. New York, Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22 (2). Pp. 133–187.

Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica. 1985. Vol. VI, № 2. Pp. 222–254.

Galperin I. R. Stylistics. M.: Высшая школа, 1981.

Greimas A. J. Semantique structurale. Paris: Larousse, 1996. Eng. Tr. Structural Semantics. Lincoln: U. of Nebraska, 1983.

Koestler A. The Act of Creation. London: Hutchinson, 1964.

The Economist. URL: http://economist.com (дата обращения: 04.05.2020).

Memepedia. URL: https://knowyourmeme.com/memes/pun-dog (дата обращения: 04.05.2020).

Merriam-Webster Online English Dictionary. URL: http://merriam-webster.com (дата обращения: 04.05.2020).

УДК 81'38

К. И. Шпетный

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры стилистики факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: kon5804@yandex.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО НАЧАЛА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ Д. ТРАМПА

Рассматриваются когнитивно-стилистические формы и средства проявления поэтического начала в политическом дискурсе Президента США Д. Трампа. Выявлен механизм актуализации концепта поэтического драйва, в основе которого лежит взаимная соотнесенность всех эстетически значимых элементов построения дискурса, – композиция фоническая, метрическая, синтаксическая, лексико-семантическая, стилистическая, образно-сюжетная и интегрирующая в их функциональной взаимосвязи и взаимозависимости. Стилистический анализ собственно поэтического дискурса автора подтверждает сделанные выводы.

Ключевые слова: когнитивная стилистика; концепт; политический дискурс; драйв; поэтика; композиция.

C. I. Shpetny

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of English Stylistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: kon5804@yandex.ru

TRAITS OF POETICALNESS IN THE POLITICAL DISCOURSE OF DONALD TRUMP

Cognitive-stylistic ways and means of actualization of poeticalness in the political discourse of the U.S. President Donald Trump are put to analysis. The mechanism of revealing the poetic drive becomes available. It is promoted by all aesthetically relevant parcels of the discourse build-up: phonic, metric, syntactic, lexical-semantic, stylistic, plotting and integral features of composition in their interrelationship. Stylistic scrutiny of the poetic discourse proper of the author is another proof.

Key words: cognitive stylistics; concept; political discourse; drive; poetics; composition.

Poetry is the renewal of words, setting them free,
and that's what a poet is doing: loosening the words.
Robert Frost (1874–1963)

CC BY

Введение

Предметом настоящего исследования являются когнитивно-стилистические формы и средства проявления поэтического начала в политических дискурсах Президента США Дональда Джона Трампа. В качестве материала анализа привлекаются примеры из дискурсов разных лет – инаугурационная речь, выступления перед членами Администрации президента США, политические заявления и высказывания, твиты, непосредственно созданные им поэтические дискурсы.

Дональд Трамп рано проявил особый интерес к поэтическому восприятию и отображению окружающего мира, однако о его увлечении поэтикой становится известно лишь летом 2015 года, когда он объявляет о намерении участвовать в выборах Президента США в 2016 году в качестве кандидата.

Д. Трамп обладает одним нечасто встречающимся личностным качеством, на которое современники до недавнего времени не обращали особого внимания. Речь идет о концепте «драйв», который выявляется в когнитивно-речевой деятельности нынешнего американского президента. Он используется в психологии мотивации и в теории научения, и в данном случае он экстраполируется на предрасположенность личности к поэтическому сотворчеству.

Драйв (англ. *drive – движение*, *гонка*, *спешка*) означает обычно неосознаваемое или мало осознаваемое внутреннее влечение человека общего характера, которое возникает как следствие некоей органической потребности [Головин 1998, с. 116]. С позиции этимологии известно, что концепт «драйв» возник в музыкальном лексиконе молодежного сообщества недавно. Он обозначает энергичную манеру исполнения современного джаза, при которой достигается эффект нарастающего ускорения темпа, активной устремленности движения [Большой энциклопедический словарь URL].

Понятие драйва используется в психоанализе и выражает концепт «инстинктивного влечения», и он обладает положительной маркированностью. Им следует, по мнению специалистов, управлять с разумной распорядительностью, чтобы достоинство его носителя не перешло в некий ментальный недостаток.

Одним из инстинктивных влечений, иначе драйвом, Д. Трампа является своеобразная актуализация творческого поэтического начала личности, которое находит отражение в его разножанровых

политических дискурсах. Его оппоненты в США, обратившие внимание на эту особенность его стиля в дискурсе «Twitter», описывают ее иначе, например, *personal whim* (*Stephen Collinson, CNN, May 29, 2020*).

Политический дискурс является особым типом коммуникации, который включает в себя речевые акты в письменной и в устной форме, а также политические взгляды и мнения, принадлежащие к широкой сфере политики.

Содержание понятия «поэтическое начало» / «poeticalness» отражает проявление одаренности конкретной личности в области определенной деятельности – в данном случае в сфере профессиональной политики – и вполне соотносится с концептом «драйв».

Поэтика

Поэтика (*греч*. ποιητική poietike – *поэтическое искусство*) занимается исследованием совокупности художественно-эстетических и когнитивно-стилистических средств и приемов, которые определяют своеобразие дискурсов литературы, включая исследования индивидуального стиля автора, а также артефактов кино, театра или иных видов художественного творчества. В отдаленные времена – от Аристотеля (IV в. до н.э.) до теоретика классицизма Н. Буало (XVII в.) – термином «поэтика» обозначалось учение о словесном искусстве в целом.

Можно согласиться с суждением, что «поэтика – это лингвистическое исследование поэтической функции вербальных сообщений в целом и поэзии в частности» [Якобсон 1973, с. 80]. В своей работе «Linguistics and Poetics» Р. Якобсон констатирует “Poetics deals primarily with the question, «What makes a verbal message a work of art? <…> Poetics deals with problems of verbal structure, just as the analysis of painting is concerned with pictorial structure. Since linguistics is the global science of verbal structure, poetics may be regarded as an integral part of linguistics» [Jacobson 1960, c. 350].

Поэтика исследует отдельные элементы художественного дискурса и поэтического артефакта, именно экспрессивный потенциал определенного слова или синтаксического строения предложения, роль симметрии, значимость музыкального начала, художественного повтора как ритмообразующего фактора в строении стихотворного

или прозаического текста и другие «мельчайшие» проявления литературной формы, существенные при анализе стихотворных жанров и дискурсов лирической прозы [Гаспаров 1987, с. 295–296].

Поэтика как наука о художественном использовании средств языка является компетенцией лингвистической стилистики, сегодня – в когнитивном ракурсе.

В контексте поэтики, или микропоэтики, анализ когнитивно-стилистических признаков поэтического драйва в политических дискурсах и иных типах текстов Д. Трампа является возможным и актуальным.

В центре внимания микропоэтики находится композиция – взаимная соотнесенность всех эстетически значимых элементов дискурса (композиция фоническая, метрическая, синтаксическая, лексико-семантическая, стилистическая, образно сюжетная и общая, их интегрирующая) в их функциональной взаимосвязи и взаимозависимости.

Поэтика в политическом дискурсе

Одну из примечательных заявок Д. Трампа на поэтический драйв можно обнаружить в его инаугурационной речи (20.01.2017), где фоническая и метрическая составляющие в первом предложении зачина передают характерный размеренный ритм марша [Шпетный 2019]:

' ' – ' – , ' – – ' – , ' – – ' – , ' – – ' , ' – – – ' – , ' – – ' – – ' – – – ' , ' –

TRUMP: Chief Justice Roberts, President Carter, President Clinton, President Bush, President Obama, fellow Americans and people of the world, thank you.

Следующее предложение подхватывает заданный ритм и развивает его:

' , – ' – – – – ' – – , – ' ' – – – ' ' – – ' – – – ' – ' – – – ' – ' – – ' – – ' –

(APPLAUSE) We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to rebuild our country and restore its promise for all of our people.

Похожую синтактико-ритмическая модель зачина можно встретить, например, в английской поэзии начала XVII века:

Since brass, nor stone, nor earth, nor boundless sea
But sad mortality o'ersways their power…

W. Shakespeare,
Sonnet LXY, 1609

– ˈ, – ˈ, – ˈ, – ˈ – ˈ
– ˈ – ˈ – – – ˈ – ˈ – …

Или в лирической поэзии эпохи итальянского Ренессанса XIV века:

La vita fugge, e non s'arresta una ora,
e la morte vien dietro a gran giornate,
e le cose presenti, e le passate
mi dànno Guerra, e l`aspettar ancora…

Francesco Petrarca,
Sonetto 272, 1374

– ˈ – ˈ – , – ˈ – ˈ – ˈ – ˈ – .
– – ˈ – ˈ – ˈ – – ˈ – ˈ – .
– – ˈ – – ˈ – , – – – ˈ –
– ˈ – – ˈ – , – – ˈ – – ˈ – …

В контексте поэтического драйва лексико-семантическое оформление обращения Д. Трампа к собравшимся на инаугурацию в завершающей части зачина представляется симптоматичным: …*and people of the world, thank you*. Как и в приводимых отрывках из сонетов, оно фиксирует вселенский взгляд носителя политико-поэтического восприятия мира.

А вот пример того, как концепт вселенскости находит сходное отражение в английском сонете:

Who will believe my verse in time to come,
If it were fill'd with your most high deserts?

W. Shakespeare,
Sonnet XVII, 1609

Многоразличный и разноуровневый повтор, ставящий целью эмоциональное усиление поэтически осмысленных концептов, является одним из основных стилистических ресурсов в дискурсе Д. Трампа. На лексическо-семантическом уровне это повтор слов и словосочетаний, обычно разнесенный во времени и в локации, например, повтор

сочетания *you're fired.* Д. Трамп так прокомментировал это изъявление в своей речи в г. Нови штата Мичиган 30.09.2016 «My two favorite words» [Sears 2017, с. 117]:

You're fired – *The Apprentice*, season 1 episode 1,
You're fired – *The Apprentice*, season 2 episode 1,
You're fired – *The Apprentice*, season 3 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 4 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 5 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 6 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 7 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 8 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 9 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 10 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 11 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 12 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 13 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 14 episode 1,
You're fired. – *The Apprentice*, season 15 episode 1.

(*The Apprentice* is an American reality television program that judges the business skills of a group of contestants. It has run in various formats across fifteen seasons since January 2004 on NBC with the most recent season having run in 2017).

Стилистически точной и экспрессивной оказывается заключительная реплика Д. Трампа об увольнении с должности директора ФБР, содержащая аллюзию на блокбастер «The Terminator»:

You are hereby terminated (*Letter firing James Comey, 9 May 2017*).

Особое место в лексических повторах, обычно в дискурсах твитов, занимают оценочные прилагательные и оценочные существительные. Они в значительной степени десемантизируются и приобретают по конверсии свойства междометий и восклицаний:

Bad! Beautiful! Dangerous! Fantastic! Good! Great! Nice! Outrageous! Sad! Shameful! Smart! Spectacular! Strong! Stupid! Terrible! Weak! Loser! Scandal!

Все лексические единицы неизменно сопровождаются знаками восклицания.

Лексико-семантическим и синтаксическим повторам нередко сопутствуют параллельные конструкции, причем с признаками ораторского дискурса[1], что является характерной особенностью инаугурационной речи Д. Трампа [The Inaugural Address URL]. Они придают высказыванию торжественность, ритмическую завершенность и композиционную стройность, свойственную и политическому дискурсу, и поэтичному тексту, например: *we will determine – we will confront – we will get*.

> Together *we will determine* the course of America and the world for many, many years to come. We will face challenges. *We will confront* hardships, but *we will get the job done*. Every four years *we gather* on these steps to carry out the orderly and peaceful transfer of power…[2]

Поэтический драйв продолжать нарастать еще более напористо:

> *America will start winning* again. *Winning* like never before. *We will bring back* our jobs. *We will bring back* our borders. *We will bring bac*k our wealth. And *we will bring back* our dreams. *We will build* new roads and highways and bridges and airports and tunnels and railways all across our wonderful nation. *We will get our people* off of welfare and back to work rebuilding our country with American hands and American labor. *We will follow* two simple rules: buy American and hire American. *We will seek* friendship and goodwill with the nations of the world, but we do so with the understanding that it is the right of all nations to put their own interests first.

Синтаксическая гармония параллелизма дополняется использованием стилистического приема антитезы:

> For too long, a small group in *our nation's capital has reaped* the rewards of government *while the people have born the cost*. *Washington flourished*, but *the people did not share* in its wealth. *Politicians prospered*, *but the jobs left and the factories closed*. *The establishment protected itself, but not the citizens of our country.* Their victories have not been your victories. Their triumphs have not been your triumphs and, while they celebrated in our nation's capital, there was little to celebrate for struggling families all across our land.

[1] Подробнее об этом см. нашу работу «Стилистические характеристики ораторского дискурса в диахронии» (Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 6 (717). С. 672–678; 2016. вып. 7 (746). С. 293–313.

[2] Здесь и далее в тексте выделено нами. – *К. Ш.*

Финальным аккордом звучит рефрен *we will make America great again*, который становится заставкой политического курса 45-го Президента США:

> Together we will make America strong again. We will make America wealthy again. We will make America proud again. We will make America safe again. And, yes, together, *we will make America great again*. Thank you. God bless you and god bless America. Thank you. God bless America.

Представляется, что здесь мы имеем дело с современной поэзией в прозе, или с ритмизированной прозой, так характерной для современной американской литературы, что можно наблюдать, в частности, в различных художественных дискурсах американского художественно-публицистического журнала «The New Yorker».

Рефрен современного музыкального молодежного драйва в приводимых ниже песенных дискурсах ритмически и тонально перекликается с рефреном *we will make America great again* у Д. Трампа:

It don't matter because it's enough
To be young and in love
To be young and in love

Lana Del Rey. Love[1]

I'll be your father
I'll be your mother
I'll be your lover
I'll be yours

Placebo. I'll be yours[2]

Широкое использование концептов «love» и «beauty» выдают в Д. Трампе эстета, для которого эти понятия и отражают его поэтический драйв. Он регулярно возвращается к ним в лирических повторах в не лишенной элемента любования в условной рубрике «Everybody

[1] Лана Дель Рей является одной из самых загадочных представительниц современной поп-музыки, и это позволило ей приобрести самую преданную своему кумиру аудиторию 2010-х гг.

[2] Плацебо (Placebo) – европейская рок-группа, созданная в Лондоне в 1994 г. вокалистом-гитаристом Брайаном Молко (Brian Molko) и бас-гитаристом Стефаном Олсда (Stefan Olsda).

loves me» (*интервью журналисту агентства CNN Андерсону Куперу / Anderson Cooper 8.07.2015*):

Tom Brady loves me (*Интервью для Bob Woodward и Robert Costas 8.04.2016*).
The people of New York, they love me (*Выступление перед избирателями в г. Lawrenceville, New Jersey, CSPAN, 20.05.2016*).
Upstate New York, I'm like the most popular person that's ever lived (*Интервью CNN, 21.02.2016*).
The bikers love me («*Washington This Week*», *CSPAN, 3.04.2020*).
You know who loves me? The Tea Party, the evangelicals (*CNN Tonight with Don Lemon*, *CNN, 30.09.2015*).
My children could not love me more if I spent fifteen times more time with them (*New York Magazine*, *13.12.2004*).
The vets love me (*Morning Joe*, *MSNBC, 24.07.2015*).
The African Americans love me (*Media Buzz*, *Fox News, 25.01.2016*).
The Asians love me (*First Look*, *MSNBC, 4.09.2015*).
Many Hispanics who love me (*America This Morning, ABC, 9.10.2015*).
Most conservatives love me (*Meet the Press, NBC, 24.01.201*6).
Society loves me (*Anderson Cooper 360 GOP Town Hall*, *CNN, 19.02.2016*).
You are going to love me (*Высказывание на Iowa State Fair по поводу его иммиграционной политики, 15.08.2015*).
Or I will spill the beans on your wife (*Твит с угрозой в адрес Теда Круза, 22.03.2016*).

Заключительным аккордом цепочки высказываний с концептом «love» является реплика Д. Трампа, в которой слово *love* эксплицитно не представлено: *Or I will spill the beans on your wife*, однако оно легко угадывается из контекста. Имплицитность и метафоризация при передаче концепта «love» являются очевидными признаками поэтического драйва.

Параллели в интерпретации концепта «love» в песенно-поэтических дискурсах современной рок-музыки Lana Del Rey и группы «Placebo» и в политическом дискурсе Д. Трампа прослеживаются явно.

Образно-сюжетная и интегрирующая функции композиции поэтического дискурса Д. Трампа становятся заметными при ознакомлении с содержанием книги известного американского публициста Харта Сили «Bard of the Deal: The Poetry of Donald Trump» [Seely 2015, c. vii]:

Forward
Trump State of Mind
The Whatever Force
The Horrible Ones
Women: Good and Bad
My Amigos and Other Foreigners
Merica
Acknowledgements
About the Editor

Концептосфера Д. Трампа представлена здесь достаточно ясно: биография, умонастроение, духовность, характер, привычки, женщины, родина, патриотизм.

Своего рода заставкой к концептосфере автора может послужить один из его ранних дискурсов (от 14 сентября 2015 г.), который позволяет выявить некий механизм его поэтического драйва:

It's depressing
You know, it's depressing.
Isn't it depressing?
You know, we're together.
We love each other.
But it`s like depressing,
If you think about it,
Because it doesn't end.
I could stand up here
All night long,
I could tell you stories.
They are all depressing.

[Seely 2015, c. VIII]

Фоническая и метрическая модель стихосложения в дискурсе *It's depressing* весьма напоминает схему драйва, которая реализована в инаугурационном дискурсе, – напористый нарастающий ритм движения, равномерное и последовательное распределение ударных и безударных слогов, лексико-семантический повтор – *depressing* (4 раза), повтор в обращении к слушающим (4 раза), повтор личных местоимений почти в каждой строке, использование знаков препинания. Особенно удачным представляется размещение концепта «depressing» по произведению (4 раза), который обрамляет дискурс

в целях актуализации категорий интеграции и завершенности текста [Гальперин 1981].

Концептосфера дискурса Д. Трампа включает целый ряд базовых понятий, среди них неизменно встречаются *God* и *Bible*:

Who has read the Art of the Deal?
Yeah! Most people, most everybody!
I joking say, but I mean it:
The Bible tops it, by a long way.

То же наблюдается и в концовке инаугурационного дискурса с рядом повторов:

God bless you and god bless America. Thank you. God bless America [Seely 2015, с. IX–X].

Достаточно широко представлены концепты «life» и «death»:

We're here. And we live our
sixty, seventy, or eighty years,
and we're gone.

You win, you win, and
in the end, it doesn't mean
a hell of a lot.

(Прив. по: [Seely 2015, с. 7])

But it is something to do.
Sad. Horrible Statement.
I hate to say it, but I say it,
You know, because it's true.
Life is what you do while you want to die.

[там же, с. X]

Регулярно встречаются дискурсы с концептами «love» и «vice»:

I was attacked viciously
By those women,
Of course, it's very hard for them
To attack me on looks,
Because I'm so good-looking.
But I was attacked very viciously
By those women.

(*Donald Trump, NBC's Meet the Press, August 9, 2015*)

В последнем примере (авторская композиция расположения строк сохранена) можно усмотреть некоторое сходство со стихами русских поэтов-авангардистов 20-х годов XX века (И. Г. Терентьев, В. В. Маяковский, К. А. Большаков).

Особое место в философско-политических дискурсах Д. Трампа отведено концепту «wall», что, во-первых, вызвано его курсом на охрану границы США в связи с незаконным проникновением на территорию страны иммигрантов с юга, во-вторых, направлено на создание эффекта каламбура, поскольку помимо своего первого значения слово и концепт «wall» содержит также переносное значение (написание и пунктуация автора сохранены):

If they build a wall
If there's a wall
in front of you,

You have to
go through it.

You can never
ever give up.

(*November 24, 2004. CNN Larry King Live.*
Прив. по: [Seely 2015, с. 9])

Этим философско-лирическим дискурсом Д. Трамп вступает в диалог со своим современником и известным американским поэтом XX века Робертом Фростом, который написал:

Before I built a wall I'd ask to know
What I was willing in or willing out.

Дональд Трамп откликнулся на эти строки следующими ритмическими строками:

We would make it very good looking
I would be as good as a wall's got to be.
(Прив. по: [Seely 2015, с. 10–11])

Использование метонимического сравнения *I would be as good as a wall's got to be* показывает, что данные строки, очевидно, принадлежат человеку, оперирующему категориями образного мышления, которые свойственны авторам поэтических дискурсов.

В статье одной из крупнейших издательских компаний в мире «Harper Collins Publishers LLC», опубликованной в английской газете, автор дает такую оценку поэтическому изъявлению 45-го президента США:

> Since the 1980s Trump has built his verses like his casinos, using only the highest quality words and phrases, regardless of cost. But until now, Trump's poetry – delivered spontaneously in moments of enduring clarity – has gone unnoticed making it the only aspect of Trump to be that way. On a regular basis, The Donald speaks, tweets and hollers his verses – always without the needless restrictions of political correctness and grammar … because among world-class poets, there don't be any grammar, there only be truth … big time (*The Guardian, 2 December 2015 / 22 February 2018*).

Заключительные слова в приведенной выше характеристике дискурсов Д. Трампа непосредственно относятся к дискурсам твита, который для президента является основной формой повседневного общения с окружающим миром по широкому спектру повестки дня жизни современной Америки и всего мира. Издательство «Harper-Collins Publishers LLC» отводит его творчеству место «среди поэтов мирового класса», не закрывая при этом, однако, глаза на некоторые особенности его языкового узуса на фоне правил нормативной грамматики литературного английского языка.

В дискурсе твита поэтический драйв Дональда Трампа проявляется, в частности, в постоянном употреблении различных эмоционально-усилительных средств, которые обычно сопровождают поэтический текст.

– восклицательных слов и предложений, как правило, с использованием восклицательного и вопросительного знаков препинания:

OIL (ENERGY) IS BACK!!!! (*18.05.2020*)
Big action to follow! (*27.05.2020*)
LAW & ORDER! (*4.06.2020*)
Why didn't the mainstream media blame them for "systemic" racism then? (*3.06.2020*);

Donald J. Trump
@realDonaldTrump

– превосходной степени прилагательных, чаще всего прилагательного *great*:

He is arguably the greatest president in our history (*28.05.2020*).
We built the greatest economy in the world – I'I do it a second time (*15.05.2020*);

– аллюзии:

Anarchists, we see you! (*2.06.2020*)
CHINA! (*29.05.2020*)
Obamagate! (*16.05.2020*)

– аллитерации:

decency, civility, safety, and security (*31.05.2020*);
Looting leads to shooting (*29.05.2020*);
lowlifes and losers (*4.06.2020*);

– ритмизированной строки:

We need more prayer, not less (*22.05.2020*).

Every time we sing our anthem, every time its rousing chorus swells our hearts with pride, we renew our eternal bonds of loyalty to our fallen heroes (*25.05.2020*).

My Administration will always stand against violence, mayhem, and disorder. We will stand with the family of George Floyd, with the peaceful protestors, and … who wants decency, civility, safety, and security. 31.05.2020; In the years ahead, America will go bigger, bolder, further, faster, and America will go first (*28.05.2020*).

D.C. had no problems last night. Many arrests. Great job done by all. Overwhelming force. Domination. Likewise, Minneapolis was great (thank you President Trump!) (*02.06.2020*).

Заключение

Анализ публичных выступлений 45-го президента США Дональда Джона Трампа (20.01.2017), его речей, заявлений, высказываний и комментариев и записей в «Твиттере», а также текстов образосодержащих сочинений в период 2015–2020 годов, показывает, что ему присуще личностное качество поэтического драйва, которое находит свое отражение в политических дискурсах как особой сферы реализации интеллектуальных и эмоционально экспрессивных способностей в человеке.

Изучение и выявление лингвистических признаков поэтического драйва в политических дискурсах Д. Трампа становится возможным в контексте когнитивно-стилистических исследований.

Проявления поэтического начала (poeticalness) в политических дискурсах Дональда Трампа находят свое подтверждение в их композиции – фонической, метрической, синтаксической, лексико-семантической, собственно стилистической, образно сюжетной и общей интегрирующей – в их функциональной взаимосвязи и взаимозависимости. Это подтверждает и анализ собственно поэтических дискурсов самого автора.

Дальнейшие изыскания в области поэтики Дональда Джона Трампа могут представлять интерес при сравнительном анализе литературно-художественных дискурсов современных американских авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Большой энциклопедический словарь. URL: bigslovar.ru. [Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. (The Greater Encyclopedia Dictionary). bigslovar.ru. (In Russ.)].

Большой энциклопедический словарь // Словари онлайн. 2000. URL: rus-big-enc-dict.slovaronline.com [Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. (The Greater Encyclopedia Dictionary). Slovari onlajn. 2000. rus-big-enc-dict.slovaronline.com. (In Russ.)].

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Акад. наук СССР, 1963. [Vinogradov, V. V. (1963). *Stilistika. Teoriya poeticheskoj rechi. Poetika.* (Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics). Moscow: Akademia nauk SSSR. (In Russ.)].

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / Академия наук СССР. Институт языкознания. М.: Наука, 1981. [Gal'perin, I. R. (1981). *Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. (Text as the object of linguistic research). Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Гаспаров М. Л. Поэтика // Литературный энциклопедический словарь (ЛЭС) / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева, 1987. URL: http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/index.htm. [Gasparov, M. L. (1987). Poetika. (Poetics). In Kozhevnikova, V. M., Nikolaeva, P. A. (eds.), Literaturnyj enciklopedicheskij slovar' (LES). http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/index.htm (In Russ.)].

Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. [Golovin, S. Yu. (1998). Slovar' prakticheskogo psihologa. (Dictionary of Practicing Psychologist). Minsk: Harvest. (In Russ.)].

Константинова С. Л. Русский поэтический авангард XX века: учебно-методическое пособие к спецкурсу. Псков: ПГПУ, 2007. [Konstantinova, S. L. (2007). Russkij poeticheskij avangard XX veka. (Russian Poetic Vanguard of the XXth century). Manual for the Special Course. Pskov: PGPU. (In Russ.)].

Шпетный К. И. Когнитивные и лингвостилистические параметры инаугурационного дискурса Президентов США Дональда Джона Трампа и Джона Фитцджеральда Кеннеди // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 370–382. [Shpetny, K. I. (2019). Cognitive and linguostylistic parameters of the Inauguration discourse of the USA Presidents Donald John Trump and John Fitzgerald Kennedy. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3*(819), 370–382. (In Russ.)].

Шпетный К. И. Стилистические характеристики ораторского дискурса в диахронии. Часть I // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 6 (717). С. 672–689. [Shpetny, K. I. (2015).Stylistic features of the oratory discourse in diachrony. Part I. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 6*(717), 672–689. (In Russ.)].

Шпетный К. И. Стилистические характеристики ораторского дискурса в диахронии. Часть II // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 7 (746). С. 296–313. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/746-7n.pdf. [Shpetny, K. I. (2016). Linguostylistic features of oratory discourse in diachrony. Part II. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 7*(746), 296–313. http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/746-7n.pdf (In Russ.)].

Якобсон Р. Вопросы поэтики. Постскриптум к одноименной книге // Якобсон Роман. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1973. С. 80–98. [Yakobson, R. (1973). Voprosy poetiki. Postskriptum k odnoimennoj knige. In Yakobson, R. *Raboty po poetike* (pp. 80–98). Moscow: Progress. (In Russ.)].

Jacobson R. Linguistics and Poetics // Style in Language / ed. by Th. A. Sebeok. Originally presented at a conference on style held at Indiana University in the spring of 1958, then revised and published. Cambridge (Mass.) – London – New York: Technology Press, 1960. Pp. 350–377.

Sears R. The beautiful poetry of Donald Trump. Created by Bob Sears. Edinburgh: Canongate Books Ltd., 2017.

Seely H. Bard of the Deal: The Poetry of Donald Trump. New York – London – Toronto – Sydney: Harper, 2015.

УДК 81'33

Р. К. Потапова, А. В. Джунковский

Потапова Р. К., доктор филологических наук, профессор,
действительный член Международной академии информатизации,
заведующая кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики,
директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: rkpotapova@yandex.ru

Джунковский А. В., младший научный сотрудник кафедры прикладной
и экспериментальной лингвистик Института прикладной и математической
лингвистики Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: Vetinari01@gmail.com

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРЦЕПТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИКОДОВОЙ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ[1]

В статье рассматривается опыт проведения перцептивного эксперимента на основе глубинно аннотированной мультимодальной поликодовой базы данных интернет-сообщений на русском языке. В ходе эксперимента были отобраны короткие фрагменты видеороликов, в которых испытуемые могли наблюдать взаимодействие нескольких коммуникантов с учетом экстра- и паралингвистических аспектов коммуникации. В ходе эксперимента последовательно исследовалось восприятие испытуемыми стимульного материала в условиях «только аудио», «только видео» и «аудио и видео». Методика эксперимента может способствовать выявлению особенностей восприятия испытуемыми информации при использовании различных каналов ее передачи и при их комбинациях.

Ключевые слова: глубинное аннотирование; поликодовость; мультимодальность; экспериментальная лингвистика; перцептивный эксперимент.

R. K. Potapova, A. V. Dzhunkovskiy

Potapova R. K., Sc.D., Prof., Full Member of the International
Informatization Academy, Head of Department of Applied and Experimental
Linguistics, Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: rkpotapova@yandex.ru

[1] Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект №18-18-00477.

CC BY

Dzhunkovskiy A. V., Junior Researcher, Department of Applied
and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: Vetinari01@gmail.com

ON CONDUCTING A PERCEPTUAL EXPERIMENT BASED ON POLYCODE MULTIMODAL DATABASE

In this paper we describe our perceptual experiment undertaken on the basis of a deep-annotated, polycode multimodal database of Russian Internet-messages. While conducting the experiment, we have chosen a number of short video sections which featured interactions of multiple interlocutors with the inclusion of extra- and paralinguistic aspects of communication. During the experiment the participants were successively asked to acquaint themselves with the stimulus material in "audio only", "video only" and combined "audio and video" modes. The experiment method may prove to be useful in order to study the peculiarities of participant information perception when dealing with different information modalities and combinations of information transmission channels.

Key words: deep annotation; polycode; multimodal; experimental linguistics, perceptual experiment.

Введение

В рамках гранта РФФИ № 18-18-00476 «Фундаментальное междисциплинарное исследование воздействия агрессивной среды Интернета в условиях мультимодальной поликодовой коммуникации в социальных сетях на трансформацию психофизиологических и когнитивных характеристик личности пользователей сети Интернет (применительно к молодежному контингенту)» мы создали мультимодальную поликодовую аннотированную базу данных русскоязычного интернет-контента [Потапова, Потапов, Джунковский 2019; Потапова, Потапов 2019].

Следующим логическим этапом было выявление того, как собранный стимульный материал воспринимается молодыми пользователями Интернета. Наиболее многообещающим способом выполнения этой задачи было проведение перцептивного эксперимента на основе выборки аннотированного материала [Potapova et al. 2019].

Метод проведения эксперимента основан на предыдущих разработках в сфере квантитативного анализа [Потапова 2010] и может быть использован в сфере Big Data, что было продемонстрировано в ходе создания, обработки и аннотирования базы данных [Потапова, Потапов, Джунковский 2019].

По своей сути, проведенный эксперимент был направлен на выявление перцептивных особенностей испытуемых применительно к материалам социальных сетей в русскоязычном сегменте. Были взяты видеоролики, из которых был извлечен фрагмент продолжительностью в одну минуту, на котором происходила поликодовая мультимодальная коммуникация.

Испытуемым была представлена возможность прослушать аудиосигнал взятого отрывка без видеосигнала, просмотреть видеосигнал без аудиосигнала и, наконец, ознакомиться с отрывком с видео- и аудиосигналами.

Испытуемые должны были заполнить анкету после каждого этапа ознакомления с отрывком. Идентичность анкет при вариации стимульного материала, согласно нашей гипотезе, позволила выделить особенности перцепции испытуемых при представлении идентичного информационного сообщения в трех разных комбинациях модальностей. Подход позволяет по результатам анализа экспериментальных данных сделать выводы о различиях в отношении к стимульному материалу испытуемых в зависимости от того, по каким каналам передачи информации он воспринимается.

Методика и процедура исследования

В ходе эксперимента испытуемым было предложено три анкеты.

АНКЕТА

Исполнитель:

Ф.И.О_____

Год рождения_____

Национальность_____

Образование_____

Группа_____

Задания

I.1. Прослушать предъявляемый Вам фрагмент дискурса из Интернета (3 раза).

I.2. Определить и подчеркнуть: монолог, диалог, трилог, полилог:

А) Число участников;

Продолжение анкеты

Б) Гендерное распределение коммуникантов:
М Ж (ММ, МЖ, ММ, МММ и др.)

В) Приблизительный возраст:
15-18 18-25 25-35 35-45 45-55 55-70 др.

Г) Общую эмоциональную окраску (тональность) коммуникации:
позитивная негативная нейтральная

Д) Ваше отношение к предъявляемому материалу:
Симпатия антипатия эмпатия

Е) Какие эмоции вызывает у Вас предъявляемый материал:

восторг	раздражение	удовольствие
радость	недовольство	сопереживание
ликование	возмущение	другое:_____
	ненависть	

Ж) Охарактеризуйте Ваше понимание смысла коммуникации:
Призыв к активным действиям Побуждение к положительному настрою
Безразличие Побуждение к отрицательному настрою

I.3. Определить ситуацию, в которой происходит действие:
митинг дискуссия собрание личная жизнь другое: _____

А) Определить сопроводительный фон:
музыка шум (метро, поезда, автомобиля, крики) другое: _____

Б) Воображаемая Вами одежда коммуникантов:
модная повседневная хип-хоп неряшливая другое: _____

В) Стиль общения:
спокойный доброжелательный нейтральный
недоброжелательный агрессивный другое:_____

Г) Предполагаемое Вами невербальное сопровождение:
Общая моторика:
активная средняя пассивная

Продолжение анкеты

Жестика:
активная (пояснить: руки, корпус, ноги, голова) пассивная

Мимика:
глаза, рот, брови, уголки рта, нос, щеки другое:_____

Проксемика:
На расстоянии друг от друга близко друг к другу касаясь друг друга

II.1. Виды речевого общения:

- устная речь;
- письменная речь;
- произносительная норма;
- просторечие;
- диалектальная окраска;
- молодежный слэнг;
- профессиональное арго;
- обращенная речь.

II.2. Наличие графического материала:

- письменный текст;
- объявление;
- комментарии;
- пояснения;
- иллюстрации;
- реклама.

II.3. Наличие художественных вставок:

- портрет;
- картина;
- фрагмент фильма;
- лозунг;
- реклама.

II.4. Наличие музыкального фона:

- стиль современной музыки (джаз, рэп и т.д.);
- классика;
- в сопровождении вокала;
- вокализ;
- хоровое пение;
- другое:_____

Продолжение анкеты

II.5. Паравербалика (интонационно-просодические особенности, тембральные особенности):

- интонационная вариативность;
- эмфаза;
- логически размеренная речь;
- просодически маркированная речь (ударение, ритм, широкий-узкий диапазон голоса, высокий / средний / низкий регистр голоса / другое:_____);
- дефекты речи (картавость / заикание / ротацизм / афония / другое: _____);

II.6. Дополнительные наблюдения:

Испытуемые перед началом эксперимента получили три анкеты, по одной на этап аудиовосприятия, видеовосприятия и комплексного аудиовизуального восприятия стимульного материала.

В ходе эксперимента испытуемые должны были проанализировать стимульный материал и ответить на ряд вопросов. В анкетах содержались задания по определению особенностей ситуации общения, отношения испытуемых к материалу, а также количества и состава коммуникантов. В частности, испытуемые должны были сообщить в анкетах предполагаемое число участников коммуникации, их гендерное и возрастное распределение; определить, в какой ситуации происходит общение, какие посторонние звуки наблюдаются в сообщении, как одеты коммуниканты, каков их стиль общения, наблюдаются ли паралингвистические и экстралингвистические проявления коммуникации, в частности наблюдается ли проявления моторики, жестики, мимики, проксемики; содержится ли в общении графический материал, художественные вставки, музыкальный фон.

Кроме того, наши испытуемые должны были эксплицировать свое отношение к стимульному материалу: каков смысл коммуникации, какова его эмоциональная окраска, какие эмоции он вызывает, а также каково их отношение к стимульному материалу. Предварительно отметим, что наблюдались существенные различия при анализе

модальностей аудио-, видео- и аудио- и видеоматериалов на том же анализируемом сообщении у тех же самых испытуемых, что подтверждает важность проводимого исследования.

Стимульный материал

В качестве стимульного материала испытуемым предлагался фрагмент видеозаписи длинной в 60 секунд, на которой было запечатлено празднование Нового года в большой семье. В видео фигурировали четверо взрослых и трое детей. Данное видео использовалось в изначальной форме, в режиме «без звука», а также в режиме «без изображения».

Группа испытуемых

В качестве испытуемых выступали группы студентов лингвистических специальностей. Одновременно стимульный материал демонстрировался группам численностью не более 15 человек. Возраст испытуемых колебался от 17 до 23 лет. В группах наблюдался незначительный перевес числа женщин над мужчинами (соотношение 4:3).

Процедура эксперимента

Участники эксперимента приглашались в лабораторию и получали три распечатанные анкеты. Испытуемым отводилось пять минут на заполнение персональных данных и ознакомление с анкетой перед каждой третью эксперимента. Перед началом ведущий осведомлялся у группы испытуемых об их готовности. Для демонстрации стимульного материала использовался широкоформатный телевизионный экран, подсоединенный к компьютеру, за которым находился ведущий. В распоряжении ведущего также был второй монитор, изображение на котором не могли видеть испытуемые.

На первом этапе эксперимента испытуемые воспринимали только звуковую информацию. Выключался телевизионный экран и включался звук, после чего начиналось воспроизведение видеофайла. После трехкратного аудиовосприятия информации испытуемым отводилось 5 минут на заполнение первой анкеты.

На втором этапе испытуемым вновь предоставлялось время на заполнение персональных данных и ознакомление со второй анкетой. На данном этапе испытуемые должны были воспринять только визуальную информацию, что достигалось тем, что на компьютере

выключался звук, но включался телевизионный экран. После трехкратного визуального восприятия информации испытуемым отводилось 5 минут на заполнение второй анкеты.

На последнем этапе эксперимента повторялся предварительный этап: испытуемые вновь читали анкету и заполняли персональные данные. После сигнала о готовности, они три раз воспринимали отрезок видеоролика в неизмененном варианте с информацией, передаваемой по звуковому и визуальному каналу одновременно.

Заключение

Описанный эксперимент продолжается, но уже на предварительном этапе он показал, что восприятие стимульного материала испытуемыми значительно отличается. Кроме ожидаемых различий в оценке испытуемыми возраста и числа коммуникантов на видео, предварительный анализ материала позволяет говорить о том, что те же самые испытуемые дают различную эмоциональную оценку материалу, полученному по звуковому и визуальному каналу [Potapova, Potapov 2017].

Использование описанного перцептивного эксперимента по выявлению влияния аннотированного поликодового мультимодального интернет-контента на русском языке позволяет получить большой объем данных. Эти квантитативные данные в ходе математической и статистической обработки позволят сделать конкретные выводы о том, как молодые пользователи Интернета воспринимают поликодовую мультимодальную информацию в Сети [Potapova, Potapov 2016].

Тем не менее на данном этапе преждевременно говорить о результатах. Вместо этого необходимо констатировать, что предлагаемый метод проведения перцептивного эксперимента уже сейчас позволяет получить квантитативные данные об особенностях восприятия интернет-контента. Необходимо продолжить проведение эксперимента на дополнительных группах с целью увеличения результирующей выборки испытуемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М. : Изд-во УРСС, 2010. [Potapova, R. K. (2010). *Rech': kommunikacija, informacija, kibernetika* (Speech: Communcation, Information, Cybernetics). Moscow: URSS. (In Russ.)].

Потапова Р. К., Потапов В. В. О глубинно-параметрическом методе аннотирования для базы данных русскоязычного поликодового социально-сетевого дискурса : материалы VI Междунар. конгр. исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. [Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2019) O glubinno-parametricheskom metode anno-tirovanija dlja bazy dannyh russkojazychnogo polikodovogo social'no-setevogo diskursa (On deep parametric polycode Russian social network discourse annotation method for databases). In *Russian language: Historic fates in modern world*: 6th International Conference of Russian Language Scholars. Moscow: MSU. (In Russ.)].

Потапова Р. К., Потапов В. В., Джунковский А. В. К опыту глубинного аннотирования поликодовых Интернет Big Data (применительно к Digital Humanities) // Мягкий измерения и вычисления. 2019. № 9 (22). С. 40–43. [Potapova, R. K., Potapov, V. V., Dzhunokvskiy, A. V. (2019). On deep annotation of polycode Internet Big Data (in relation to Digital Humanities). In: *Soft dimensions and calculations, 9*(22), 40–43. (In Russ.)].

Потапова Р. К., Потапов В. В., Джунковский А. В. О новом методе формирования и аннотирования поликодового корпуса данных применительно к социальным сетям Интернета // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 7 (823). С. 134–145. [Potapova, R. K., Potapov, V. V., Dzhunokvskiy, A. V. (2019). On a new method of formation and annotation of polycoda data corpora in relation to Internet social networks. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7*(823), 134–145. (In Russ.)].

Potapova R. et al. Some peculiarities of internet multimodal polycode corpora annotation / R. Potapova, V. Potapov, L. Komalova, A. Dzhunkovskiy // Lecture Notes in Computer Science. 2019. Vol. 11658. P. 392–400.

Potapova R., Potapov V. Human as acmeologic entity in social network discourse (multidimensional approach) // A. Karpov, R. Potapova, I. Mporas (eds.). SPECOM 2017. LNAI. Cham : Springer, 2017. Vol. 10458. P. 407–416.

Potapova R., Potapov V. Polybasic attribution of social network discourse // A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh (eds.). SPECOM 2016. LNCS. Heidelberg: Springer, 2016. Vol. 9811. P. 539–546.

УДК 81'33

М. А. Жданович

аспирант кафедры информатики и прикладной лингвистики
Минского государственного лингвистического университета;
e-mail: zma@tut.by

КРИТЕРИИ ОТБОРА ТЕКСТОВ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОРПУСА ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

В статье предпринята попытка упорядочения терминологии предметной области «информационные технологии». Приводится подробное описание критериев для обоснования отбора различных видов источников, которые максимально полно отражают совокупность текстов, с целью выделения и инвентаризации английских терминов выбранной предметной области. Представленная выборочная совокупность текстов является аутентичной, многонациональной, информативной и с четко очерченной тематической принадлежностью.

Ключевые слова: терминология; термин; упорядочение терминологии; выборочная совокупность текстов; корпус текстов.

M. A. Zhdanovich

Postgraduate student, Department of Informatics and Applied Linguistics,
Minsk State Linguistic University; e-mail: zma@tut.by

TEXT SELECTION CRITERIA TO CREATE AN ELECTRONIC ENGLISH CORPUS FOR INFORMATION TECHNOLOGIES

This article is devoted to the problem of terminology ordering in the field of Information Technology. The paper provides a detailed description of the criteria to justify the selection of various types of sources, reflecting the totality of texts as fully as possible, in order to extract and to make inventory of English terms of the selected subject area. The presented sample of texts is authentic, multinational, informative and with a clearly defined thematic affiliation.

Key words: terminology; term; regulation of terminology; sample collection of texts; corpus of texts.

Введение

В современном мире возможность оперативного доступа к разноплановой информации во всех сферах деятельности дает толчок к развитию науки и техники, что сопровождается возникновением новых терминов. Следовательно, существует постоянная необходимость

CC BY

в упорядочении терминологии для сохранения эффективного сотрудничества специалистов разных предметных областей.

К проблеме упорядочения терминологии

Наряду с термином «упорядочение» в лингвистике также используются термины «инвентаризация», «унификация», «стандартизация», «систематизация». Среди лингвистов нет единой точки зрения относительно разграничения указанных терминов. Например, А. С. Герд полагает, что конечной стадией работы над терминологией является ее стандартизация, для реализации которой термины должны быть первоначально систематизированы. Далее следует создание логико-понятийной модели, на основе которой осуществляется унификация терминов и создание списка кандидатов в стандартные термины. В результате завершающего этапа стандартизации каждому понятию предметной области должен соответствовать один, иногда два термина, которые закрепляются в государственном или отраслевом стандарте [Герд 2005].

Как полагает Л. Н. Беляева, упорядочение заключается в привидении терминов к единообразию, в результате чего вырабатывается система понятий [Лексикографический потенциал современных лингвистических технологий 2014]. За упорядочением следует унификация, под которой подразумевается систематизация не только на понятийном или логическом, но и на содержательном и лингвистическом уровнях [Даниленко, Скворцова 1981]. При унификации внимание уделяется отбору так называемых идеальных терминов и устранению недостатков терминологий, таких как омонимия, полисемия, синонимия, стилистическая окрашенность [Гринев-Гриневич 2008], после чего может следовать стандартизация.

Г. В. Демидова придерживается иной точки зрения и считает, что унификация является обобщающим понятием и включает в себя упорядочение, стандартизацию, гармонизацию и терминологическое редактирование. По мнению автора, «упорядочение терминов реализуется в форме сборников рекомендуемых терминов» [Демидова 2015, с. 252], следовательно, включает систематизацию терминологии на понятийном, содержательном и лингвистическом уровнях.

В проводимом исследовании мы будем придерживаться точки зрения С. В. Гринев-Гриневича, согласно которой терминологическая

работа должна начинаться с инвентаризации, под которой понимается установление границ предметной области, отбор источников, лексикографическая обработка и описание терминов. Инвентаризация может быть как самостоятельным видом работы, так и подготовкой к упорядочению. Упорядочение терминологии включает в себя несколько этапов. Первый этап предполагает систематизацию понятий, за которой следуют анализ терминологии и ее нормализация, разделяемая на унификацию (упорядочение содержания термина) и оптимизацию (выбор оптимальной формы термина). Следующий этап С. В. Гринев-Гриневич называет кодификацией, результаты которой представляются в виде словарей, стандартов или списков рекомендуемых терминов. Работа по упорядочению терминологии завершается гармонизацией, или межъязыковым упорядочением, под которым подразумевается системное сопоставление терминологий нескольких языков [Гринев-Гриневич 2008].

В рамках проводимого исследования мы планируем акцентировать внимание на инвентаризации и частично на упорядочении терминов предметной области информационных технологий (ИТ) на современном этапе ее развития. Анализ проведенных ранее диссертационных исследований позволил выделить несколько способов решения задачи упорядочения терминологии, а именно: моделирование терминологии (лексикографическое, категориальное, тезаурусное, когнитивное, метафорическое) и создание терминологических продуктов (глоссарий, учебный словарь, терминологический словарь, тезаурус, идеографический словарь, терминологическая база данных и т. д.). Нами были взяты диссертации, в которых исследования проводились на материале таких предметных областей, как экологический аудит, пирология, грамматическая терминология, юриспруденция, экономика и т. д. Анализ диссертационных работ показал, что исследования по упорядочению английской терминологии сферы ИТ не проводились. А. А. Молнар в своей диссертации анализирует терминосистему ИТ на материале французского языка, но акцентирует внимание на терминообразовании [Молнар 2012]. Следовательно, нами не обнаружено исследований в области понятийной систематизации английской терминологии ИТ. Этот факт являлся одним из определяющих при выборе предметной области ИТ для решения задачи упорядочения терминологии. Кроме того, ИТ представляют собой динамично

развивающуюся профессиональную сферу. Многочисленные разработки и внедрения специалистов данной области приводят к появлению новых понятий, требующих номинации. В связи с этим данная сфера характеризуется подвижностью лексики. Следовательно, регулярно возникает необходимость в упорядочении и систематизации понятийно-терминологического аппарата предметной области ИТ. В качестве способов упорядочения терминологии мы выбрали создание глоссария терминов и разработку тезаурусной модели терминологии.

Критерии отбора материала для исследования

Для достижения поставленной цели прежде всего необходимо решить проблему отбора материала для последующего выделения английских терминов выбранной предметной области. Выбор английского языка в качестве рабочего определяется тем фактом, что на нем общается международное профессиональное сообщество и многие внедрения в сфере ИТ осуществляются в англоязычных странах, поэтому большинство работ публикуется именно на этом языке. Кроме того, такой подход позволяет учитывать и реализовывать на практике стремление к интернациональности терминологий.

Предметная область ИТ является достаточно обширной, так как результаты работы специалистов ИТ могут быть применены в самых разнообразных сферах деятельности. В связи с этим существует огромное количество источников, отражающих терминологию ИТ. Необходимо учитывать, что в рамках лингвистического исследования не представляется возможным охватить все виды источников. Например, только на популярной научной платформе ScienceDirect за 2018 год было обнаружено 148 853 источника, связанных со сферой ИТ. Таким образом, речь не идет о генеральной совокупности текстов, под которой в статистической лингвистике понимаются все тексты предметной области [Кантышева 2011], а только о выборочной совокупности. Следовательно, наша задача на этом этапе исследования заключается в отборе источников и доказательстве представительности и надежности полученной выборки текстов. При проведении исследования нужно учитывать, что выборочная совокупность по своей структуре должна быть идентична генеральной, и немаловажным критерием в определении надежности материала является объем

выборки, так как чем больше источников подвергается обработке, тем качественнее получится конечный результат. Кроме указанных выше двух критериев, признанных многими лингвистами [Гринев-Гриневич 2008; Кантышева 2011], целесообразным представляется предложить еще несколько требований к отбору текстов для проведения исследования, а именно:

1) четкое соответствие отражаемой в текстах информации исследуемой предметной области. Данное требование акцентирует внимание на том, что ИТ функционируют на стыке различных наук и следует отбирать те источники, которые затрагивают именно сферу ИТ;

2) интернациональность, которая подразумевает, что исследуемая нами область многонациональна. Во многих странах ведутся разработки в выбранной сфере деятельности и внедряются новые технологии, поэтому нет необходимости отбирать материалы, авторами которых являются носители английского языка или представителями одной компании. В связи с этим нами не рассматривались научные журналы, в которых публикуются результаты исследований, проводимых в одном университете или в одной стране;

3) аутентичность первоисточников и исключение переводных статей;

4) информативность, которая предполагает, что текст содержит новые сведения для потенциального читателя, а также отображает авторскую концепцию. Чтобы конечная выборка текстов соответствовала указанному критерию, нами отбирались только современные тексты, отражающие состояние ИТ за последние несколько лет;

5) высокий импакт-фактор, величина которого определяется посредством соотношения количества цитирований к количеству опубликованных статей за определенный период. Таким образом, данная величина отражает уровень и качество журнала, а также содержащиеся в нем материалы.

В качестве возможных источников для отбора терминов принято выделять следующие их виды [Кантышева 2011; Саморукова 2001; Софронова 2013]: терминологические словари, стандарты, сборники рекомендуемых терминов, энциклопедии, рефераты и аннотации, учебные материалы, справочники, монографии, научные статьи, научно-популярные издания и т. д. Н. Г. Кантышева в своем исследовании придерживается разграничения источников на тексты

теоретического характера и «практические» тексты [Кантышева 2011]. К первым относятся стандарты, законы, нормативно-правовые акты и т. п., ко вторым – статьи ученых, профессиональные отраслевые журналы, статьи специализированных интернет-сайтов и т. д. Таким образом, стремление к созданию выборочной совокупности текстов, приближенной к генеральной совокупности, определил выбор следующих источников для отбора терминологии с целью ее упорядочения:

1) стандарт «Информационные технологии»: ISO/IEC 2382:2015 (3260 терминов, не включая синонимы) [Information technology. Vocabulary: ISO/IEC 2382:2015(en) URL], основанный на нем российский стандарт ГОСТ 33707–2016 (1614 терминов) [Информационные технологии. Словарь: ГОСТ ИСО 33707–2016 URL], и действующий на территории Республики Беларусь стандарт ГОСТ ИСО/МЭК 2382–1–99 (192 термина) [Информационная технология. Словарь. Часть 1. Основные термины: ГОСТ ИСО/МЭК 2382–1–99 2000];

2) руководства по эксплуатации новейшего программного обеспечения компании «Microsoft» [Office 365 Training Center URL];

3) англоязычные журналы научных статей по выбранной предметной области, которые отражают ее различные аспекты:

- «Journal of Information Technology» (Великобритания, IF – 4.435) [Journal of Information Technology URL];
- «Information and Software Technology» (Канада и др., IF – 2.921) [Information and Software Technology URL];
- «Future Generation Computer Systems» (Нидерланды и др., IF – 5.768) [Future Generation Computer Systems URL].

Отобранные стандарты относятся к источникам теоретического характера и выполняют нормативную функцию. Мы считаем целесообразным включение всего списка терминов стандарта ISO в конечный терминологический глоссарий, так как над его созданием трудилась многочисленная группа специалистов и он максимально полно отражал сферу ИТ на момент выхода стандарта (2015). Стандарты РФ и РБ были отобраны нами для анализа и сравнения с их первоисточником. Значительное сокращение терминов в стандарте РФ возможно объяснить следующими фактами:

1) несоответствие терминов принципам, выдвигаемым российскими терминологами (принцип прозрачности, последовательности,

адекватности, лингвистической экономии, выводимости и сочлененности, лингвистической корректности и предпочтения родного языка [Терминологическая работа. Принципы и методы : ГОСТ Р ИСО 704–2010 2012, с. 33]);

2) отсутствие выражаемых терминами понятий в сфере ИТ в РФ: некоторые, возможно, устарели, а некоторые еще не освоены;

3) расхождение в понимании области ИТ и, следовательно, расхождение в структуре модели терминологии ИТ.

В качестве примера можно привести термин «after-image», или «послеобраз», который включен в стандарт ISO 2015, но не отражен в ГОСТ РФ, поскольку относится главным образом к психологии как смежной предметной области и не был включен в терминологию ИТ в России. Еще одним примером является терминологическое словосочетание (ТС) «access control field», зафиксированное в ISO 2015, но не обнаруженное в ГОСТе РФ, а также не найденное даже на англоязычных сайтах, что ставит под сомнение наличие данного ТС в терминологии ИТ. Возможно, оно устарело, так как его источником является стандарт 1992 года. Следует отметить, что в ГОСТе РФ отсутствуют «access control list» и синонимичные ему термины. В процессе анализа не было выявлено объективных причин исключения данного ТС из списка, поскольку его эквивалент широко используется на русскоязычных сайтах.

В стандарте РБ зафиксированы только ключевые термины ИТ, следовательно, его информативная значимость невысокая. Кроме того, данный стандарт вышел в 2000 году, т. е. в его основе лежит стандарт ISO, который вышел в 1999 году. Таким образом, в стандарте РБ отсутствуют термины, вошедшие в терминологию ИТ за последние 20 лет. В целом необходимо заметить, что «теоретические» источники относятся к сфере фиксации терминологии и не отражают нововведения любой профессиональной области, особенно быстроразвивающейся сферы ИТ.

Руководства по эксплуатации и журналы научных статей относятся к «практическим» текстам. Преобладание «практических» источников в отобранном материале связано в первую очередь с тем, что в таких текстах содержится актуальная на сегодняшний день терминология рассматриваемой предметной области, что позволит изучить современное состояние сферы ИТ. Руководства компании «Microsoft», а именно: инструкции по использованию программных

продуктов Access, Excel, OneDrive, PowerPoint и Word, представляют собой материалы специализированного сайта. Выбор данной компании обусловлен тем фактом, что она является всемирно известной и не сконцентрирована на производстве одного определенного программного обеспечения. Указанные продукты отражают такие функции ИТ как хранение, обработка, передача и получение различного рода данных. Недостатком руководств в качестве источников терминов является высокая частотность использования общеупотребительных слов. Например, созданный список ключевых слов содержит лексическую единицу *case*. Данное слово является термином ИТ, так как содержится в специализированном словаре, но в ходе анализа его контекстной реализации в выбранных текстах не выявлено ни одного случая, где указанное слово было бы употреблено в качестве термина. В целом в руководствах компании «Microsoft» насчитывается 73 152 словоупотребления [Office 365 Training Center URL].

«Практическими» источниками также являются журналы научных статей сферы ИТ. Поскольку исследуемая область является одной из самых прогрессирующих на данном этапе развития общества, проводился отбор текстов, наиболее полно отражающих существующие нововведения. Для решения данной задачи были установлены временные рамки с 2016 по 2019 год, в пределах которых опубликованы отобранные для исследования тексты по ИТ. Указанные временные рамки позволили подобрать для дальнейшей статистической обработки современные тексты, содержащие наиболее поздние по времени вхождения в терминологию и широко распространенные термины. Начальным годом был выбран именно 2016 год, поскольку в 2015 году вышел стандарт ISO «Information Technology». Представляется целесообразным отобрать именно научные журналы, так как в научно-популярных изданиях присутствует значительное количество общеупотребительных слов и конструкций, которые в процессе статистической обработки текста будут включены в список ключевых слов в связи с высокой частотой употребления. По этой же причине в выборочную совокупность не вошли редакционные статьи, публикуемые в научных журналах. Более того, у каждого отдельного автора наблюдается склонность к использованию свойственной ему лексики, поэтому для более качественного отбора материла представляется необходимым рассматривать тексты разных авторов, чтобы избежать

попадания в глоссарий только авторских терминов. В таблице 1 представлена общая количественная характеристика научных текстов, отобранных из указанных журналов.

Как видно из таблицы, наименьшими количественными показателями характеризуется журнал «Journal of Information Technology & Software Engineering». Его редакционная коллегия представлена преподавателями университетов Румынии, США, Австралии, Канады, Индии, Франции и др., деятельность которых направлена на публикацию наиболее интересных исследований в ИТ и разработке программного обеспечения, в частности.

Журнал «Information and Software Technology» также является многонациональным (Канада, США, Бразилия, Великобритания, Швеция, Нидерланды и т. д.). В нем публикуется информация о способах модернизации процесса разработки программного обеспечения.

Наиболее существенным в количественном отношении является журнал «Future Generation Computer Systems». Кроме того, в нем рассматривается широкий круг вопросов: обработка и анализ больших баз данных, системы баз данных, протоколы и стандарты, безопасность, разработка алгоритмов и программ, сети, облачные вычисления, интернет вещей и т. д. Редакторский коллектив включает представителей Нидерландов, Сингапура, Швеции, США, Великобритании, Польши, России и т. д.

Таблица 1

Общая характеристика отобранных текстов научных статей по ИТ

Название журнала / Характеристика	Journal of Information Technology	Information and Software Technology	Future Generation Computer Systems
Импакт-фактор	4,435	3,256	5,768
Кол-во статей	70	555	1804
Кол-во абзацев	211	3635	5602
Кол-во словоупотреблений	15307	149510	400590

Для создания корпуса текстов было принято решение отбирать только названия статей, их аннотации и списки ключевых слов, что позволило повысить концентрацию терминов в создаваемом корпусе, снижая вероятность вхождения в алфавитно-частотные словари общеупотребительных слов. Необходимо отметить, что в зарубежных изданиях аннотации не ограничиваются несколькими предложениями, а часто даже отражают детальное описание объекта исследования, цели, методов, результатов, а также выводы, и включают приблизительно от 28 до 295 словоупотреблений. Кроме того, аннотации статей всегда находятся в открытом доступе. Единственным обнаруженным нами недостатком данного вида источника является наличие клишированных фраз и специальной лексики, свойственной научному стилю.

Заключение

Таким образом, мы полагаем, что полученный нами для проведения дальнейшего исследования материал соответствует всем рассмотренным критериям. Представленная выборочная совокупность текстов затрагивает несколько видов источников, а именно, теоретические и практические, является аутентичной, многонациональной, информативной и с четко очерченной тематической принадлежностью. Полученный корпус текстов послужит основой для отбора терминологической лексики на следующем этапе исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Адельханян Г. Р. Определение круга источников как части процесса отбора специальной лексики для составления терминологического словаря // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-kruga-istochnikov-kak-chasti-protsessa-otbora-spetsialnoy-leksiki-dlya-sostavleniya-terminologicheskogo-slovarya (дата обращения: 04.11.2019) [Adelhanian, G. R. Defining the selection of sources as part of special lexicon selection process for creating terminology dictionaries. Science notes of the Kursk state university. https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-kruga-istochnikov-kak-chasti-protsessa-otbora-spetsialnoy-leksiki-dlya-sostavleniya-terminologicheskogo-slovarya (In Russ.)].

Герд А. С. Прикладная лингвистика. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. [Gerd, A. S. (2005). Prikladnaya linguistika. (Applied Linguistics). St.Petersburg: Saint-Petersburg University (In Russ.)].

Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Академия, 2008. [Grinev-Grinevich, S. V. (2008). Terminovedenie. (Terminology): Student Textbook. Moscow: Akademia. (In Russ.)].

Даниленко В. П., Скворцова Л. И. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 7–16. [Danilenko, V. P., Skvorcova, L. I. (1981). Linguistic problems of organizing scientific technical terminology. *Matters of Linguistics, 1*, 7–16 (In Russ.)].

Демидова Г. В. Проблема стандартизации терминологии переводоведения // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. Вып. 32. С. 251–255. [Demidova, G. V. (2015). Issue of standardization in translation theory terminology. *Foreign languages: linguistic and methodic aspects, 32*, 251–255 (In Russ.)].

Информационная технология. Словарь. Часть 1. Основные термины : ГОСТ ИСО/МЭК 2382-1-99. Введ. 01.07.00. Минск, Межгосуд. Совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 1999. 2000. [Information Technology. Dictionary. Part 1. Main definitions. (2000). Minsk: Mezhgosuardstvenniy Sovet po standartizacii, metrologii i sertifikacii. (In Russ.)].

Информационные технологии. Словарь : ГОСТ ИСО 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015). Введ. 28.06.16. М. : Стандартинформ, 2016. 202 с. [Information Technology. Dictionary (2016). Moscow: Standartinform (In Russ.)].

Кантышева Н. Г. Моделирование терминосистемы «экологический аудит» и ее описание в систематизирующем глоссарии: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2011. [Kantisheva, N. G. *Modelirovanie terminosistemy «jekologicheskij audit» i ee opisanie v sistematizirujushhem glossarii* (Modeling the “Ecological Audit” terminology system and its description in a systematic glossary): thesis of PhD in Philology. Tumen. (In Russ.)].

Лексикографический потенциал современных лингвистических технологий : монография / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб. : Кн. Дом, 2014. [*Leksikograficheskij potencial sovremennyh lingvisticheskih tehnologij*. (Lexicographic potential of modern linguistic technologies). (2014). Monography. St. Petersburg: Knizhniy Dom. (In Russ.)].

Молнар А. А. Особенности формирования терминосистемы информационных технологий (на материале французского языка): дис. … канд. филол. наук. М., 2012. [Molnar, A. A. (2012). *Osobennosti formirovanija terminosistemy informacionnyh tehnologij (na materiale francuzskogo jazyka).* (Peculiarities of creating terminology systems for information technologies (based on French)): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Рудакова А. Г. Принципы отбора терминологической лексики при составлении словаря терминов по специальности // ГИАБ. 1999. № 1. С. 100–101.

[Rudakova, A. G. (1999). Guidelines to choosing terminology for creation of special dictionaries. *GIAB, 1*, 100–101. (In Russ.)].

Саморукова А. В. Особенности формирования профессиональных лексиконов: На примере создания автоматического словаря для налоговых служб: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. [Samorukova, A. V. (2001). Osobennosti formirovanija professional'nyh leksikonov: Na primere sozdanija avtomaticheskogo slovarja dlja nalogovyh sluzhb). (Peculiarities of creating professional lexicons: on the example of creating an automatic dictionary for tax services): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Софронова Т. М. Лексикографическое моделирование русской и английской пирологической терминологии: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2013. [Safronova, T. M. (2013). Leksikograficheskoe modelirovanie russkoj i anglijskoj pirologicheskoj terminologii. (Lexicographic modeling of Russian and English pirologic terminology): thesis of PhD in Philology. Krasnoyarsk. (In Russ.)].

Терминологическая работа. Принципы и методы : ГОСТ Р ИСО 704-2010. Введ. 21.12.10. М. : Стандартинформ, 2012. [Terminological work. Principles and methods (2012). Moscow: Standartinform. (In Russ.)].

Future Generation Computer Systems // Elsevier. URL : https://www.journals.elsevier.com/future-generation-computer-systems (date of access: 5.12.2019).

Information and Software Technology, Supports open // Elsevier. URL : https://www.sciencedirect.com/journal/information-and-software-technology/vol/116/suppl/C (date of access: 5.12.2019).

Information technology. Vocabulary : ISO/IEC 2382:2015(en) // Online Browsing Platform (OBP). URL : https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:2382:ed-1:v1:en (date of access: 5.12.2019).

Journal of Information Technology // Palgrave Macmillan. – Mode of access: https://www.palgrave.com/gp/journal/41265/volumes-issues/latest-issue (date of access: 5.12.2019).

Office 365 Training Center // Microsoft. URL : https://support.office.com/en-gb/office-training-center (date of access: 26.03.2020).

УДК 81'33

Л. Р. Комалова

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела языкознания
Института научной информации по общественным наукам
Российской Академии наук; профессор кафедры прикладной
и экспериментальной лингвистики Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: komalova@inion.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ РЕЦИПИЕНТАМИ, НЕ ВОВЛЕЧЕННЫМИ В ОБЩЕНИЕ[1]

Анализируются эмоциональные реакции не вовлеченных в коммуникацию пользователей социальных интернет-сетей (СИС) на деструктивное речевое поведение, реализуемое в дискурсе СИС, с учетом текущего эмоционального состояния (ТЭС) испытуемых, гендера испытуемых, типа стимульного материала. Испытуемые склонны испытывать схожие ТЭС; чаще ссылаются на содержание сообщений в качестве основания эмоциональной реакции; находясь в приподнятом или сниженном ТЭС, они более устойчивы к негативным эмоциям.

Ключевые слова: социальная интернет-сеть; речевое поведение; эмоции; текст.

L. R. Komalova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Lead Research Fellow,
Department of Linguistics, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences;
Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: komalova@inion.ru

PECULIARITIES OF BYSTANDERS' PERCEPTION OF SOCIAL NETWORK COMMUNICATION[2]

The paper explores how bystanders emotionally react to destructive speech behavior performed by interlocutors during social network discussions (SND). Experimental design involved three variables: 1) current emotional state of subjects; 2) subjects' gender; 3) type of stimulus material. The results confirm that bystanders emotionally react to SND content. Regardless of gender, subjects are prone to experience similar emotional states in response to stimulus material presented in the experiment. Subjects more often refer to the textual content of discussions as the basis for an emotional reaction. Being in an elevated or reduced current emotional

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 18-18-00477.

[2] This research was supported by a grant from Russian Science Foundation (RSF) according to the research project № 18-18-00477.

CC BY

state, subjects are more resistant to negative emotions. The observed speech behavior of interlocutors has a stronger effect on the emotional reactions of the subjects (compared with the impact of the textual content of discussions).

Key words: social network site; speech behavior; emotions; text.

Введение

Появление Интернета способствовало значительному развитию новых форм и видов коммуникации, экономическому, научному прогрессу в целом и развитию лингвистического знания, в частности. Благодаря большому объему текстов, доступных в Интернете, их актуальности и относительной простоте обработки стали активно развиваться такие лингвистические направления, как корпусная и компьютерная лингвистика, основными задачами которых является обработка естественного языка, извлечение смысловой информации, семантический анализ текста и т. п.[1] Иными словами, Всемирная сеть открыла новые горизонты перед лингвистами.

Использование социальных сетей стало повседневным делом для миллионов жителей по всему миру. Наряду с этим интернет-площадки стали местом, где циркулирует зачастую ложная, недостоверная или непроверенная информация (обман, слухи, пропаганда, полуправда), которая с легкостью становится достоянием пользователей интернет-ресурсов и может повлиять на мнения, которые данные пользователи формируют на ее основе и, как следствие, могут привести к неверным действиям с их стороны [Han 2018; Kumar 2014].

К тому же, постоянная включенность в информационные потоки с применением современных технологий оказывает влияние и на эмоционально-психологическое состояние пользователей [Pertierra et al. 2002]. То, что изначально разрабатывалось как инструмент, упрощающий жизнь человека (например, позволяющий быстро установить контакт с территориально удаленными субъектами), переросло свои функции (например, социальные интернет-сети в настоящее время используются не только для установления контакта, напротив, сама среда вынуждает пользователей вкладывать дополнительные ресурсы и время, для того чтобы создавать свои виртуальные образы).

[1] Подробнее см. [Crystal 2003; Fletcher 2012; Zappavigna 2012; Page et al. 2014; Hee van, Lefever, Hoste 2018].

Вовлеченность в подобные практики среди современных подростков считается обязательным требованием времени.

Однако ведение виртуальной жизни влечет за собой определенные риски: если на заре интернет-коммуникаций пользователи рассматривали виртуальность как возможность избежать ранящей реальности, то сейчас они вынуждены совладать с негативным воздействием виртуальной среды. Интернет-коммуникация стала средой для проявления всего разнообразия деструктивного (в том числе речевого) поведения (кибербуллинга, троллинга, киберсталкинга) [Bogolyubova et al. 2017; Kaakinen, Oksanen, Räsänen 2018; Ben-David, Matamoros-Fernandez 2016]. В силу того, что виртуальное пространство нематериально, эмоционально-психологическая сфера человека чаще всего становится объектом вредоносных интервенций.

Методика и процедура исследования

В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать эмоциональные реакции (предмет исследования) не вовлеченных в коммуникацию пользователей социальных интернет-сетей. Объектом исследования выступает деструктивное речевое поведение, реализуемое в дискурсе социальных интернет-сетей, в которых обсуждаются социальные преобразования, политические решения и глобальные катастрофы.

Исходным постулатом исследования стало утверждение о том, что устная и письменная формы речи являются продуктом комплексной деятельности человека, включающей все компоненты психофизиологической, функционально-двигательной и когнитивно-интеллектуальной систем [Потапова 2014, с. 21].

При анализе речевого материала учитывались следующие переменные:

1) текущее эмоциональное состояние испытуемых;
2) гендер испытуемых;
3) тип стимульного материала (текстовое содержание сообщения, речевое поведение коммуникантов).

Сопоставлялись данные, полученные от группы испытуемых в составе 4 женщин и 3 мужчин. Задача состояла в том, чтобы зафиксировать реакции испытуемых на русскоязычный контент социальной интернет-сети «ВКонтакте» (20 образцов письменной полилогической

квазиспонтанной речи). На предэкспериментальной стадии исследования отобранный стимульный материал был квалифицирован как дискурс деструктивного типа (см. подробнее критерии в [Potapova, Komalova 2013; Потапова, Комалова 2014; Комалова 2020]).

Экспериментальное исследование подразумевало применение непараметрических критериев статистической достоверности [Сидоренко 1996; Social Science Statistics URL]:

- *критерий χ_r^2 Фридмана* – для проверки достоверности распределения трех типов эмоциональных реакций испытуемых (отрицательных, нейтральных и положительных) на стимульный контент;
- *T-критерий Вилкоксона* – для оценки различий между эмоциональными реакциями на текстовое содержание сообщения и речевое поведение коммуникантов;
- *U-критерий Манна-Уитни* – для оценки различий между ответами мужчин и женщин;
- *r_s коэффициент ранговой корреляции Спирмена* – для того, чтобы найти связи между эмоциональными реакциями испытуемых на стимулы и тремя переменными «текущее эмоциональное состояние испытуемых», «речевое поведение коммуникантов», «текстовое содержание дискуссий».

Стимульный материал

Стимульный материал для экспериментального исследования отбирался из базы данных, описанной в [Potapova, Komalova 2018]. Характеристики стимульного материала представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики стимульного материала

Характеристики	Ветки сообщений (социально-сетевая коммуникация)	
	№ 1–10	№ 11–20
Название ресурса	vk.com	
Основные темы	Внешняя политика	Внутренняя политика
Подтемы	Взаимоотношения между Россией, Европой и США по поводу ситуаций в Сирии и Украине	Решения действующей власти и оппозиции

Характеристики	Ветки сообщений (социально-сетевая коммуникация)	
	№ 1–10	№ 11–20
Временной период публикации сообщений	Ноябрь 2015 – февраль 2016 г.	Декабрь 2015 – февраль 2016 г.
Эмоциональная окраска сообщений	Эмоционально смешанные и сбалансированные: негативные, нейтральные и позитивные	

Группа испытуемых

Для отбора стимульного материала на предэкспериментальной стадии была задействована группа респондентов (9 мужчин, 21 женщина, средний возраст – 20 лет), отличная от группы испытуемых (3 мужчин, 4 женщины, средний возраст – 20 лет), работавшей со стимульным материалом. Участниками эксперимента стали учащиеся III курса Московского государственного лингвистического университета, носители русского языка.

Мы предполагаем, что молодежь в этом возрасте является наиболее пластичной в отношении восприятия и интерпретации социальных преобразований, а также более склонна проявлять политическую активность в социальных сетях, которые в современном обществе стали еще одним пространством социализации [Miconi 2013; Kennedy 2013] и самоидентификации (формирование самооценки и образа себя) [Durán Sánchez 2015, с. 50, 70]. Б. Робардс утверждает, что для многих молодых людей участие в социальных интернет-сетях является обязательным для принятия в группе сверстников [Robards 2012].

Процедура эксперимента

Испытуемые дали согласие на участие в исследовании и могли покинуть его в любое время. Стимульный материал был очищен от видео и аватарок. Ник-неймы были заменены на нейтральные номинации так, чтобы они не указывали на гендерную или расовую принадлежность коммуникантов.

Испытуемым (n = 7) предлагалось прочитать ветки сообщений (20 фрагментов социально-сетевого дискурса, см. табл. 1), проанализировать содержание коммуникации и зафиксировать свое эмоциональное состояние до и после ознакомления со стимульным материалом.

В целях оценки текущего эмоционального состояния испытуемых применялся сокращенный психологический тест А. Е. Уэссмана и Д. Ф. Рикса [Wessman, Ricks 1966; Tanski 1968]. Самооценка текущего эмоционального состояния производилась по следующим шкалам: спокойствие – тревожность, энергичность – усталость, приподнятость настроения – подавленность, чувство уверенности в себе – чувство беспомощности. Испытуемые также указали сведения о своем социальном положении.

В ходе эксперимента было получено 140 матриц, в которых отражаются эмоциональные реакции испытуемых в ответ на ознакомление со стимульным материалом. В силу того, что полученные данные были гетерогенными (иногда испытуемые указывали несколько разных реакций на одну ветку сообщений), была применена процедура нормализации данных. Все расчеты производились с нормализованными данными.

Результаты исследования

Как показано в таблице 2, испытуемые склонны эмоционально реагировать на обсуждения политических преобразований в социальных интернет-сетях. Ни один из них не остался равнодушным к темам, обсуждаемым в стимульном материале. Каждый из 20 фрагментов социально-сетевого дискурса спровоцировал сдвиг в текущем эмоциональном состоянии испытуемых. Большинство зафиксированных эмоциональных реакций являются негативными (см. табл. 2).

Таблица 2

Эмоциональные реакции испытуемых на стимульный материал[1]

Гендер испытуемого	Эмоциональная реакция		
	негативная	нейтральная	позитивная
Ж1	**.113**	.049	.014
Ж2	**.078**	.014	.042
Ж3	**.113**	.007	.035
Ж4	.016	.021	**.028**
М1	.056	**.063**	.021
М2	**.042**	.016	0
М3	**.063**	0	.021

[1] Здесь и далее доминанты в таблице выражены жирным шрифтом. – *Л. К.*

Примеры реакций испытуемых на стимульный материал:

- негативная эмоциональная реакция:

  «Неприятно читать. Переход на личности не добавляет убедительности» (Ж), «Проявление агрессии в полилоге по отношению к другим участникам полилога не может не вызывать отрицательные эмоции» (Ж), «Мое настроение изменилось в худшую сторону после прочтения ланного полилога. Люди настроены слишком агрессивно к друг другу, другим странам. Они не ищут пути мирного решения конфликта» (Ж), «Г-н ОЛЕ своей агрессивной манерой общения вызывает некоторое раздражение» (М), «Большинство реплик участников полилога вызывает у меня лёгкое раздражение. Во-первых, их позиции довольно одномерны, во-вторых, способ выражения собственного мнения довольно неадекватен» (М), «Настроение изменилось в худшую сторону, потому что жестокость людей, ставших жертвой пропаганды СМИ пугает» (М);

- нейтральная эмоциональная реакция:

  «Полилог никак не повлиял на моё эмоциональное состояние. Мнения участников новыми или необычными не являются» (М), «Впечатления этот полилог на меня не произвёл. Тема полилога, как и мнения участников не представляют для меня особого интереса. Эмоциональное состояние – нейтральное» (М), «Этот полилог в целом не оказал на меня никакого влияния. Однако участники настроены довольно агрессивно к представителям власти» (Ж), «Настроение осталось нейтральным, участники полилога вели спокойную беседу» (Ж).

- позитивная эмоциональная реакция:

  «Обрадовалась, что люди еще умеют дискутировать без оскорбления друг друга» (Ж), «Интересно. На такие темы редко можно увидеть адекватное обсуждение» (Ж), «В целом, мнения некоторых участников полилога и их манеры выражения мыслей вызывают симпатию» (М), «Радость от того, что некоторые люди еще могут адекватно рассматривать текущую политическую ситуацию» (М).

По результатам проверки с применением критерия $\chi^2_т$ Фридмана статистически значимых различий в соотношении негативных, нейтральных и позитивных реакций не было выявлено ($\chi^2_т = 3{,}4286$, при $\rho = 0{,}18009$).

Испытуемые фиксировали следующие эмоциональные состояния, которые они испытывали в ответ на стимульный материал: негативные – раздражение (7), издевка (7), грусть (6), усталость (5), страх (5); позитивные – радость (5), интерес (4). Согласно отчетам испытуемых, позитивные эмоции мотивировали их на поиски новой информации по обсуждаемой теме, чтение специализированной литературы и детальное изучение вопроса. Напротив, когда участники эксперимента испытывали негативные эмоциональные состояния, они ловили себя на мысли прекратить чтение стимульного материала и желании покинуть исследование.

В ходе анализа было выявлено, что испытуемые чаще ссылаются на содержание сообщений в качестве основания эмоциональной реакции (см. табл. 3). Проверка при помощи Т-критерия Вилкоксона подтвердила статистическую достоверность полученных данных при $\rho = 0{,}05$ (сумма разностей = 23.86, сумма рангов положительных сдвигов = 3, сумма рангов отрицательных сдвигов = 25, $Z = -1.8593$, $W = 3$).

Таблица 3

Основания эмоциональной реакции испытуемых на содержание сообщений в стимульном материале

Гендер испытуемого	Основание эмоциональной реакции	
	речевое поведение коммуникантов	содержание сообщений
Ж1	**.099**	.068
Ж2	**.022**	.016
Ж3	.045	**.122**
Ж4	.015	**.122**
М1	.045	**.091**
М2	.038	**.145**
М3	.015	**.061**

Проверка при помощи U-критерий Манна-Уитни и критерия χ^2_r Фридмана не выявила статистически значимых различий в данных между мужчинами и женщинами. Вне зависимости от гендера испытуемые склонны переживать похожие эмоциональные состояния в ответ на предъявляемый в эксперименте стимульный материал.

Проверка данных при помощи r_s коэффициента ранговой корреляции Спирмена не выявила статистически достоверную корреляцию между эмоциональной реакцией испытуемых и тремя переменными (см. табл. 4):

1) результатами по психологическому тесту Уэссмана-Рикса;
2) оценками речевого поведения коммуникантов;
3) содержанием анализируемых сообщений.

Однако обсуждение полученных результатов представляется интересным.

Таблица 4

Корреляция между эмоциональными реакциями испытуемых и исследуемыми переменными[1]

Эмоциональная реакция испытуемых	Значения теста Уэссмана – Рикса	Основание эмоциональной реакции	
		речевое поведение коммуникантов	содержание сообщений
негативная	.509	.596	.445
нейтральная	.036	.490	.198
позитивная	.309	.293	.381

Отмечаются следующие связи: повышение значений теста Уэссмана – Рикса коррелирует с понижением значений негативных и позитивных эмоциональных реакций на стимульный материал. Данную связь можно объяснить тем, что люди, находясь в приподнятом или сниженном текущем эмоциональном состоянии, являются более устойчивыми к негативным эмоциям (в первом случае это происходит в силу эффекта компенсации, во втором – в силу эффекта сглаживания).

Снижение значений по параметрам «деструктивное речевое поведение коммуникантов» и «деструктивное содержание сообщений» коррелируют с ростом значений по параметру «позитивные эмоциональные реакции на коммуникацию». Увеличение значений по параметру «деструктивное речевое поведение коммуникантов» и снижение значений по параметру «деструктивное содержание сообщений» коррелирует с ростом значений по параметру «негативные

[1] Заливка указывает на обратные связи. – *Л. К.*

эмоциональные реакции». На основе выявленных корреляций можно сделать вывод о более сильном эффекте воздействия воспринимаемого речевого поведения (по сравнению с воздействием содержания сообщений) на эмоциональные реакции испытуемых.

Обсуждение

В жизни современного человека общение в социальных интернет-сетях стало обыденной практикой, которая становится фактором воздействия на эмоциональную сферу не только непосредственных партнеров по коммуникации, но и не вовлеченных в общение сторонних наблюдателей. Проведенное исследование основывалось на допущении, что обсуждение социально значимых событий, к которым относятся политические преобразования, выступает потенциальным конфликтогеном в коммуникации. Подобные обсуждения могут спровоцировать также отрицательные эмоционально-психологические состояния не только у участников коммуникации, но и сторонних наблюдателей.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что не вовлеченные в коммуникацию участники социальных интернет-сетей эмоционально реагируют на контент деструктивного типа. Полученные реакции можно разделить на две группы: 1) эмоциональное реагирование на речевое поведение коммуникантов 2) эмоциональные реакции, вызванные содержанием сообщений. Полученные результаты соотносятся с данными, полученными в наших предыдущих исследованиях [Комалова 2016; Komalova 2018], подтверждая тот факт, что при восприятии коммуникации, реализуемой на виртуальных площадках, испытуемые дают схожие эмоциональные отклики, что и при восприятии коммуникации в реальных условиях взаимовоздействия.

Заключение

Целью настоящего исследования было определение того, какие эмоциональные реакции возникают у участников социальных интернет-сетей, не вовлеченных в коммуникацию; какого типа реакции возникают в ответ на стимулы в виде социально-сетевого дискурса деструктивного типа; что является основанием для подобных реакций. Были проанализированы изменения в эмоциональном состоянии испытуемых до и после ознакомления со стимульным материалом,

что позволило определить характер реакций на содержание сообщений и на речевое поведение коммуникантов.

Следует отметить значимость исследования восприятия сторонними наблюдателями различных событий (в том числе и в виртуальной среде, и на материале социально-сетевого дискурса), так как количество не вовлеченных участников обычно значительно превышает число вовлеченных. И если восприятие деструктивного речевого поведения и деструктивного содержания сообщений влияет на эмоциональное состояние наблюдателя, значит пагубное влияние агрессоров распространяется гораздо шире, чем только на непосредственную жертву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Комалова Л. Р. Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. 2-е изд., стереотип. Москва: Спутник +, 2020. [Komalova, L. R. (2020). Aggressogennyj diskurs: Tipologiya mul'tilingval'noj verbalizatsii agressii. (Aggressogen discourse: The multilingual aggression verbalization typology). 2nd ed. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)].

Комалова Л. Р. Межличностная коммуникация: От конфликта к консенсусу. Москва: ИНИОН РАН, 2016. URL: inion.ru/site/assets/files/2556/2016_mon_mezhlichnostnaia_kommunikatciia-1.pdf [Komalova, L. R. (2016). Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: ot konflikta k konsensusu (Interpersonal communication: From conflict to consensus). Moscow: INION RAN. Retrieved from: inion.ru/site/assets/files/2556/2016_mon_mezhlichnostnaia_kommunikatciia-1.pdf (In Russ.)].

Потапова Р. К. Социально-сетевой дискурс как объект междисциплинарного исследования // 2-я Международная научная конференция «Дискурс как социальная активность: приоритеты и перспективы». Москва: Рема, 2014. С. 20–22. [Potapova, R. K. (2014). Sotsialno-setevoy diskurs kak objekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya (Social network discourse as the object of interdicsiplinary research). In *Discourse as the social activity: priorities and perspective*: 2nd International scientific conference (pp. 20–22). Moscow: Rema. (In Russ.)].

Потапова Р. К., Комалова Л. Р. База данных русскоязычных текстов, содержащая единицы семантического поля «агрессия» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 19 (705). С. 112–121. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest-19z.pdf [Potapova, R. K., Komalova, L. R. (2014). Baza dannykh russkoyazychnykh tekstov, soderzhaschaya edinitsy semanticheskogo polya

"agressiya" (Database of Russian texts containing items of the semantic field "aggression"). *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 19*(705), 112–121. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest-19z.pdf (In Russ.)].

Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. Санкт-Петербург: Речь, 2007. 350 с. [Sidorenko, E. V. (1996). *Matematicheskie metody v psikhologii*. (Mathematical methods in psychology). St.Petersburg: Rech. (In Russ.).].

Ben-*David A., Matamoros-Fernandez A.* Hate speech and covert discrimination on social media: Monitoring the Facebook pages of extreme-right political parties in Spain // International Journal of Communication. 2010. No 10. P. 1167–1193. DOI: 1932–8036/20160005. URL: https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/3697.

Bogolyubova O., Panicheva P., Tikhonov R., Ivanov V., Ledovaya Ya. Dark personality on Facebook: Harmful online behaviors and language // Computers in Human Behavior. 2017. No 78. P. 151–159. DOI: https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.032. URL: URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217305587?via%3Dihub.

Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

Durán Sánchez C. A. Aspectos interventores en la participación política y electoral de jóvenes. Una reflexión sobre la información, interacción y difusión de contenidos en redes sociales para futuras investigaciones en Santander // Desafíos. 2015. No 27 (1). P. 47–81. DOI: dx.doi.org/10.12804/desafios27.01.2015.02. https://revistas.urosario.edu.co/index.php/desafios/article/view/3630/2652.

Fletcher W. H. Corpus analysis of the World Wide Web // Hundt M., Nesselhauf N., Biewer C. (eds.) Encyclopedia of Applied Linguistics. London : Wiley-Blackwell. 2012. DOI: 10.1002/9781405198431.wbeal0254. http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=098072500C15FBA6E587DABEC8C7BF94?doi=10.1.1.360.9984&rep=rep1&type=pdf.

Han K. How do you perceive this author? Understanding and modeling authors' communication quality in social media // PLoS ONE. San Francisco, 2018. No 13 (2). DOI: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192061. http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0192061.

Hee van C., Lefever E., Hoste V. Exploring the fine-grained analysis and automatic detection of irony on Twitter // Lang Resources & Evaluation. 2018. No 52. P. 707-731. DOI: https://doi.org/10.1007/s10579-018-9414-2. https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10579-018-9414-2.

Kaakinen M., Oksanen A., Räsänen P. Did the risk of exposure to online hate increase after the November 2015 Paris attacks? A group relations approach // Computers in Human Behavior. 2018. No 78. P. 90–97. DOI: https://doi.

org/10.1016/j.chb.2017.09.022. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217305484?via%3Dihub.

Kennedy J. Rhetorics of sharing: Data, imagination, and desire // Lovink G., Rasch M. (eds.) Unlike Us Reader: Social media monopolies and their alternatives. Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2013. P. 127–136. https://monoskop.org/images/7/7b/Lovink_Geert_Rasch_Miriam_eds_Unlike_Us_Reader_Social_Media_Monopolies_and_Their_Alternatives.pdf.

Komalova L. Social network sites as digital heterotopias: textual content and speech behavior perception // Communications in Computer and Information Sciences. 2018. Vol. 859. P. 67–79. DOI: 10.1007/978-3-030-02846-6_4. https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-02846-6_4.

Kumar K. K., Geethakumari G. Detecting misinformation in online social networks using cognitive psychology // Human-centric Computing and Information Sciences. 2014. No 4 (14). DOI: https://doi.org/10.1186/s13673-014-0014-x. https://hcis-journal.springeropen.com/articles/10.1186/s13673-014-0014-x.

Miconi A. Under the skin of the networks: How concentration affects social practices in web 2.0 environments // Lovink G., Rasch M. (eds.) Unlike Us Reader: Social media monopolies and their alternatives. Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2013. P. 89–102. https://monoskop.org/images/7/7b/Lovink_Geert_Rasch_Miriam_eds_Unlike_Us_Reader_Social_Media_Monopolies_and_Their_Alternatives.pdf.

Page R., Barton D., Unger J. W., Zappavigna M. Researching language and social media: A student guide. New York: Routledge. 2014.

Park A., Conway M., Chen A. Examining thematic similarity, difference, and membership in three online mental health communities from reddit: A text mining and visualization approach // Computers in Human Behavior. 2018. No 78. P. 98-112. DOI: https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.001. https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217305186?via%3Dihub.

Pertierra R., Ugarte E., Pingol A., Hernandez J., Dacanay N. Txt-ing selves: Cellphones and Philippine modernity. Manila : De La Salle University Press, 2002.

Potapova R. K., Komalova L. R. Russian SND fell-text annotated polylogues database: “political transformations” sub-corpus // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 6 (797). С. 84–98. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/6_797.pdf.

Potapova R., Komalova L. Lingua-cognitive survey of the semantic field “aggression” in multicultural communication: Typed text // Železný M., Habernal I., Ronzhin A. (eds.) SPECOM 2013, LNAI. Heidelberg: Springer, 2013. Vol. 8113. P. 227–232. DOI: 10.1007/978-3-319-01931-4_30. http://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-01931-4_30#.

Robards B. Leaving MySpace, joining Facebook: 'Growing up' on social network sites // Continuum. Journal of Media & Cultural Studies. 2012. No 26 (3): Mediated Youth Cultures. P. 385–398. DOI: https://doi.org/10.1080/10304312.2012.665836. URL: http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10304312.2012.665836.

Roig-Marín A. Keeping up with the digital age: New data sources in research on languages for specific purposes // Ibérica. 2017. No 34. P. 283-292. https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=287053467014.

Runions K. C. Toward a conceptual model of motive and self-control in cyberaggression: Rage, revenge, reward, and recreation // Journal of Youth and Adolescence. 2013. No 42. P. 751-771. DOI: 10.1007/s10964-013-9936-2.

Social Science Statistics. http://www.socscistatistics.com/tests/Default.aspx.

Tanski T. S. The personal feeling scales as related to the DRAW-A-group projective techniques: Master degree thesis. Denton : North Texas State University, 1968, URL: https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc130967/m2/1/high_res_d/n_03702.pdf.

Wessman A. E., Ricks D. F. Mood and personality. New York : Holt, Rinehart & Winston, 1966.

Zappavigna M. Discourse of Twitter and social media. London : Bloomsbury, 2012. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-17948-3_13. https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-17948-3_13.

УДК 81'139

Л. В. Мотовских

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: leon@motovskikh.ru

ВЫДЕЛЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕКСТОВ

В статье описывается построение матрицы TF-IDF для классификации текстов по заранее обозначенным категориям. Подробно описывается процесс преобразования исходных текстов для сокращения количества уникальных словоформ и получения списка ключевых термов: лемматизация, стемминг, удаление стоп-слов с учетом специфики текстов в выборке. В качестве иллюстрации применения матрицы выступает размеченная по рубрикам выборка текстов электронного СМИ на русском языке и список из пяти ключевых слов в каждой категории.

Ключевые слова: классификация текстов; выделение ключевых слов; стемминг; стоп-слова; электронные СМИ.

L. V. Motovskikh

Postgraduate student, Department of Applied and Experimental Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: leon@motovskikh.ru

EXTRACTING KEYWORDS FOR TEXT CLASSIFICATION

The article focuses on the TF-IDF matrix construction for text classification into predefined categories. The author describes a tokenization process to reduce the number of unique terms and to extract keywords: lemmatization, stemming, removing of stop words (including specific terms of dataset). As an example, the author constructs a matrix using a dataset of Russian texts labeled according to the categories of the online media and a list of 5 keywords for each category.

Key words: text classification; extracting keywords; stemming; stop words; online media.

Введение

Ключевые слова – термины, которые содержат наиболее важную информацию [Kaur 2010]. Они служат удобным способом передачи содержимого текста в сжатой форме. Именно поэтому они используются для классификации текстов, полнотекстового поиска и для решения ряда других задач. От выделенных ключевых слов зависит точность передачи представленных в тексте тем [Wartena, Brussee, Slakhorst 2010].

CC BY

Для выделения наиболее часто используемых термов в выборке документов используется статистическая мера TF-IDF. Значения TF-IDF для каждого терма в каждом документе заносятся в матрицу, где столбцы представлены встречающимися термами, а строки – документами. Перед составлением матрицы содержимое документов следует предварительно обработать: так уменьшается разрядность матрицы и увеличивается точность выделенных термов [Korenius 2004].

В статье описан процесс сбора, обработки и выделения ключевых слов с помощью матрицы TF-IDF на примере материалов электронного СМИ – ИТАР-ТАСС. Стоит отметить, что описанный процесс может быть использован и для других СМИ с небольшими модификациями в ходе процесса сбора материалов и их последующей обработки.

Сбор документов для выделения термов

Матрица TF-IDF показывает вес одного терма в одном документе в контексте определенной подвыборки документов. Чем выше это значение, тем чаще терм встречается в документе и тем реже он употребляется во всех документах подвыборки [Ramos 2003].

Применительно к задаче классификации текстов каждый исходный документ помечается индексом соответствующей категории, а затем происходит оценка каждого терма в рамках документа и категории. Полученная матрица используется для дальнейшей классификации других, еще не размеченных, текстов.

В данном случае использование текстов электронных СМИ достаточно удобно, так как материалы издания сразу публикуются на сайте в определенной категории. Иными словами, сохраняемые тексты автоматически получают разметку в виде индекса их категории.

Сбор документов происходил из пяти внутренних рубрик ТАСС, в которых количество материалов позволяет составить выборку достаточного объема: «Общество», «Экономика», «Политика», «Спорт», «Культура» [ТАСС URL]. При подборе статьей были проигнорированы материалы, которые были включены в менее крупные категории: «Москва», «Недвижимость» и др.

Для сбора первичных данных – текстов новостных статей – была написана программа на языке Go, которая сохраняла только статьи, представленные в форме текстовых информационных сообщений за

определенный период времени. В результате было отобрано 9 399 статей за декабрь 2019 – январь 2020 года.

Каждой рубрике на сайте агентства соответствует уникальный идентификатор, который был использован как название категории документов. Количество статей в категориях приведено на рисунке 1.

При анализе длины текстов обнаружилось, что в материалы рубрик попадают не только новостные заметки, но и краткие информационные сообщения, состоящие из 1 предложения – ссылки на видеоролики, а также сводки об изменении ставки ЦБ РФ. Для улучшения качества выборки были удалены все статьи с длиной в символах, меньшей 5-го и большей 95-го перцентиля.

Преобразование полученных данных

В матрице TF-IDF столбцами выступают все уникальные термы, поэтому в исходном тексте каждая отдельная словоформа будет иметь собственный вес. Это приводит к появлению шумов при интерпретации матрицы. Для получения более точных значений весов и уменьшения размерности матрицы исходные тексты документов предварительно обрабатываются [Korenius 2004].

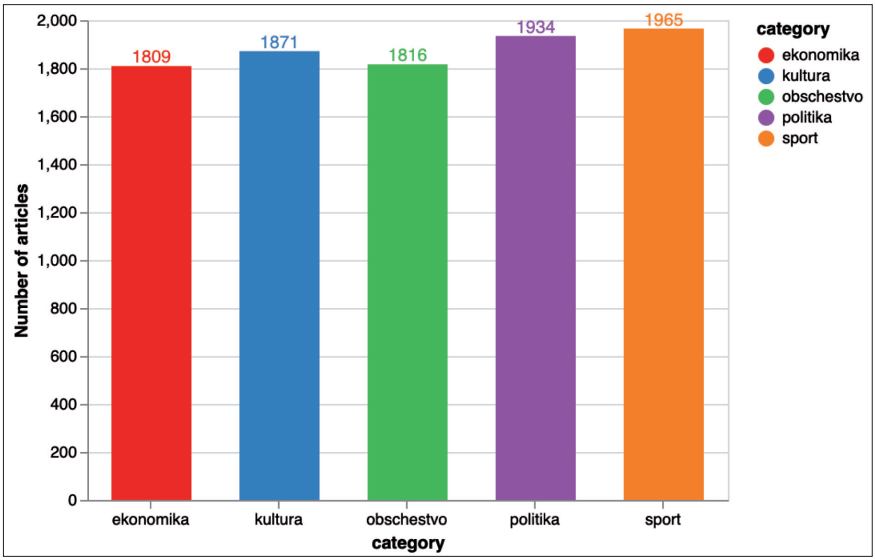


Рис. 1. Количественное распределение статей по категориям

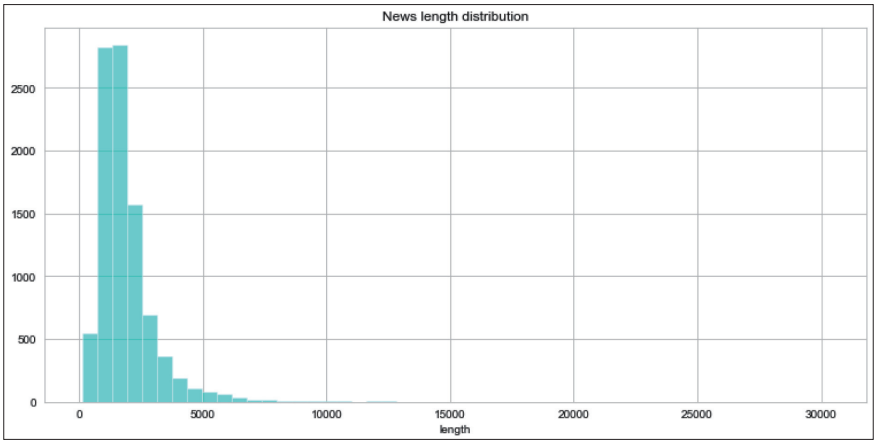


Рис. 2. Распределение общего набора статей по длине в символах

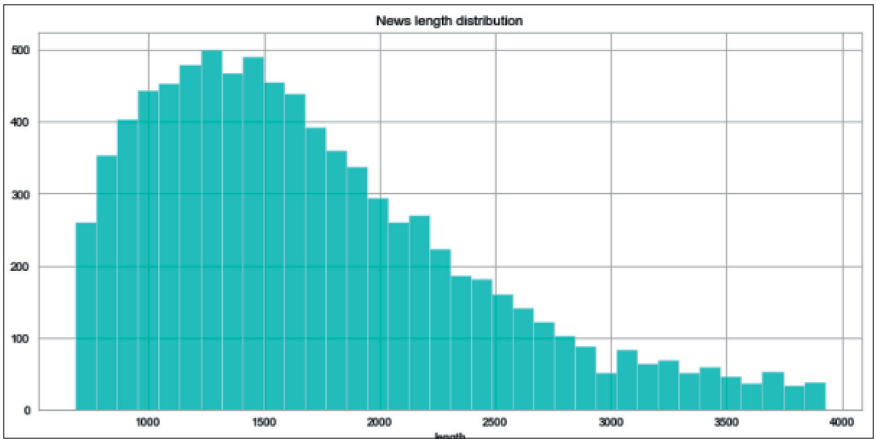


Рис. 3. Распределение итогового набора статей по длине в символах

Первым шагом в обработке текстов было удаление знаков пунктуации: запятых, точек, кавычек, скобок и т. п. Стоит отметить, что из слов не был удален дефис: в словах с частицами *-то*, *-либо*, *-нибудь* или в сложных прилагательных, таких как *франко-японский*, *русско-немецкий*. Это бы привело к слиянию слов и искажению результатов последующей обработки.

Следующим шагом стала замена всех заглавных букв на строчные. Эта замена позволила уменьшить количество уникальных термов в двух случаях: для термов в начале предложения и для термов – имен собственных: Минздрав РФ.

Дальнейшим преобразованием стала лемматизация – приведение слов к их словарным формам. Для выявления лемм слов в русском языке была использована бесплатная библиотека MyStem для морфологического анализа [Сегалович, Маслов 1998]. Упомянутые выше слова с дефисами библиотека разделяла: например, *кто-нибудь* разделялось на *кто* и *нибудь* [Зобнин, Носырев 2015]. После этого дефисы удалялись из текста.

После этого из текстов были удалены «стоп-слова» – список из наиболее часто употребляемых местоимений, предлогов, союзов и частиц. Так, присутствие частицы *не* в тексте статьи не может достоверно свидетельствовать о включении статьи в ту или иную категорию. Отделенные частицы *-то*, *-либо*, *-нибудь* также были занесены в список стоп-слов и удалены.

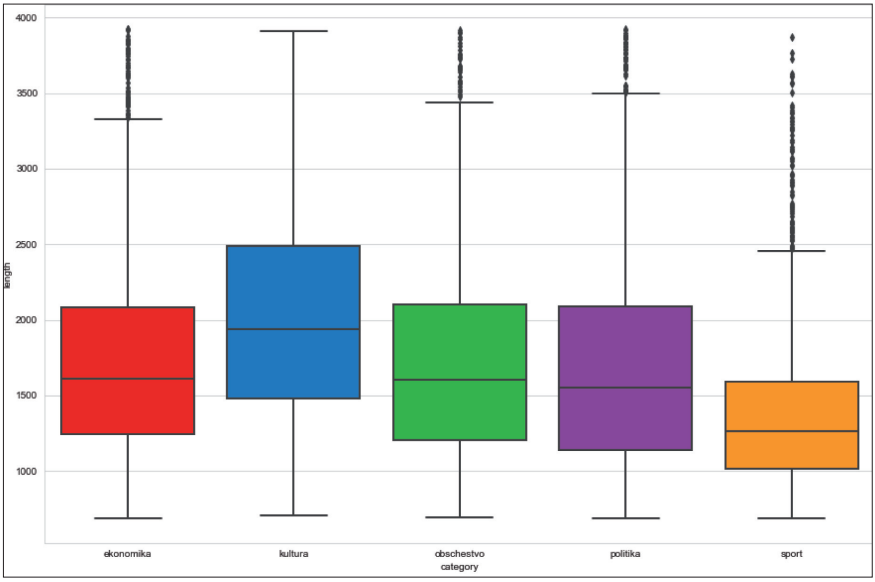


Рис. 4. Диаграмма размаха итогового набора статей по длине в символах

Дополнительно в список стоп-слов, подлежащих удалению из текста статьи, были отнесены:

- *ТАСС* – название информационного агентства (присутствует в подписи всех материалов);
- *млрд*, *млн*, *тыс*. – словесные сокращенные формы числительных, стабильно попадающие в список наиболее часто употребляемых слов среди всех статей;
- *руб*. – как наиболее частая единица измерения после чисел;
- все числительные, выраженные цифрами: 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Заключительным преобразованием выступил стемминг – процесс выделения основы слова. Для этого был выбран наиболее часто используемый алгоритм Snowball, разработанный Мартином Портером для многих индоевропейских языков [Гращенко, Муравлев 2018]. В отличие от других алгоритмов стемминга, стемминг по Портеру использует не заранее известную базу слов, а работает с набором правил по обработке и определению приставок и суффиксов [Willett 2006]. Как следствие, алгоритм обладает высокой скоростью обработки текстов, но не всегда верно выделяет основу у слова.

Рассмотрим пример из статьи о новом законопроекте по сбору задолженностей из категории «Общество»: *Министерство юстиции России предложило прописать в федеральном законе использование роботов-коллекторов для сбора задолженности с граждан с определенными ограничениями*. В результате всех изложенных выше преобразований предложение сократилось до следующего ряда слов: *министерств юстиц росс предлага прописыва федеральн закон использован робот коллектор сбор задолжен гражданин определен ограничен.*

Построение матрицы TF-IDF

Каждой категории из итогового набора обработанных текстов был проставлен соответствующий индекс (см. табл. 1). В результате было получено два массива: массив обработанных текстов статей и массив соответствующих им индексов категорий.

Полученные массивы были преобразованы в матрицу TF-IDF. При построении были отброшены 5 % наиболее редко и часто используемых в подвыборке термов. Термы, которые используются наиболее часто, могут выступать локальными для подвыборки стоп-словами, в то время как наиболее редко используемые термы могут привести

Таблица 1

Индексы категорий

Категория	Индекс
Общество	0
Экономика	1
Политика	2
Спорт	3
Культура	4

к ухудшению качества будущей модели. В случае со СМИ представители первой группы выступают фразы-клише, речевые обороты, стилистические средства, характерные для издания, а представители второй группы – названия брендов или узкоспециализированная лексика, используемая в рамках определенной темы новостей.

С помощью критерия χ^2 были отобраны термы, имеющие наиболее высокую нелинейную корреляцию с меткой категории. При указанных выше параметрах N-граммы при N = 1 составили:

- *Экономика:* рост, обь, рубл, рынок, компан;
- *Культура:* режиссер, муз, фестивал, фильм, театр;
- *Общество:* город, жител, матч, человек, ребенок;
- *Политика:* политическ, президент, государств, путин, мид;
- *Спорт:* очк, сборн, команд, чемпионат, матч.

Таким образом, для имеющихся документов была построена матрица TF-IDF, упорядоченную по весу термов в каждой категории. Стоит отметить терм «обь» в категории «Экономика»: именно эту форму выдает стеммер Портера для часто встречающегося слова *объем* из статей по экономике. Появление в этом списке термов «путин» и «мид» из категории «политика» обусловлено редакционной политикой агентства, ориентированной на более подробный анализ событий, непосредственно связанных с РФ.

Заключение

В статье было описано устройство матрицы TF-IDF, возможность ее применения для классификации текстов, а также необходимые операции для уменьшения ее размерности и удаления шумов. Так, при

наличии размеченных по категориям текстов возможно составление списка термов, в наибольшей степени влияющих на отнесение текста в соответствующую категорию.

Стоит отметить, что хотя полученная матрица слов содержит результаты анализа одного источника данных, она может быть использована для дальнейших исследований и последующей классификации неразмеченных текстов других СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гращенко Л. А., Муравлев В. А. Snowforce: быстрый стеммер для русского языка // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2018. № 21. [Grashenko, L. A., Muravlev, V. A. (2018). Snowforce: quick stemmer for Russian. New Information Technologies in Automated Systems. 21. (In Russ.)].

Зобнин А. И., Носырев Г. В. Морфологический анализатор MyStem 3.0 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6. С. 300–310. [Zobnin, A. I., Nosyrev, G. V. (2015). MyStem 3.0 Morphological Analyzer. *V. V. Vinogradov Institute of Russian, 6*, 300–310. (In Russ.)].

Сегалович И. В., Маслов М. Ю. Русский морфологический анализ и синтез с генерацией моделей словоизменения для не описанных в словаре слов // Труды международного семинара Диалог. 1998. Т. 98. С. 547–552. [Segalovich, I. V., Maslov, M. U. (1998). Russkij morfologicheskij analiz i sintez s generatsiej modelej slovoizmeneniya dlya ne opisannykh v slovare slov. (Russian Morphologic Analysis and Synthesis with Generation of Word Transformation Models not Described in Dictionaries). Vol. 98. Moscow: Dialogue. (In Russ.)].

Kaur J., Gupta V. Effective approaches for extraction of keywords // International Journal of Computer Science Issues (IJCSI). 2010. Т. 7. № 6. С. 144.

Korenius T. et al. Stemming and lemmatization in the clustering of Finnish text documents // Proceedings of the thirteenth ACM international conference on Information and knowledge management. 2004. С. 625–633.

Ramos J. et al. Using tf-idf to determine word relevance in document queries // Proceedings of the first instructional conference on machine learning. 2003. Т. 242. С. 133–142.

Wartena C., Brussee R., Slakhorst W. Keyword extraction using word co-occurrence // 2010 Workshops on Database and Expert Systems Applications. IEEE, 2010. С. 54–58.

Willett P. The Porter stemming algorithm: then and now // Program. 2006.

УДК 179.9

А. П. Бондарев

доктор филологических наук; профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

«ДЯДЯ ВАНЯ» – СКАЗАВШАЯСЯ ПЬЕСА А. П. ЧЕХОВА[1]

В статье прослеживаются этапы эволюции креативной интуиции А. П. Чехова, направленной на художественную объективацию нового социального типа – «неизвестного человека», пришедшего на смену лишнему и маленькому человеку – знаковым героям русского классического реализма XIX века. Многочисленные редакции пьес «Безотцовщина» («Платонов»), «Иванов» и «Леший» приближали Чехова к окончательному варианту пьесы «Дядя Ваня», обеспечившему не редукционистское, а конструктивное понимание характера Войницкого. Эволюция чеховской драматургии направлялась возраставшим интересом драматурга к кондиционализму – изучению комплекса условий, переводящих неизреченную сложность жизни в *подтекст*, который К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко называли «подводным течением».

Ключевые слова: сказавшееся произведение; аподиктичность; редукционизм; конструктивизм; кондиционализм.

A. P. Bondarev

Advanced Doctor (Dr. habil), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

«UNCLE VANYA» – A SPOKEN PLAY BY ANTON CHEKHOV

The article traces the stages of evolution of A. P. Chekhov's creative intuition, aimed at artistic objectification of a new social type – "unknown man", which replaced the extra and small men – the iconic heroes of Russian classical realism of the XIX

[1] Статья написана в развитие проекта научной лаборатории кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета МГЛУ «Сказывающееся произведение: эволюция авторской креативной интуиции».

CC BY

century. Numerous retouchings of the plays “Fatherless”, “Platonov” and “Leshy” (Goblin) brought Chekhov closer to the final version of the play “Uncle Vanya”, which provided not a reductionist, but a constructive understanding of the character of Voinitsky. The play had been spoken thanks to conditionalism – the recreation of a set of conditions, the stage verbalization of which translated the ineffable complexity of life into a subtext that K. S. Stanislavsky and V. I. Nemirovich-Danchenko called “undercurrent”.

Key words: spoken work; apodicticity; reductionism; constructivism; conditionalism.

Понятие «сказавшегося произведения»

Литературное произведение, которому суждено остаться в истории мировой культуры, воспринимается читателями как самостоятельно сказавшееся. Владимир Набоков, делясь с американскими студентами впечатлением о романе Л. Н. Толстого «Война и мир», заметил: «У нас то и дело возникает ощущение, будто роман Толстого сам себя пишет и воспроизводит себя из себя же, из собственной плоти, а не рождается под пером живого человека, водящего им по бумаге» [Набоков 1999, с. 65].

Сказавшееся произведение аналогично *сложившейся* судьбе. Если судьба это результирующая столкновений субъективного жизненного проекта с объективной исторической закономерностью, то сказавшееся произведение – итог спонтанного творческого взаимодействия замысла и воплощения.

Лишний, маленький, неизвестный

В «Рассказе неизвестного человека» (1893) А. П. Чехов воссоздал образ проблемного героя нового качества. Выявленный им социальный тип, пришедший на смену «лишним» и «маленьким» людям – героям Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского – явил синтез потерянного лишнего и бесправного маленького человека. Проблематика «Рассказа» показала неосуществимость надежд творцов русской классической литературы второй половины XIX в. создать реалистически достоверного *позитивного героя*. Неизвестный человек, возросший до протагониста остросоциальных рассказов Чехова, подобно лишнему человеку безуспешно борется за самообъективацию и, подобно маленькому человеку, убеждается в невозможности изменить свой социальный статус.

И. С. Тургенев и А. И. Гончаров потратили немало творческих сил на поиски востребованного российской историей ответственного участника жизнестроительства, которому предстояло прийти на смену безвольному дворянскому интеллигенту и потерянному бесправному разночинцу.

Хронология произведений И. С. Тургенева отмечала идеологическую преемственность поколений русских интеллектуалов, пытавшихся адекватно реагировать на всё более решительные вызовы истории. Каждый новый роман маркировал очередной, более проблемный, этап развития общественно-политической мысли России. В «Предисловии к романам», написанном в августе 1879 года в Париже, Тургенев ответил тенденциозной революционно-демократической критике на упреки в нарушении реалистической пропорции между художественным вымыслом и социальной действительностью, указав на никогда не прерывавшееся единство своей творческой и жизненной биографии: «Автор “Рудина”, написанного в 1855 г., и автор “Нови”, написанной в 1876-м, является одним и тем же человеком. В течение всего этого времени я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно, изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: “the body and pressure of time” («самой телесностью и гнетом эпохи»), и ту быстро изменявшуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений» [Тургенев 1982, с. 390].

«Беспристрастное изображение» взаимосвязи образа мыслей тургеневских правдоискателей и совершаемых ими поступков выявляло иллюзорность исповедуемого ими общественного идеала.

Стремясь переориентировать спонтанную эволюцию русской литературы в сторону усиления ее социально-политической направленности, Н. Г. Чернышевский подверг уничижительной критике смалодушничавшего перед Натальей Ласунской Дмитрия Рудина. В программной статье «Русский человек на rendez-vous» критик поставил Рудину в вину страх перед трудностями, которые ожидали их с Натальей в суровой повседневности. В случае предсказуемого отказа матери Натальи, Дарьи Михайловны Ласунской, в моральной и материальной поддержке молодоженов, он, не имеющий ни средств к существованию, ни большого дела в жизни, не смог бы одним лишь либеральным красноречием удержать их отношения на заданном ею

высоком романтическом уровне: «Названный трусом, – язвит Чернышевский, – он начинает упрекать Наталью, потом читать ей лекцию о своей честности и на замечание, что не это должна она услышать теперь от него, отвечает, что он не ожидал такой решительности. Дело кончается тем, что оскорбленная девушка отворачивается от него, едва ли не стыдясь своей любви к трусу» [Чернышевский 1950, с. 159].

Осознав глубину поражения, которое он потерпел от восторженной девушки, Рудин предпринял ряд попыток наполнить смыслом свою ускользавшую из-под его контроля жизнь. Потребность в самообретении побудила его испробовать себя на поприще преподавателя, хозяйственника, управляющего имением, республиканца и, наконец, революционера. В эпилоге, так и оставшийся чуждым России умствующим полуевропейцем, Рудин бесславно погиб в революционном 1848 году на парижской баррикаде с «кривой и тупой саблей» в одной руке и красным знаменем – в другой.

В статье «Когда же придет настоящий день?», посвященной обзору общественно-политической ситуации в России шестидесятых годов, Н. А. Добролюбов на примере романа «Накануне» призвал «талантливых писателей-художников» «почувствовать и изобразить жизненную правду явлений» – обратиться к поиску героя нового умственного склада, перешедшего от общих философских рассуждений к радикальным способам преображения жизни.

Требования, адресованные историей патриархальной ментальности, восходили к петровским реформам, поставившим консервативное русское сознание перед необходимостью овладения западными технологиями во имя сохранения конфессиональной, государственной и культурной идентичности России. Послепетровский период ждал от русской классической литературы художественного воплощения такого характера, который воссоединил бы «маленького» и «лишнего» человека в целостной личности. Российская действительность побуждала маленького человека дорастать до социальной ответственности и мужественной гражданственности, не утрачивая при этом свойственной ему детской непосредственности. А лишнему человеку внушала необходимость отказаться от присущего ему высокомерия и избрать отвечающий его природным дарованиям род общественно-полезной деятельности. Александру Адуеву, Илье Обломову и Борису Райскому предстояло соединить обаяние детской

наивности с презрением к филистерскому самодовольству. Александру Адуеву – скорректировать свой инфантилизм деловитостью его дяди, Петра Ивановича Адуева. Илье Обломову – целенаправленным жизнестроительством отреагировать на призывы Андрея Штольца к социальной активности и возложить на себя ответственность за судьбу отвечающей ему взаимностью Ольги Ильинской. Императив личностного роста побуждал Бориса Райского отречься от дилетантских экспериментов и любовных увлечений, последовать аскетическому примеру живописца Кирилова и сосредоточиться на служении своей творческой судьбе – овладеть ремеслом живописца, скульптора, музыканта, исполнителя или прозаика, чтобы обрести, наконец, себя в отвоеванном у обломовщины профессионализме.

Эти прекраснодушные ожидания формировались в ответ на предвидение, что капиталистический путь развития разрушит нравственные устои аграрной русской культуры. Однако углубляющееся реалистическое мировидение И. А. Гончарова опровергало идеологизированную декабристскую, революционно-демократическую и народническую модель формирования русского европейца. Романные судьбы Адуева, Обломова и Райского подтвердили универсальные законы миметического искусства, согласно которым смысловое целое человеческой жизни складывается не в результате осуществления сознательного эмоционально-волевого проекта, а вследствие динамичного (конфликтного) сочетания условий рождения, воспитания, образования, психологического типа, профессионального окружения, культурных традиций и бытового уклада. Логика романных обстоятельств засвидетельствовала, что душевная неразвитость Александра Адуева обусловила его регрессию в инфантилизм; социальная незрелость обрекла Илью Обломова на преждевременную гибель от инсульта, а психологическая неспособность Бориса Райского к самоидентификации – на неискоренимый дилетантизм. В письме 21 августа 1866 года Гончаров разъяснял С. А. Никитенко свое понимание характера Райского: «Цель моя именно та, <…> чтоб представить русскую даровитую натуру, пропадающую даром бестолку – от разных обстоятельств. Это своего рода артистическая обломовщина» [Гончаров 1952, с. 366].

Райский увлекается живописью, музыкальным искусством, литературным творчеством, планирует со временем стать скульптором,

однако его обломовский «артистизм» не позволяет ему достичь самоотречения такого качества, которого строгое искусство всегда требовало от своих истинных адептов.

Проблемный герой Чехова

Если лишние и маленькие герои Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова и Достоевского страдальчески *претерпевают* проблемность своей жизни, герои Чехова *дорастают до ее осознания*.

Уже первая юношеская пьеса А. П. Чехова «Безотцовщина» (другие варианты титула – «Пьеса без названия» и «Платонов», 1878) засвидетельствовала интерес драматурга к структуре характера, поставленного перед неизбежностью труда самопознания. Итог интроспекции Платонова разрушает образ востребованного жизнью, критикой и авторской волей «позитивного героя». «Я негодяй, – исповедуется он перед женой Сашей, – я у друга жену отнял, я любовник Софьи, быть может, даже любовник и генеральши, я многоженец, большой мошенник с точки зрения семьи…». В отличие от Чацкого, Онегина, Печорина, Лаврецкого, Штольца, Платонов презирает пошлость не в других, а в самом себе.

Хотя в его исторической памяти живы аргументы словоохотливого Чацкого, легкомысленного Онегина, мстительного Печорина, безропотного Башмачкина, уязвленного Раскольникова, либерального Рудина, нигилиста Базарова, революционера Инсарова и других полусознательных выразителей мировоззрения дифференцированных русской историей социальных групп, ему не удается идентифицироваться ни с одним из них. Отделенный от них хронотопической дистанцией, он не может ни актуализировать их позицию, ни переработать выстраданный ими опыт в самостоятельное отношение к изменившейся реальности своего существования. Ему предстоит «преодолеть традицию» – сформировать перспективную гносеологическую модель, пригодную для познания «неизвестной цели» (К. Г. Юнг).

Поступки предшественников чеховских героев выполняли сюжетную функцию подтверждения неадекватности их жизненных проектов. Чацкому не удалось переломить негативное отношение к себе Софии. И хотя он покинул фамусовское общество с оскорбленным, но не сломленным чувством собственного достоинства, ему, как со временем

и декабристам, предстояло обогатить свою ментальность неучтенными социально-психологическими и культурно-историческими фактами.

Увлекшемуся замужней Татьяной Онегину выпало на долю испить всю горечь разочарования в своем поверхностном дендизме, не позволившем ему по достоинству оценить потенциал личностного роста, заложенный во внешне неприметном облике провинциальной дворянской девушки.

Печорина ждало испытание одиночеством в наказание за мстительный демонизм, жестоко восторжествовавший над недалеким Грушницким и наивной Мэри.

Родион Раскольников обрек себя на пожизненное искупление двойного убийства, совершенного им в надежде завершить в поступке спор, безысходность которого определялась неразрешимостью невротической природы претерпеваемого им конфликта между его идеальным (наполеоновским) и реальным (социальным) «я» и т. д. и т. п.

«Неизвестный» герой Чехова не нуждается в подобном опыте для диагностирования этиологии своей «усталости». Он заранее осведомлен и о неустойчивости своей психики, и о разочаровывающем результате адаптации к аморальной цивилизации. Название пьесы «Безотцовщина» свидетельствует о намерении Чехова выработать понятие, определяющее состояние «безосновности». Отрицательная свобода – свобода от заблуждений – выгодно отличает Платонова от его примитивного окружения и вызывает интерес ищущих его расположения женщин: «Неужели Софья на самом-таки деле любит меня? <…> За что? Как всё темно и странно на этом свете!» Преднамеренности тенденциозной критики, ждущей появления достоверно позитивного *героя*, Чехов отвечает непреднамеренным изображением *человека*, переживающего безосновность как универсальное условие человеческого существования.

Субъективно-объективный критерий сказанности

Художественное произведение обретает статус аподиктичности – всеобщности и необходимости – когда осознаваемый автором конфликт между его Ego и невротическим комплексом претворяется в архитектоническую форму произведения, сюжет которого, описывающий субъективную проблему автора, воссоздает коллективно бессознательную проблему его поколения. Субъективное переживание

сказанности нуждается в объективном подтверждении со стороны читателей, узнавших себя в судьбе героя.

Такого отождествления удалось добиться герою рассказа Т. Манна «Смерть в Венеции» Густаву Ашенбаху, установившему тайное сродство между судьбой автора и судьбой его поколения: «Густав Ашенбах был поэтом тех, кто работает на грани изнеможения, перегруженных, уже износившихся, но еще не рухнувших под бременем, всех этих моралистов действия… Их много, и они герои эпохи. Все они узнали себя в его творении (романном эпосе о героической жизни Фридриха Прусского. – *А. Б.*): в нем они были утверждены, возвышены, воспеты; и они умели быть благодарными и прославлять его имя».

Густав Ашенбах льстит физически и душевно расслабленным, но морально стойким творцам культуры. Чехов раскрывает перед читателями филистерскую подоплеку их надежд на обретение творческого и жизненного благополучия.

Первая редакция пьесы «Иванов», датируемая октябрем 1887 года, стала предварительным опытом отождествления судьбы героя с судьбой его поколения. Судя по тому, что год спустя драматург обратился к ее переработке, достигнутый результат не удовлетворил его ожиданий. Чехов искал форму самовыражения «утомленного человека» 80-х годов, принципиально отличавшегося от таких «типических» характеров, как лирический, демонический, маленький и лишний герой русской литературы XIX века.

Редукционизм и конструктивизм

Если редукционизм пытается объяснить неизвестное, сводя его к известному, конструктивный метод предполагает трансформацию гносеологической модели сознания для более адекватной перцепции изменившейся картины мира.

В письме А. С. Суворину 30 декабря 1888 года Чехов сетовал на консерватизм читательского восприятия: «Режиссер считает Иванова лишним человеком в тургеневском вкусе; Савина спрашивает: почему Иванов подлец? Вы пишете: “Иванову необходимо дать что-нибудь такое, из чего видно было бы, почему две женщины на него вешаются и почему он подлец, а доктор – великий человек”. Если вы трое так поняли меня, то это значит, что мой “Иванов” никуда не годится. <…> Если Иванов выходит у меня подлецом или лишним человеком,

а доктор великим человеком, если непонятно, почему Сарра и Саша любят Иванова, то, очевидно, пьеса моя не вытанцевалась и о постановке ее не может быть и речи» [Чехов 1976, с. 108].

Для Чехова одобрение современников послужило бы констатацией успеха в изображении героя, в котором мыслящие и страдающие представители его поколения узнавали бы самих себя. Драматург был знаком с механизмом спонтанного редукционизма: Исаак Венгерович, «сын богатого еврея», воспринимает задиристого Платонова по аналогии с грибоедовским Чацким: «Я изучаю на вас современных Чацких…»

Неспособность вжиться в новаторское содержание конструктивного образа обнажила редукционизм режиссерского, актерского и читательского восприятия, отождествившего Иванова с литературными героями минувших эпох – ричардсоновским Ловеласом, лишним человеком Тургенева, демоническим героем Лермонтова, а доктора Львова – с почвенником Разумихиным, адептом «теории малых дел».

Невосприимчивость критики объяснялась новым качеством проблемности чеховского героя. Презумпция всевластной автономии социально-психических комплексов рассеивала целеустремленность его витального порыва. Отказываясь от просветительских протагонистов как рупоров авторских идей, Чехов последовательно опускал, сокращал, а затем пародийно стилизовал их разъясняющие, убеждающие и перевоспитывающие монологи – освобождал сценическое слово от свойственной ему риторической функции.

Автор «Лешего» (1890) еще пребывает во власти нравоучительной дидактики Л. Н. Толстого – автора пьес «Власть Тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп», «И свет во тьме светит». Толстовское влияние наглядно проявляется в исповедальном пафосе четвертого действия, призывающего всех участников жизненной драмы к искупительному покаянию. Лишь интеллектуальный снобизм профессора Серебрякова отвергает непротивленчество Орловского как «туземную философию»: «Ты советуешь мне прощения просить. За что? Пусть у меня прощения попросят!» Как комедия Толстого «Плоды просвещения» разрешается женитьбой «буфетного мужика» Семёна на горничной Тане, так развязка «Лешего» отдает дань традиционным завершающим концовкам европейской и русской комедии XVIII–XIX века, увенчиваясь двойным бракосочетанием и супружеским примире-

нием: Хрущов женится на Соне, Федор Иванович – на Юле, а Елена Андреевна воссоединяется с мужем.

В комедии «Леший» роль потерявшегося героя отводится Егору Войницкому, казнящему себя самоубийством. В «Дяде Ване» трансформация мазохизма Ивана Войницкого в садизм по отношению к профессору Серебрякову наивна: как можно спорить с бытием, обрамляющим и истца, и ответчика? Непостижим и итог конфликтующих в душе Войницкого сил. Истерические аффекты проблемных чеховских героев свидетельствуют не о «понижении их ментального уровня» (abaissement du niveau mental, Пьер Жане), а о реакции их сознания на вторжение событий, внутренняя диалектика которых требует замены понятия причины понятием комплекса условий: редукционизма – кондиционализмом. Значимые опущения эпизодов и фрагментов текста, а также сокращение числа персонажей мотивируются эволюцией Чехова от эксплицитной драматургии к имплицитной. В комедии «Леший» 13 действующих лиц. В «Дяде Ване» всего девять.

Фабульное содержание и сюжетная форма

Авторская перцепция одухотворяет эмпирическое (фабульное) событие, облекая его в эксплицитную (сюжетную) форму. Сопоставление пьес «Живой труп» Л. Н. Толстого и «Трех сестер» А. П. Чехова (обе написаны в 1900 г.) иллюстрирует принципиальное отличие двух выдающихся драматургов в способах построения сценических диалогов.

Если рассеянность героев Чехова обусловливается завороженностью обступившими их жизненными проблемами, герои пьес Л. Н. Толстого – старшего современника Антона Павловича – производят впечатление добросовестных студентов, сосредоточенно отвечающих на вопросы экзаменатора. Они устанавливают смысловое тождество между *означающим* (высказыванием) и *означаемым* (темой обсуждения). Не обрывая нити диалога, они устраняют из своих реплик свободные ассоциации как *внелитературные факты*. Герои Чехова, напротив, преобразуют в *литературные факты* рассеянность, выступающую следствием их интровертной погруженности в хаотическую флуктуацию неразрешимых вопросов.

Толстой строго соблюдает требования актуального членения – *тематико-рематическую* последовательность предложений, не допускающих логических и синтаксических сбоев, неизбежно

вторгающихся в живую спонтанную речь. В сценическом диалоге Толстого преобладает *цепной тип синтаксической связи* с сегментными показателями: тема следующего предложения морфологически и семантически актуализирует рему предыдущего.

Рассмотрим пример из пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп», в котором Анна Павловна, мать Лизы, просит влюбленного в ее дочь Виктора Михайловича Каренина убедить Федю Протасова в необходимости безотлагательного развода с женой.

Каренин. Да, вот где десять раз примерь, а раз отрежь. Резать по живому очень трудно (рема).

Анна Павловна. Разумеется, трудно (тема). Но ведь их брак уже давно был надрезан. Так что разорвать было менее трудно, чем кажется. Он сам понимает, что после всего, что было, ему уже самому нельзя вернуться (рема).

Каренин. Отчего же? (тема).

Анна Павловна. Ну как же вы хотите после всех его гадостей, после того, как он клялся, что этого не будет и что если будет, то он сам лишает себя всех прав мужа и дает ей полную свободу? (рема).

Каренин. Да, но какая же может быть свобода (тема) женщины, связанной браком? (рема).

Анна Павловна. Развод (тема). Он обещал развод, и мы настоим (рема).

Принципиально иначе строит сценический диалог Чехов. Автономный невротический комплекс втягивает в свою орбиту всех идеологически значимых чеховских героев. Они слышат в пол-уха, реплицирует вполголоса. Преследуемые неразрешимыми вопросами, они не в состоянии поддерживать тему разговора: «Ни общих интересов, ни солидарности <…> Каждый живет врозь», – обобщает акцизный чиновник Косых из драмы «Иванов». Не контролируемое ими душевное состояние поминутно разрывает коммуникативную ткань, и им приходится прилагать усилия, чтобы не покидать зону межличностного общения. Их реплики звучат откликами не на высказывания собеседников, а на спонтанно протекающие в них динамические процессы. Ситуативно-ассоциативная синтагматика чеховских пьес не нуждается в сегментных показателях связи.

В пьесе «Три сестры» объяснение Маше в любви помогает Вершинину вытеснить тягостное воспоминание об очередной ссоре с женой.

Маша понимает это и не воспринимает признание Вершинина как адресованное ей прямое монологическое высказывание:

В е р ш и н и н. Не сердитесь на меня. Кроме вас одной, у меня нет никого, никого…

Пауза.

М а ш а. Какой шум в печке. У нас незадолго до смерти отца гудело в трубе. Вот точно так.

В е р ш и н и н. Вы с предрассудками?

М а ш а. Да.

В е р ш и н и н. Странно это. (*Целует ей руку.*) Вы великолепная, чудная женщина. Великолепная, чудная! Здесь темно, но я вижу блеск ваших глаз.

М а ш а (*садится на другой стул*). Здесь светлей…

В е р ш и н и н. Я люблю, люблю, люблю… Люблю ваши глаза, ваши движения, которые мне снятся… Великолепная, чудная женщина!

М а ш а (*тихо смеясь*). Когда вы говорите со мной так, то я почему-то смеюсь, хотя мне страшно. Не повторяйте, прошу вас… (*Вполголоса.*) А впрочем, говорите, мне всё равно… (*Закрывает лицо руками.*) Мне все равно. Сюда идут, говорите о чем-нибудь другом…

Любовная риторика Вершинина не находит в Маше *непосредственного* эмоционального и словесного отклика. Ее реакция *опосредуется* пониманием неопределенности ее положения в складывающихся обстоятельствах. Не мотивированная сюжетом разговора и не получающая эксплицитного развития ассоциативно возникшая тема «предрассудка» разрушает жанр «любовного признания». «Тихим» невротическим смехом Маша реагирует на неотличимый от отчаяния «любовный порыв» Вершинина. Эмоционально-ассоциативная последовательность предложений разрушает цепной тип синтаксической связи. Выверенная грамматология толстовской драматургии прерывается логическими и синтаксическими сбоями, порождаемыми внутренними диалогами героев Чехова с самими собой.

Эволюция чеховской драматургии

Проблематизирующееся сознание Чехова обусловливает эволюцию *сатирической* объективации событий его ранних произведений к *натуралистической* в духе Г. Гауптмана. Жанр драмы позволяет автору реализовывать свою ценностную позицию посредством

композиционной формы (фабулы), но лишает его возможности вербального (сюжетного) самовыражения. Беспристрастность автора проявляется в уклонении от сюжетной экспликации угнетающих героев проблем.

В сравнении с немногословными персонажами «Дяди Вани» действующие лица «Лешего» навязчиво говорливы. Их велеречивость обусловливается надеждой, что, высказавшись, они снимут не отпускающее их эмоциональное напряжение. Однако психотерапевтический эффект свободных ассоциаций не срабатывает: им не удается достичь анагнорисиса и пережить катарсическое облегчение. Аналитический потенциал чеховских героев пасует перед вселенским масштабом конфликта, травмирующим психику не единичного человека, а целого поколения. «Разрывающий» их души комплекс превращает их сознание в «несчастное». Однако на этапе перехода в «возмущенное» диалектический процесс личностного становления затормаживается. «Возмущенное» сознание не трансформируется в «революционное», снимающее антагонизм тезы и антитезы в диалектическом синтезе. Отказ Чехова от катарсического разрешения обусловливается пониманием, что в контексте актуальной проблемности любая «благополучная» концовка диагностирует наивность надежд на возможность «прекрасного мгновения» самоактуализации. Подобно Гёте, автору трагедии «Фауст», Чехов, разбираясь с проблемой своей жизни, одновременно решал и проблему общечеловеческого инфантилизма. Чехов последовательно освобождался от экстатической штюрмерской патетики, эмоционально подпитывавшей драмы Шиллера, чтобы спародировать ее в рассказе «Драма» (1887) и окончательно преодолеть в пьесе «Дядя Ваня». Эволюция чеховской драматургии направлялась возраставшим интересом драматурга к кондиционализму (от *лат*. conditio) – изучению комплекса условий, переводящих неизреченную сложность жизни в *подтекст*, который К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко называли «подводным течением».

Первая сцена первого акта пьесы «Три сестры» может служить иллюстрацией такого «интертекстуального диалога». Колоннада разделяет сцену на гостиную и большой зал. В гостиной Ольга адресует сестрам взволнованный, исполненный призрачных надежд монолог:

Ольга. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад, и я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору, в Москве

уже всё в цвету, тепло, всё залито солнцем. Одиннадцать лет прошло, а я помню там все, как будто выехали вчера. Боже мой! Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно.

Параллельно в зале около стола ведут свою беседу барон Тузенбах, Чебутыкин и Соленый. Их громкие отрывочные реплики опровергают ностальгические упования Ольги:

Чебутыкин. Черта с два!
Тузенбах. Конечно, вздор.

Два смежных разговора непреднамеренно воспроизводят имплицитную логику конфликта, порождаемого спонтанным взаимодействием автономных психических функций.

В «Дяде Ване» настоятельно жаждало сказаться откровение греховности инфантильных иллюзий. За экстраполяцию циклических природных процессов на необратимость линейной истории Войницкому пришлось расплатиться синдромом «непрожитой жизни». Вместо того, чтобы направить на себя острие самокритики, дядя Ваня вознамерился отомстить затерявшемуся в университетском прошлом Серебрякову. Отставной профессор продолжал изучать эволюцию реализма в натурализм в эпоху уже наступившего символизма, перевернувшего очередную страницу литературной истории.

Окончательная редакция пьесы «Дядя Ваня. Сцены из деревенской жизни в четырех действиях» (1896) прояснила причины своеволия не пожелавших «сказаться» пьес «Иванов» (1889) и «Леший» (1890). Их неудача объяснялась редукционистским подходом драматурга к событиям, требовавшим кондиционалистского подхода. Системное изучение причин жизненной драмы Войницкого побудило Чехова не только отказать дяде Ване в праве на самоубийство, но и не позволить ему стать убийцей Серебрякова. Жизнь вплотную приблизила Войницкого к необходимости признать иллюзорность своих инфантильных проектов и понять, что подлинная самоидентификация достижима лишь в повседневном творческом труде.

В о й н и ц к и й *(Соне, проведя рукой по ее волосам)*. Дитя мое, как мне тяжело! О, если бы ты знала, как мне тяжело!
С о н я. Что же делать, надо жить!

В образе Ивана Войницкого маленький человек, призванный к изживанию своего инфантилизма, встретился с лишним человеком, нарабатывающим навыки социально-психологической интроспекции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1952. [Goncharov, I. A. (1952). Sobr. soch. (Op.): in 8 vols. T. 8. Moscow: Goslitizdat. (In Russ.)].

Набоков В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1999. URL: https://libking.ru/books/sci-/sci-culture/161746-65-vladimir-nabokov-lektsii-po-russkoy-literature.html#book. [Nabokov, V. (1999). (Lectures on Russian literature). Moscow: Nezavisimaya gazeta. https://libking.ru/books/sci-/sci-culture/161746-65-vladimir-nabokov-lektsii-po-russkoy-literature.html#book. (In Russ.)].

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 9. Письма. М.: Наука, 1982. [Turgenev, I. S. (1982). Polnoe sobranie sochinenij i pisem. (Complete collection op. and letters): in 30 vols. T. 9. Letters. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1952. [Goncharov, I. A. (1952). Sobranie sochinenij. (Op.): in 8 vols. T. 8. Moscow: Goslitizdat. (In Russ.)].

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Статьи 1858—1859 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. [Chernyshevskiy, N. G. (1950). Polnoe sobranie sochinenij. (Complete collection op.): in 15 vols. T. 5. Articles 1858–1859. Moscow: State Publishing House of Fiction. (In Russ.)].

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 3. Письма. М.: Наука, 1976. [Chekhov, A. P. (1976). Polnoe sobranie sochinenij i pisem. (Complete collection op. and letters): in 30 vols. T. 3. Letters. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

УДК 82.091

С. П. Толкачев

доктор филологических наук; профессор кафедры отечественной
и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: stolkachov@yandex.ru

«МЕТАФИЗИКА ПРИСУТСТВИЯ»: ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ РОМАНА А. ГОША «КАЛЬКУТТСКАЯ ХРОМОСОМА»

В статье рассматриваются вопросы мультикультурной литературы и, в частности, особенности жанра современного постколониального научно-фантастического романа на примере произведения современного американского писателя индийского происхождения Амитава Гоша «Калькуттская хромосома», в котором автор пытается решить важную философскую проблему: является ли абсолютным универсализм современного знания. Особый акцент сделан на крайне сложной жанровой природе произведения А. Гоша, которое можно охарактеризовать как роман-«трикстер», или роман-палимпсест.

Ключевые слова: мультикультурализм; постколониальная литература; трикстер; палимпсест; философия науки.

S. P. Tolkachev

Advanced Doctor (Dr. habil), Professor, Department of Russian
and Foreign Literature, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: stolkachov@yandex.ru

"THE METAPHYSICS OF PRESENCE": THE PHILOSOPHICAL CONTEXT OF A. GHOSH'S NOVEL "THE CALCUTTA CHROMOSOME"

The article touches upon the issues of multicultural literature and, in particular, the features of the genre of modern postcolonial science fiction novel on the example of literary piece "Calcutta Chromosome" by Amitav Ghosh, the modern American writer of Indian origin. A. Ghosh tries to solve an important problem for the modern history and philosophy of science: whether the universalism of modern knowledge is absolute. Special emphasis is made on the extremely complex genre nature of the work of A. Gosh, which can be described as a novel-"trickster" and a novel-palimpsest, which corresponds to a deep philosophical context associated, among other things, with the problems of the colonial and post-colonial eras.

Key words: multiculturalism; postcolonial literature; trickster; palimpsest; philosophy of science.

CC BY

Введение

Роман «Калькуттская хромосома» («The Calcutta Chromosome») (1995) американского писателя индийского происхождения Амитава Гоша[1], автора, чьи произведения исследователи относят к постколониальной литературе, привлекает глубоким философским контекстом, превосходной стилистикой и увлекательным научно-фантастическим сюжетом. Тем не менее по мере прочтения и анализа произведение раскрывает свою гротескную природу, превращаясь в своего рода роман-«трикстер», который словно обманывает читателя, заигрывает с ним, демонстрируя свою оборотническую природу.

В романе обыгрывается мифологема, согласно которой вирус малярии, так называемая плазмодия, и, соответственно, лекарство против малярии были открыты не в XX веке официальной западной наукой, а гораздо раньше. Совершила открытие некая полуподпольная квазинаучная группа индийских ученых, секреты знаний которых уходят в глубины тысячелетней аюрведической премудрости. Напряженный фантастический сюжет с элементами детективного повествования, в конце концов, обретает более широкий философский контекст, ибо выясняется, что современные последователи индийской квазинауки, которая, по мнению автора, не менее объективна и истинна, чем западная, верят, что познание сути вещей приводит к изменению их природы, поскольку, когда «вещь в себе» познается, она под воздействием наблюдателя меняет свою природу (основополагающий для квантовой физики принцип неопределенности В. Гейзенберга, открытый в первые десятилетия XX в.). Такой разворот авторской мысли заставляет нас говорить о «Калькуттской хромосоме» как о произведении скорее философском, нежели развлекательном, написанном

[1] Современный писатель, пишущий на английском языке (род. 1956 г.). Получил образование в Делийском университете, позднее учился в Оксфорде, где получил степень доктора социальной антропологии. Гош работал в газете «The Indian Express», преподавал в университете Нью-Йорка, а с 2005 г. – в Гарвардском университете. В 2009 г. А. Гош был избран членом Королевского литературного общества. Первый роман А. Гоша, «The Circle of Reason», был опубликован в 1986 г. Он был удостоен премии Медичи 1990 года (за лучшее иностранное произведение). За роман «Калькуттская хромосома» (1995) Гош получил премию Артура Кларка. Писатель стал еще более известным после выхода в 2008 г. романа «Маковое море» – первой части трилогии «Ибис», посвященной колониальной истории Индии. В 2008 г. этот роман попал в шорт-лист Букеровской премии. Амитав Гош известен также как автор статей на литературные, исторические и общественно-политические темы.

в жанре фантастического романа с элементами детектива. В то же время обращение американского писателя индийского происхождения к философии человеческого познания, к онтологическим проблемам, способствует более глубокой трактовке постколониального контекста «Калькуттской хромосомы».

«Молчание и правда»: философия восточной науки

Сюжет романа сосредоточен вокруг тайны открытия плазмодии, переносимой самкой малярийного комара, английским ученым Рональдом Россом (1857–1938), проживавшим в колониальной Индии и получившим за свое открытие Нобелевскую премию в 1902 году.

Историки медицинской науки в свое время заметили, что чрезвычайно большую ценность представляют дневниковые записки Р. Росса – в высшей степени интересный отчет о событиях, которые привели его к открытию. Когда А. Гош проводил свои литературные изыскания, он обратил внимание на то, что у Росса было немало ссылок на ближайшее окружение, в том числе на индийского слугу по имени Лачман, через которого осуществлялись почти все знакомства Росса в Индии.

Расследование в «настоящем», примерно во второй половине XX века, ведет некий историк-архивариус Муруган, параллельное повествование которого о Рональде Россе становится попыткой вернуться в прошлое колониальной эпохи и рассмотреть тайну открытия английского ученого через призму некоего таинственного влияния, которое оказывал на Росса его ближайшее индийское окружение – представители народа, которого в современной постколониальной теории приято называть «субальтернами» – насильно покоренными и лишенными права голоса людьми.

Любопытно, что в подлинных дневниках Росса, которые он вел всю жизнь, содержатся свидетельства того, что ученый проводил эксперименты по поиску секрета малярийной плазмодии над ничего не подозревающими индийцами, в частности над вышеупомянутым Лачманом. Прибегая к приему травестии исторического сюжета, А. Гош через ведущего расследование Муругана строит свою беллетристическую версию событий, утверждая, что использовали наоборот Росса: «Он думал, что проводит опыты с малярийным паразитом, а на самом деле ученый сам являлся объектом эксперимента»[1] [Ghosh 1995, с. 78].

[1] Здесь и далее перевод наш – *С. Т.*

Такая постановка вопроса словно поворачивает вспять само направление научного познания и подтверждает так называемые диффузионнистские[1] взгляды на природу научного открытия, в соответствии с которыми знание путешествует между культурами независимо от уровня развития цивилизации. Осуществляя свой художественный замысел, А. Гош пытается показать, что наука может распространяться и побочными путями, по которым способны пройти свой собственный путь представители порабощенных народов (или субальтерны), не имевшие в прошлом права на мнение. Такая идейная позиция ставит под сомнение саму природу научного открытия, поскольку становится ясно: в кулуарах западной науки замалчивается факт того, что, например, колониальные ученые могли полагаться на свои собственные не менее оригинальные системы знаний и что научное познание меньше всего можно назвать однонаправленным процессом, и в гораздо большей степени оно представляло собой диалог, взаимодействие, взаимозависимость ученых Запада и Востока.

Главная смысловая трансформация в «Калькуттской хромосоме» связана с вопросом о природе открытия, которое может исходить не от цивилизованного Запада. В этой связи примечательно географическое измерение романа, в котором местом научного открытия становится Калькутта, а не Нью-Йорк, Лондон, Оксфорд или Париж и т. д. Действительно, в соответствии с тактикой Муругана, если изыскания Р. Росса действительно направляются таинственной хранительницей древнего культа Мангалой и ее идолопоклонниками-субальтернами, тогда родина научного знания, по крайней мере в данном случае, находится не на Западе, а в Индии.

Вторая сюжетная трансформация, параллельная первой – социальная и культурная. Смысл ее состоит в передаче права на научный

[1] Главным фактором развития культуры народа является восприятие этим народом культурных достижений других народов, то есть через смешение, перенос и заимствование элементов культур. Диффузионизм отрицает существование стадий развития культур и наличие смысла в изучении эволюции отдельных элементов культур. Каждый элемент культуры имеет географическую привязку и возникает лишь однажды в одном регионе (культурный круг, культурная провинция) и из него отдельно или вместе с другими элементами культурного круга (провинции) распространяется по всей Земле. Культура (или отдельные элементы культуры) распространяется либо вместе с людьми, либо посредством контактов и взаимодействия разных народов. Именно распространение культур и их элементов должна изучать этнография (этнология).

авторитет от британцев индийцам, от элиты – субальтернам. Беллетризация мемуаров Р. Росса с привнесением элементов вымысла – ключевая в этом отношении стратегия А. Гоша. В своих дневниках Р. Росс неоднократно пишет с чувством бессильной ярости о политических и бюрократических препонах, чинимых на его пути к открытию британско-индийским колониальным государством. Причиной тому являлась господствующая в колониальном пространстве идеология, согласно которой для завоеванной страны достаточно одной лишь «прикладной» науки, а на фундаментальные исследования тратиться не стоит в силу второсортности покоренного народа, на который метрополия смотрела сверху вниз. Известно, что англичане действительно не были готовы к тому, чтобы вложить какие-либо большие деньги в научные исследования в Индии, которые, по их мнению, могли быть полезными только в самой отдаленной перспективе, а в момент их правления казались абсолютно нецелесообразными, хотя речь шла о здоровье целой нации, в отношении которой они осуществляли политику «ноши белого человека».

Пока же речь идет о реальном открытии ученого-одиночки Рональда Росса, предпринимающего героические усилия в борьбе против несправедливости, хотя в «Калькуттской хромосоме» делается попытка поставить этот вопрос и в иной плоскости. Суть повторяющегося мотива о «неких препятствиях» со стороны официальных властей, о враждебности, направленной против героизма ученого-одиночки, состоит в том, чтобы доказать ценность и мужество гения перед лицом социальных, официальных и бюрократических барьеров. Таким образом, на фоне мощной империи с ее огромной властью, фигура Рональда Росса превращается из простого рыцаря – служителя науки – в личность, которой придается оттенок величия и легендарности, и которая волей-неволей оказывается в «отсутствующем» центре повествования.

Помимо вышесказанного в романе А. Гоша намечен и еще один путь трансформации колониального и постколониального дискурсов – эпистемологический, ставящий под сомнение ценности современной научной мысли. Писатель своей творческой волей не просто хочет заменить современное знание на некое «иное». Вместо этого А. Гош признает более глубокую точку зрения на то, что универсализм современного знания обосновывается его монопольным требованием

«адекватной», или законной, истины – все другие «виды знания» при этом не могут считаться допустимыми.

Писательская стратегия А. Гоша заставляет вспомнить идеи Ж. Деррида [Деррида 2012], который считал, что, основываясь только на мифологии, невозможно создать альтернативу господствующей логике западной философии. Эта логика, как считал Ж. Деррида, базируется на «метафизике присутствия» – вере в то, что значение можно постичь, потому что оно «присутствует» в языке. Язык таким образом рассматривается как стабильная и прозрачная система репрезентации, которая беспрепятственно рождает смыслы в процессе человеческого общения. Эта же метафизика, по его мнению, лежит и в основе научного эмпирического знания. Согласно ей, например, считается, что опыт может быть переведен в знание средствами устойчивого и прозрачного языка. Точка зрения Ж. Деррида состоит в том, что «значение» и «правда» опыта никогда не могут быть явлены нам, потому что язык при этом должен быть обязательным посредником между «значением» и «правдой» опыта и нами. Но как раз язык-то и является нестабильным, предрасположенным к множественности смыслов феноменом. Другими словами, знание никогда не может представлять правду, если его озвучивать средствами такого ненадежного средства как человеческий язык. Более того, с точки зрения Муругана, «познание вещей приводит к их изменению» [Ghosh 1995, с. 103]. Следовательно, позиция А. Гоша, по всей видимости, состоит в том, что писатель отрицает любую попытку построить систему ценностей колонизированного субъекта как «присутствие», поскольку она влечет за собой знание и, следовательно, система ценностей, будучи познанной, изменится и больше не будет отражать истинные ценности субальтерна. Вследствие этого, для того, чтобы не повторять колониальные претензии, А. Гош должен найти средства отображения дискурса квазинауки как знания, которое не может быть полностью явлено человечеству. Сначала это означает, что «процесс познания не может начаться без констатации невозможности знания» [там же, с. 103]. Эта достаточно парадоксальная точка зрения является своего рода прозрением, которое позволяет А. Гошу заявить, что в «Калькуттской хромосоме» ставится невыполнимая задача: попытка показать в этом произведении сущность и ценности насильственно покоренной личности невозможна, и не существует средств изобразить «чистую»

альтернативу современной официальной науке. Действительно, трудно дать определение самому понятию «чистого знания» – современного или колониальной эпохи. Ведь, как и Р. Росс зависит, не сознавая этого, от квазинаучного культа, так и представители последнего тоже зависят от открытий Росса. Таким образом, писатель в своем произведении подводит нас к выводу лишь о возможности «чистого» знания при условии того, что «существует некий абсолютный момент совершенного открытия, когда личность, совершающая это открытие, словно совпадает с тем, что открывается ей в результате прозрения» [Ghosh 1995, с. 306]. Если это так, тогда цель такой квазинауки – не спасение колониального знания, которое невозможно, а скорее деконструкция мифа о науке, которая основывает свои претензии на абсолютную истину на самом понятии «открытия», но которое, как показано в романе, принципиально невозможно. Действительно, финал романа показывает, что такие претензии совсем не основываются на научном познании, потому что единственный совершенный момент открытия – это момент откровения. Научный дискурс, таким образом, как показано в «Калькуттской хромосоме», основывается не только на Разуме, но также и на вере в метафизику присутствия.

Роман А. Гоша использует стратегию, при которой колониальное знание, все «досовременные» и незападные формы веры, предрассудков, мифа и религии, которые были дистанцированы от современного «знания» – выявляются (но не изображаются) как, по сути своей, данность, запрятанная в закоулках человеческого Разума. Такая мысль не может не вызвать тревогу по поводу утраты ясности различия между современной наукой и ее призрачными двойниками в виде квазинаучных данных. Отсюда темы оккультизма и гностицизма, которые проходят через весь роман «Калькуттская хромосома». Гностицизм просматривается в темах манихейских дуальностей, признающих существование «материи и антиматерии, пространства и антипространства… Христа и Антихриста… науки и квазинауки» [там же, с. 103], а также в ссылках на валентинианскую космологию[1], в которой

[1] Валентинова система, стоящая во главе египетского типа гностики, обстоятельно излагается в древнейшем и важнейшем источнике для изучения гностицизма – у Иринея Лионского. В основе системы – общегностическая идея абсолютной полноты вечного бытия или мира эонов, из которого происходит и к которому возвращается всё способное к восприятию истины.

«верховными божествами являются Бездна и Молчание, одно из них как мужское начало, другое – женское, одно представляющее Разум, другое – Правду» [Ghosh 1995, с. 213]. Обратим внимание на то, что Молчание ассоциируется здесь с женским началом, а Правда, конечно же, в силу того, что наука представлена Р. Россом, – с мужским. Таинственная жрица Мангалы олицетворяет квазинауку, то есть правду, с точки зрения субальтерна, и эта квазинаука является аллюзией на гностицизм и на веру в существование гнозиса – особого духовного познания, доступного только сознанию просветленных. Это знание заполняет Вселенную, и источником его, как утверждали гностики, является Демиург[1], а за пределами разума находится «истинный Создатель», сущность которого непознаваема. Признавая таким образом, что правда находится за пределами знания, А. Гош использует религиозный регистр для того, чтобы лимитировать научный рационализм.

Как отметил западный исследователь Дж. Клиффорд, западная наука исключила определенные выразительные средства из своего законного репертуара, а именно, – научную риторику во имя простых (или точнее «упрощенных»), прозрачных значений, фантазию во имя факта, субъективность во имя объективности. Качества, которые были вычеркнуты и перемещены в топос литературы, и в этом произведении Гош наконец останавливается на главных функциях фантазии и ее взаимосвязи со знанием [Clifford 1986].

Другая исследовательница, К. Чеймберс, полагает, что роман «Калькуттская хромосома» словно «играет» с понятием «научная фантастика», не только через посредство художественного переосмысления жизни ученых, но также «через игровой поворот, который, по всей видимости, сводится в романе к мысли о том, что претензии науки представляются А. Гошу во многом явно беллетристическими»

[1] Демиург в гностицизме является одной из ключевых фигур. Правая рука Создателя бессмертных душ, неспособный понять любовь. Стремится показать, что может создать лучший мир, чем Первый Бог. Демиург создает материю и заключает души в материальных телах. Его незавершенность считается причиной всех бед и несовершенств мира. Несовершенный дух-творец мира, «злое» начало, в отличие от Бога, «доброго» начала. В гностических текстах – как ранних (Апокриф Иоанна), так и в поздних (Пистис София) обозначался именем Ялдабаоф (Иалдабаоф); происходил от эона Софии, возжелавшего творить без духовной половины, что привело к появлению Демиурга. В гностических учениях Демиург воспринимался как злой бог, сотворивший несовершенный и греховный материальный мир. Как правило, отождествлялся с Ветхозаветным Яхве, иногда с Сатаной.

[Chambers 2003]. В самом деле, можно развить эту мысль далее и показать, как дискурс научного рационализма может рассматривать в качестве «фикции», выдумки, в значении латинского корня этого слова *fingere* (*придавать вид*, *форму чему-либо*). Поскольку придание формы научному эмпиризму, по А. Гошу, базируется на «беллетристике открытия», которую это произведение и деконструирует, писатель показывает не только, что «совершенный момент открытия» невозможен, но также и то, что беллетристическая кульминация романа – переход главного героя-рассказчика Антара в иное измерение – итог искусно выстроенного сюжета. Иными словами, писатель пытается донести до нас свою мысль о том, что только в научно-фантастическом романе можно показать совершенный в беллетристическом смысле момент открытия. Идеология науки, которая таится в любом открытии как варианте власти, не признает, что открытие является не естественным результатом, в частности, и культурного развития, а «подготовленным», «сформированным» заранее, а, следовательно, по мнению писателя, такая идеология является лицемерием и лжеистиной.

В связи с наложением большого количества временных и пространственных пластов роман «Калькуттская хромосома» предстает перед нами еще и в виде романа-палимпсеста, в котором как в сложно устроенном многомерном зеркале двоятся множественные исторические события, связанные с колониализмом, для которого постколониальное становится искаженным отражением, поскольку травма субальтерна не может до конца быть изжита. Частью такого палимпсеста становится нью-йоркский многоквартирный дом, в котором расположена комната одного из главных героев – Антара. Этот дом – своего рода метафора многочисленных исторических маршрутов, поскольку его постоянно «захлестывают противоположно направленные волны мигрантов – въезжающих и выезжающих» [Ghosh 1995, с. 16]. Более того, и композиция романа тоже тяготеет к палимпсесту. За фигурами таинственных персонажей Роменом Хальдаром и госпожой Аратуниан, живущими в «современном мире» 1990-х годов, скрываются не менее таинственные их двойники Лачман и Мангала, современники Рональда Росса, жившие в конце позапрошлого века. Тайна этих двойников так и остается не раскрытой, хотя в романе содержатся многочисленные намеки на то, что Мангала и Лачман овладели секретом бессмертия

и способностью переселяться в новые, молодые тела и представать как Мельмот-скиталец или Вечный жид перед людьми разных эпох. Малярийная плазмодия и ее калькуттская хромосома открыли перед ними возможности метампсихоза, что, в свою очередь, сообразно понятию палимпсеста в смысле написания картины одной человеческой судьбы поверх другой. И точно также, как Мангала скрывается внутри тела госпожи Аратуниан, малярийная плазмодия «скрывается, меняя свой облик, внутри своей маскировочной белковой оболочки. К тому моменту, когда иммунная система организма начинает распознавать угрозу, вирус успевает немного изменить свой внешний облик с тем, чтобы начать новый виток выживания» [Ghosh 1995, с. 250]. Не зря один персонаж в романе говорит: «Всё в мире – совсем не то, чем кажется – призрак настоящего и ничего больше» [там же, с. 153].

Заключение

Таким образом, посредством использования целого набора сложных повествовательных техник Амитав Гош ставит под вопрос культурную нейтральность науки и современных технологий. Общеизвестно, что под видом объективного знания в истории человечества часто за истину в последней инстанции выдавался западный научный дискурс в его европоцентристском варианте. Автор романа пытается силой своей художественной мысли опровергнуть сложившуюся традицию истории науки и в подтексте «Калькуттской хромосомы» выдвигает идею о том, что естествознание, являясь разновидностью культуры, может постигать глубины мироздания гораздо глубже и точнее (а иногда и раньше), двигаясь не только путем западной науки. И делает это Амитав Гош, используя прием игрового «мерцания» жанровой природы своего романа, уводя от однозначных трактовок и устоявшихся академических характеристик, сложившихся в литературоведении, что в очередной раз заставляет говорить о неисчерпаемости повествовательных форм, которые рождаются в творческой лаборатории талантливых писателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академический проект, 2012. [Derrida, Zh. (2012). *Polja filosofii.* (The Fields of

Philosophy), transl. from French by D. Kralechkina. M.: Akademicheskij proekt. (In Russ.)].

Chambers C. Postcolonial Science Fiction: Amitav Gosh's "The Calcutta Chromosome" // Journal of Commonwealth Literature. 2003. Vol. 38:1. Pp. 57–72.

Clifford J. Introduction: Partial Truths // Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley: University of California Press, 1986. P. 1–26.

Ghosh A. The Calcutta Chromosome. L.: Picador, 1995. 309 p.

УДК 008

В. А. Тёмкин, И. А. Подольская

Тёмкин В. А., кандидат исторических наук,
доцент кафедры мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vitem222@mail.ru

Подольская И. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры французского языка МГИМО (У) МИД России;
e-mail: irinapodolskaya@yandex.ru

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА В ОБРАЗАХ ИСКУССТВА

В статье рассматривается важнейший компонент культуры западноевропейского Средневековья – христианское паломничество. Особое внимание уделяется паломничеству в Сантьяго де Компостела, получившему широкое распространение начиная с XI в. Образ покровителя паломников, апостола Иакова Старшего, хорошо представлен в европейском искусстве в разных ипостасях – христианского просветителя, паломника и воина. В произведениях средневекового искусства запечатлен также образ самих паломников, что позволяет конкретизировать современные представления о явлении паломничества.

Ключевые слова: средневековое христианское паломничество; западноевропейское искусство; образ апостола Иакова Старшего; образ паломника.

V. A. Tyomkin, I. A. Podolskaya

Tyomkin V. A., Ph D (History), Associate Professor
at the Department of World Culture of the Institute of Humanities and Applied Studies, Moscow State Linguistic University; e-mail: vitem222@mail.ru

Podolskaya I. A., Ph D (Philology), Associate Professor
at the Department of the French Language of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); e-mail: irinapodolskaya@yandex.ru

CULTURE OF MEDIEVAL PILGRIMAGE IN ART IMAGES

The article treats such an important phenomenon of the Western European medieval culture as the Christian pilgrimage. Since the XI century one of its most known centers becomes Santiago de Compostela. The image of the patron of the

CC BY

pilgrims, apostle Saint James the Elder, is well represented in the European art in different types, illuminator, pilgrim and warrior. The image of the ordinary pilgrim can also be seen in the medieval art concretizing our contemporary vision of the phenomenon.

Key words: medieval Christian pilgrimage; Western European art; image of Saint James the Elder; image of the pilgrim.

Феномен средневекового христианского паломничества

Средневековое христианское паломничество, как известно, – феномен культуры того времени, без анализа которого понимание эпохи в целом невозможно. Идентичность христианина устанавливалась в соотнесении личного жизненного пути с Via Dolorosa Иисуса Христа. Для этого существовало несколько возможностей, признанных идеальными в XI–XIII веках.

Первая возможность – монашество. Она считалась приоритетной, поскольку такой христианин совершал основные благотворные деяния в собственной душе, что соответствует идее Спасения. Как отмечала Ю. И. Арутюнян, стезя монаха – «замкнутость, уединение, полное подчинение воле настоятеля. <…> Автор Устава святого Бенедикта с презрением осуждает “гироваг” (т. е. “шатаек”)», всю жизнь блуждающих туда-сюда в поисках более удобного жилья и обильного питания. «Склонные к полисемантическому восприятию текста средневековые авторы нередко уподобляют жизнь инока паломничеству в высшем, анагогическом смысле, в то время как путь пилигрима именуют монашеским служением. Игра словами, столь характерная для этой “книжной” культуры: “stabilitas in peregrinatione” и “peregrinatio in stabilitata” – встречается в текстах Петра Дамиана, Ансельма Бекского, Папы Урбана II, Хильдеберта из Ле Мана, Гонория Августодунского и Бернара Клервоского. <…> Необходимо подчеркнуть, что в сходных выражениях апологеты Григорианской реформы описывают идеал монашеского служения в духе подражания “vita apostolica” – т. е. праведной жизни первых христианских общин» [Арутюнян 2010, с. 68].

Вторая модель идеального христианского поведения – паломничество, т. е. странствование по святым местам, инициируемое желанием лично соприкоснуться с реликвиями в целях сначала исправления собственной жизни, искупления грехов, а затем и спасения души. Жак

Ле Гофф, опираясь на сочинения Гонория Августодунского, особо отмечал, что достижение определенных мест и пребывание в них должно быть выраженным актом покаяния, и, вероятно, решения Латеранского собора 1215 года о личной исповеди было отчасти подготовлено такого рода отношением к задаче пилигрима.

Помимо этой антитезы, отчетливо выраженной средневековыми авторами и повторенной современными исследователями, существовала и другая: паломники, стремившиеся замолить грехи, противопоставлялись «туристам» (при отсутствии, разумеется, такого понятия в средневековой языковой картине мира), т. е. людям, отправлявшимся в путешествие с целями сугубо светскими. Если «странники были несчастными людьми», то «туризм – суетностью»: к такому выводу пришел историк школы Анналов Жак Ле Гофф на основе писаний всё того же Гонория Августодунского [Ле Гофф 1992, с. 128].

Таким образом, мы видим не одну, а две оппозиции: *внутреннее – внешнее*, когда физическое передвижение оправдано только нравственной причиной, и *подлинное – мнимое*, в которой паломничество признается таковым только при наличии побуждений к сакральной практике.

Организация и культура средневекового паломничества в Западной Европе

Возможность подмены духовного странствования в географическом пространстве желанием сменить обстановку осознавалась уже в эпоху раннего Средневековья. Для этого были разработаны специальные процедуры, без которых невозможно было осуществить паломничество. Они убедительно обобщены в статье С. П. Шупляком, писавшим, что прежде всего пилигримы обязаны были выполнять строго определенные требования: «Если богомолец хотел иметь статус паломника, он должен был засвидетельствовать свое желание идти в религиозное странствие у местного священника, своего сюзерена или сеньора. В первую очередь одобрение следовало получить у представителей церкви. В VIII–IX веках в каролингском законодательстве и нормах церковного права появились соответствующие регламенты для духовенства и монашества. <…> Регламентация паломнического движения в светском и церковном законодательстве при Каролингах была вызвана и стремлением предотвратить бродяжничество. <…>

Паломничеству придавался характер обета, который требовалось выполнить сразу после получения письменного разрешения» [Шупляк 2013, с. 159]. Исследователь приводит в пример постановление Поместного собора во франкском Вэре (755 г.), согласно которому запрещалось совершать паломничества даже монахам без рекомендательных писем церковного руководства. Один из законодательных актов Карла Великого, Декрет 789 года, гласил, что странствующий представитель клира (*peregrinus*) может быть принят сторонней церковью или монастырем лишь при наличии засвидетельствованного разрешения епископа или аббата.

Естественно, что пилигрим, которого христианское законодательство требовало принимать, обустраивать и защищать, нападение на которого считалось тяжким преступлением, должен был иметь регламентированный внешний вид. «Одежда пилигрима выражала, в своей сути, представление, что, если обычный человек становится на стезю паломника, он должен и внешне выглядеть особым образом, отличным от повседневной жизни» [Шупляк 2013, с. 160]. Средневековый семиозис в целом предполагал «узнавание по одежке» и вещевому комплексу: человек не должен был затрудняться с идентификацией случайного встречного, внешний вид становился основой коммуникации, диктовал соответствующий модус общения. В конце XI века пилигримы носили длинную рубаху или тунику, плащ с капюшоном-шапероном (в эпоху Крестовых походов плащ или в крайнем случае накидка-котта стали и атрибутами одежды рыцарей и паломников, только вооруженных), в руках имели посох, за плечами – дорожный мешок. Тунику выделывали из грубой ткани в знак того, что пилигрим, к какому бы сословию он первоначально ни принадлежал, отрешается от земных благ. Посох, служивший реальной опорой, а не символической деталью, изготовлялся из прочного дерева и подковывался снизу металлом. Дорожная сума с ремнем через плечо – кожаная, небольшая по размеру. Она предназначалась прежде всего для хранения еды, поскольку деньги паломники предпочитали всё же носить на теле, прикрепляя к внутренней стороне одежды. Со временем «посох и сума» стали символом паломника, а затем любого странника, презревшего материальные блага и стремящегося дойти до истины в метафизическом смысле через реальный человеческий шаг. Таким образом, перед нами возникает еще один смысл паломничества: физика

и метафизика, земное и небесное переставали быть антагонистичной парой, сливаясь в процессе исполнения духовной миссии пилигрима. Реальное пространство пути сакрализовывалось, а сакральное пространство христианских ценностей приближалось к человеку, становясь частью земной смертной жизни.

Предмет специального разговора должна составлять широкополая шляпа, которая с современной точки зрения являлась непременной принадлежностью паломнического костюма, однако на самом деле появилась сравнительно поздно, к середине XIII века. Часть поля над лицом отгибали кверху: паломник должен был открывать лицо. Примерно одновременно со шляпой костюм дополнил широкий шарф.

Можно сразу заметить сходство между одеянием монаха и паломника. Это знак, что на время пути к святым местам человек целиком и полностью переориентируется на духовное служение, отрешается от прошлой жизни, даже от собственной личности – во всяком случае, в греховной ее части. Лишения в пути должны были символически повторять дорогу страданий Спасителя, с их помощью пилигрим приближался к Христу.

Одежда пилигрима, его сума и посох благословлялись в церкви в самом начале пути. Когда обряд благословения получил характер узаконения неизвестно, но уже к концу XI века практика стала общераспространенной.

В знак того, что паломник побывал в том или ином святом месте, он получал право носить особую эмблему. Изображение пальмовой ветви означало, что человек побывал в Палестине. После начала Крестовых походов (а мы помним, что паломничество – явление значительно более древнее) те, кто достиг Иерусалима, обретали возможность носить изображение Креста Господня. Эмблемой св. Иакова и его гробницы в Сантьяго де Компостела служила морская ракушка – «гребешок». Со временем, после XI века, к ней прибавились также фибулы с изображением Святого. Аналогичная фибула с эмблемой, изображавшей св. Томаса Беккета на коне, стала знаком паломничества в Кентерберийское аббатство.

Начиная с XI века христианское паломничество становится необычайно популярным, став симптомом того усиления религиозных настроений в Западной Европе, который фиксируют историки. О его притягательности пишет классик медиевистики Жорж Дюби:

«Паломничество было самой совершенной и приемлемой формой аскезы, которую героизированное христианство XI века предлагало рыцарям, озабоченным спасением души»[1]. И добавляет, что для них оно было одновременно и покаянием, и продвижением в сторону Царствия Небесного, и удовольствием, которое доставляло им путешествие, чаще всего в компании друзей [Duby 1984, с. 87].

Как раз в это время, в XI–XII веках, особую интенсивность приобретает странствие к мощам ап. Иакова Старшего в Сантьяго де Компостела. Как пишет признанный специалист по романскому искусству Марсель Дюрлиа, «Паломничество в Сантьяго де Компостела занимает место в общем паломническом движении, составляющем один из постоянных признаков христианской цивилизации, одну из самых старинных и твердых ее традиций. Это явление обретает особый размах в XI и XII веках в силу специфики религиозных настроений эпохи, находившей в поступках и обрядах исключительный способ вхождения в контакт с сакральным» [Durliat 2007, с. 16].

Кроме того, как установили медиевисты, паломничество сыграло важную роль в развитии романского искусства. Вторая половина XI века, время когда романика вступает в фазу зрелости становится также началом расцвета паломничества в Сантьяго де Компостела. Как отмечает Жорж Дюби, «в XI веке <…> вокруг источающих чудеса гробниц свершились крупнейшие архитектурные открытия и накопилась та мощь созидания, из которой родились новые формы и дерзания монументальной скульптуры. Эти творческие силы питались всеми богатствами, которыми толпа паломников осыпáла мощи святых» [Duby 1984, с. 60]. Неудивительно в свете этого, что именно на паломнических путях создается новый тип культовой архитектуры и возрождается почти забытая за долгие века раннего Средневековья монументальная скульптура.

Таким образом, мы подходим к теме визуальных свидетельств в культуре паломничества. В убранстве церквей и соборов Европы сохранилось множество скульптур, частей каменного декора, реликвариев и прочих предметов, характеризующих эту культуру как в высокой степени проработанную и осмысленную скульпторами и мастерами декоративно-прикладного искусства. К этой области следует

[1] Здесь и далее перевод наш – *В. Т., И. П.*

отнести также книжную миниатюру, составляющую особое поле репрезентации паломнического начала в искусстве, а позднее и готический витраж.

Образ апостола Иакова Старшего в искусстве XII–XVI веков

Особое место в иконографии занимает образ ап. Иакова Старшего, христианского просветителя, мученика, главного покровителя пилигримов и впоследствии matamoros'а (мавроубийцы в эпоху Реконкисты), святого патрона Испании. «Путь св. Иакова прекрасен, но узок, так же узок, как и путь ко Спасению. Дорога эта сияет мудростью, умерщвлением плоти и всё возрастающей добродетелью. <…> У пилигрима может вовсе не быть денег <…> Тот, кто продал свое добро перед отправлением, должен всё до последней монеты раздать бедным. <…> В прошлом у верных было одно сердце и одна душа, всё у них было общим и не имели они ничего своего <…> точно так же и пилигримы сегодняшнего дня должны иметь всё общее и странствовать вместе – с единым сердцем и единой душой» [Forsyth 1986, с. 79]. Сразу нужно оговориться, что визуальная трактовка его позволяет уже с другой стороны осветить связь реального и сакрального начал, о которой говорилось выше. Будучи изображенным в одеянии паломника, св. Иаков и сам становится паломником или, во всяком случае, представителем всего движения. Так сакральный персонаж спускается к живым людям из плоти и крови со всеми их грехами и устремлениями, а они, в свою очередь, приобретают черты святого или, по крайней мере, освящаются его неотлучным присутствием. Известная системно-структурная особенность христианского искусства, выраженная в годовом круге повторяющихся событий Священной истории через церковные праздники, в случае св. Иакова и аналогичных святых обусловливает ощущение телесной причастности пилигрима к этим событиям.

Самые ранние изображения ап. Иакова Старшего в романском искусстве появляются в скульптуре паломнических храмов Южной Франции. Так, изваяние апостола можно видеть в клуатре аббатства Сен-Пьер в Муассаке, завершенном к 1100 году. Как отмечает искусствовед Уве Гиз, «на боковых столбах клуатра – десять мраморных рельефов, которые наряду с 88 капителями делают клуатр Муассака самым богато декорированным романским клуатром, сохранившимся

до нашего времени» [Гиз 2001, с. 262]. Св. Иаков занимает свое место в галерее апостолов на одном из столбов, его изображение выполнено в низком рельефе, оно сугубо графично, но не лишено индивидуальности. Стиль скульптуры Муассака М. Дюрлиа называет «монументальным и абстрактным», уточняя, что «он отходит и от органической жизни, и от античной статуарности, чтобы вписать человеческую фигуру в архитектурное обрамление» [Durliat 2007, с. 125]. На рельефе апостол представлен в ризе священника, в правой руке у него развернутый свиток Писания. Помимо этого, образ Иакова Старшего встречается в коллективных сценах на впервые исполненных именно в этом клуатре сюжетных капителях. Так, в сцене Чудесного улова он вместе с другими будущими апостолами отрешенно стоит в лодке, бросив сети, захваченный пафосом проповеди Иисуса. И вскоре он оставит свою прежнюю жизнь, чтобы пойти за Учителем, и станет «ловцом душ».

Портал Мьежвиль тулузской базилики Сен-Сернен, законченный в 1110-х годах, является, по словам Уве Гиза, «одним из первых, где в единый архитектурный ансамбль собраны все основные элементы: тимпан с притолокой и архивольтами, колонны с сюжетными капителями, <…> скульптурные консоли и рельефы на фасаде здания» [Гиз 2001, с. 259]. Апостол изображен здесь в торжественной позе на почетном месте над тимпаном портала. В правой руке он держит Евангелие, но в данном случае он воспринимается не столько как просветитель, сколько как покровитель паломников (на это намекает парное ему изображение св. Петра), потому что базилика Сен-Сернен была главным храмом на тулузской дороге (Via Tolosana), ведущей в Сантьяго де Компостела.

К периоду поздней романики (конец XII в.) относится комплекс собора Сен-Трофим в Арле, считающийся самым ярким примером стиля в Провансе. Здесь два изображения св. Иакова. На опорном столбе клуатра апостол представлен рядом со статуей Иисуса, показывающего свои раны св. Фоме. Иаков не смотрит в сторону учителя, он опустил взгляд долу. Правой рукой он прижимает к себе открытое Евангелие, а левой опирается на посох. Совершенно иным духом наполнена фигура св. Иакова Старшего на портале собора. Этот уникальный статуарный цикл искусствоведы связывают с античным влиянием. «Нам ясно, что ваятель имел перед глазами древнеримские

статуи философов и риторов. Нет динамизма, нет взволнованности, но зато есть желание приблизиться к спокойному благородству античных форм…», как пишет Л. Д. Любимов [Любимов 1996, с. 43]. Этой общей стилистике подчиняется и образ св. Иакова, показанного на этот раз без посоха в гармоничной позе, двумя руками прижимающего к груди раскрытую книгу. Напомним, что Арль был одним из исходных пунктов тулузского паломнического пути.

В старейшем экземпляре «Codex Calixtinus» XII века (собор в Сантьяго де Компостела) св. Иаков Старший показан на двух миниатюрах. Первая изображает апостола в качестве просветителя: его правая рука поднята в крестном знамении, в левой Евангелие. На второй мы видим контаминацию образов просветителя и паломника, о чем свидетельствуют посох и шляпа и опять-таки Евангелие. Здесь Святой показан в храме.

Особого упоминания заслуживают изображения ап. Иакова Старшего в соборе в Сантьяго де Компостела – заветной цели паломников. Собор строился и украшался в несколько этапов, отразившихся в стилистике его архитектуры и убранства. В конце XI – начале XII века был создан Портал серебряных дел мастеров (Puerta de las Platerías), куда добавили ряд статуй с западного портала, замененного во второй половине XII века. К их числу относится и статуя Иакова Старшего, расположенная в верхнем ярусе над двумя порталами. Фигура апостола между двух стволов распускающихся деревьев изваяна с Евангелием в руках и в резком повороте в сторону соседней статуи Христа. Находящаяся рядом надпись дает понять, что скульптура ранее была включена в группу Преображения на западном портале собора [Durliat 2007].

Образ святого покровителя Испании стал одним из центральных на главном портале собора, знаменитом портике Славы, созданном мастером Матео во второй половине XII века. Портик Славы, знаменует, по словам В. Н. Тяжелова, «вершину романской пластики Испании» [Тяжелов 1981, с. 172] и по своей стилистике уже предвещает переход к готике. Здесь можно видеть два изображения св. Иакова Старшего. Самое известное изображение находится на колонне перед тимпаном портала, где апостол представлен сидящим с посохом паломника и развернутым свитком с надписью «Господь послал меня». У Святого экстатическое выражение лица, просветленный взгляд

направлен вдаль. Такой тип изображения напоминает иконографию Христа во славе. Интересная деталь: прямо под статуей в колонне вырезаны специальные выемки, куда паломники вкладывали свои пальцы в знак завершения пути.

Справа от портала помещены четыре статуи апп. Петра, Павла, Иакова Старшего и Иоанна. Фигура св. Иакова здесь показана в резком развороте в сторону юного Иоанна. В этой скульптуре вновь сочетаются образы просветителя и паломника: в правой руке апостол держит книгу (Евангелие), а левой опирается на посох пилигрима.

Безусловным шедевром позднероманского церковного искусства является фронталь-антепендиум из музея Собора Санта-Мария-де-Леон в Леоне (XIII в.). На нем рассказывается легенда св. Иакова, согласно которой его тело в лодочке прибило к берегам Галисии. В центре фигурирует сам апостол в образе мирного паломника, но одновременно и святого просветителя: в правой руке у него посох, в левой Евангельский кодекс. Благодаря этому и аналогичным изображениям можно провести аналогию между посохом паломников, Райским Древом и Крестом, на котором был распят Иисус Христос: на эту мысль наводит посох в правой руке вместо знака креста, который обычно совершает и этот, и другие святые.

Образ св. Иакова Старшего широко представлен в искусстве готического стиля. Статуя из Руанского собора (XIII в.), ранее находившаяся на его фасаде, а ныне перемещенная во внутреннее пространство, показывает Иакова-паломника, о чем говорит шляпа с загнутой передней частью поля.

Интересную трактовку образа апостола можно найти в витражном искусстве. В Шартрском соборе житию св. Иакова посвящен большой витраж в одной из капелл, исполненный между 1210 и 1225 годами. Одна из ключевых сцен, помещенная в нижней части композиции окна, показывает Христа, вручающего апостолу посох паломника. Правую руку Иисус поднял в жесте учительства, миссию которого Он возлагает на своего ученика. Св. Иаков восседает на скале, у подножия которой плещется море: видимо, так обозначена скалистая Галисия, расположенная на берегу Атлантического океана. Специфическая деталь: за спиной Христа стоит ангел с хлебной лепешкой в руке, предназначенной для собравшегося в долгий путь апостола. В той же капелле соседний витраж посвящен Карлу Великому, и это соседство

не случайно, ибо в то время считалось, что император освободил от мавров Сантьяго в ходе своей испанской экспедиции. Витраж в Шартре имел символическое значение, поскольку город был одним из этапов на турской паломнической дороге.

Там же, в Шартре, есть и скульптурное изображение ап. Иакова Старшего, это статуя у южного портала собора. Как и все готические изваяния шартрского цикла (выполнены в первые десятилетия XIII в.), она отмечена сильным классическим влиянием. Однако здесь единственным атрибутом Святого является меч, орудие его мученичества. Это одно из первых воплощений типа св. Иакова-мученика. Данный тип появляется в иконографии апостола именно в XIII веке и распространяется в скульптуре готики. Так, у центрального портала собора в Амьене статуя св. Иакова Старшего весьма напоминает шартрский образец, с той разницей, что на плече апостола висит паломническая сума с изображением раковин-гребешков. В Испании его можно видеть на позднероманском «Райском портале» собора в Оренсе (сер. XIII в.), являющемся подражанием произведению мастера Матео в Сантьяго де Компостела. Фигура сидящего у опорного столба апостола показывает две ипостаси образа – он и просветитель, и мученик. Аналогичное стоящее изображение, с Евангелием и мечом в руках, размещено на откосе одного из порталов собора.

В экземпляре «Codex Calixtinus» XIV века из университетской библиотеки в Саламанке на миниатюре перед нами предстает Иаков-matamoros на красном поле, знаменующем победу над маврами. Обратим внимание, что всё поле фона испещрено изображениями эмблем святого – раковин-гребешков. Статуя из Торо (XIV в.) выполнена в наивной манере, это снова Иаков-паломник с посохом, но на голове у него не «греческая» шляпа, а колпачок. Скорее всего, это свидетельствует о существовании альтернативного головного убора паломников.

На миниатюре из Болтонского часослова (нач. XV в., Йорк) Святой выглядит как символ мирного и беззащитного рядового паломника: босыми ногами он ступает по цветочному лугу, в руке у него посох, на боку сума, паломническая шляпа на ремешке скинута, ее место занимает нимб – единственное, что говорит об апостольском статусе. Перед нами своего рода иллюстрация к замечанию Петра Дамиана о том, что паломники берут пример с апостолов: «Очевидно,

что Устав и каноны исходят из жизни апостолов <…> с единым сердцем и единой душою, они имели всё общее» [Forsyth 1986, с. 78].

Постепенно в изображения апостола начинают проникать черты Ренессанса. В конце XV века замечательный испанский скульптор и архитектор Хиль де Силоэ изваял мраморного апостола в образе паломника. Высокое мастерство автора позволило придать лицу Иакова Старшего индивидуальное выражение скорби и смирения. Святой показан в широкополой шляпе с загнутым передним полем, его плащ скреплен фибулой в виде раковины-«гребешка» и усеян стилизованными изображениями пальмовых ветвей – здесь это символ мученичества.

На недатированной раскрашенной деревянной скульптуре из Бордо Святой увенчан широчайшей шляпой с раковинами, расположенными по внутренней части полей. Предмет в его левой руке может быть трактован и как Книга, и как мощевик: в пользу первого предположения свидетельствует переплет, аналогичный книжному, в пользу второго – форма параллелепипеда, мало напоминающая книжную.

Каменный рельеф из музея в Вандоме был изваян в начале XVI века. О соотнесении фигуры с ап. Иаковом свидетельствует огромная раковина, заменяющая святому паломническую шляпу.

Скульпторы Роке Бальдуке и Гильен Ферран в 1551 году создали деревянную статую Иакова Мавроубийцы (рельеф алтаря собора в Касересе). Интересно, что он расположен рядом со статуей апостола, сочетающей образы паломника и мученика. Сопоставление обоих изображений обнажает специфическую трактовку образа. Иаков-паломник (на боку у него висит тыквенная фляга для воды: редкий атрибут в иконографии Святого) в широкой шляпе с косым крестом спереди как будто держит в руках посох, но для посоха этот предмет слишком короток – по длине он более напоминает меч, которым по житийной легенде апостолу отрубили голову. Иаков-воин на коне, под копытами которого гибнут поверженные враги, в шапочке с косым крестом, уже возглавляет христианское воинство в сражении с неверными. Близкая по манере и времени исполнения статуя Матамороса показывает нам победителя мавров в паломнической шляпе.

Каменный паломник-просветитель Иаков из больницы в Агно (Эльзас) отличается от других примеров возрастом Святого, показанного как пожилой, измученный жизнью человек.

Венчает нашу галерею изображений Иаков-воин, мавробоец, в исполнении крупнейшего скульптора Испании XVI века Алонсо Берругете в церкви Св. Иакова в Касересе (1557–1560). Центральная часть ретабло, представляющего собой череду сцен из жизни Богоматери и других святых, организует целое в единый ряд, исполненный поиспански динамизма и страстного порыва к Христу. Иаков-воин воздевает меч, и ангелы рядом с ним стреляют во врага из луков. Слева от этого клейма – сцена «Поклонение волхвов», также трактованная как экстатическая, справа – св. Франциск, получающий стигматы.

Образы паломников в средневековом искусстве

Образы паломников в искусстве Средневековья также отличаются выразительностью. Идущие друг за другом фигуры на тимпане Страшного суда работы мастера Жизлеберта (XII в., собор Сен-Лазар, Отен) несут к Спасителю свои грехи, в которых каются, о чем свидетельствуют выражения их лиц. На головах у них также обтягивающие шапочки-колпачки, на боку – сума, в одном случае с изображением раковины, во втором – креста. Обратим внимание, что длинная туника надета только на третью фигуру в ряду, первый и второй паломники – в коротких туниках, обнажающих ноги.

В клуатре собора Сен-Трофим в Арле тоже есть изображение паломников. Оно связано с сюжетом явления Христа в Эммаусе: паломники окружают статую Иисуса. Один из них облачен в потрепанную накидку, в руках у чуть сгорбленной фигуры длинный посох, на голове – шапочка-колпачок с изображением раковины, символа паломничества в Сантьяго.

К XIII веку относится витраж в Кентерберийском соборе. Сюжет здесь довольно нетривиальный: пешие паломники следуют за конным, возможно, рыцарем, охраняющим их: точнее сказать нельзя, поскольку всадник повернут к нам левой стороной тела. В 1300 году было выполнено изображение в «Мировой летописи», приписываемое Рудольфу фон Эмсу. Здесь паломники в головных уборах, напоминающих скорее чепцы, с сумами и посохами общаются с королем или императором. На книжной миниатюре из рукописи «Паломничество человеческой жизни» (Франция, 1375–1399, Библиотека св. Женевьевы) паломник в хорошо и подробно прописанной одежде идет

впереди, а позади него слуга несет его пожитки, среди которых фрагменты рыцарского доспеха, а именно, щит и латная перчатка.

Круглая шляпа каменной скульптуры (бюста) из музея в Эврё (XV в.) украшена изображениями косого креста с символами любви в форме сердечек на нижних концах и плащаницы. Позднеготический каменный рельеф из Сан Хуан де Ортега (также XV в.) показывает сцену приема паломников: в центре композиции некто, похожий на служителя церкви, справа пекарь с хлебами.

Эту часть изображений хочется закончить картиной страсбургского мастера «Трое паломников на пути в Сантьяго де Компостела» (ок. 1480). В левой части композиции герои входят в дом, в центре они же сидят за столом и трапезничают. На первом плане хозяин дома (возможно, и харчевни) с кувшином и стаканом: кем бы он ни был, в любом случае он лично прислуживает пилигримам. Среди паломников – женщина в косынке, надетой под шляпу, и в черном платье.

Заключение

Собранный материал позволяет верифицировать вербальные свидетельства современников об обиходе паломников, культуре паломничества и его миссии. Наглядными становятся представления о св. Иакове Старшем, покровительствовавшем пилигримам. Он выступает в четырех ипостасях – просветителя, пилигрима, мученика и воина, причем в значительном большинстве изображений его функции комбинируются. Следует отметить, что образ мавробойца шире всего представлен в искусстве Испании и редко встречается в других европейских культурах.

Видим мы и то, как проходил путь «Христовых странников» к цели. Благодаря широко известному рельефу из тимпана на сюжет «Страшный суд» (Отен) подтверждаются слова Гонория Августодунского о покаянии как основной и единственной задаче пилигрима. Обратим внимание, что ни на одном из известных нам изображений нет тех, против кого так активно и слаженно выступали церковные иерархи, а именно, праздных путешественников, которых мы сегодня назвали бы туристами. Порой изображения выявляют неожиданные и «неканонические» аспекты: так, вряд ли «правильный» паломник должен передоверять слуге нести тяжелый груз, как это сделал неизвестный господин с книжной миниатюры из рукописи «Паломничество

человеческой жизни». Однако в целом можно получить представление о том, как происходил этот процесс.

Изучение паломничества выявляет источник таких современных обычаев, как, например, коллекционирование памятных значков из разных мест, где побывал владелец. Мода на паломничество сегодня воскресает: сотни современных странников, как пеших, так и велосипедистов, следуют по указанному в «Codex Calixtinus» маршруту, строго отмечаясь в каждом обязательном для посещения пункте. Однако насколько религиозна основа этой моды, может показать только время и серьезный социологический анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арутюнян Ю. И. Homo viator: образ паломника в контексте средневековой европейской традиции // Вестник Санкт-Петербургского института культуры. 2010. № 1. С. 65–71. [Arutyunyan, Yu. I. (2010). Homo viator: image of pilgrim in the context of medieval European tradition. *Vestnik of Saint-Petersburg Institute of culture, 1*, 65–71. (In Russ.)].

Гиз У. Романская скульптура // Романское искусство: Архитектура. Скульптура. Живопись / под ред. Р. Томана; пер. с нем. Köln: Könemann, 2001. С. 256–323. [Gies, U. (2001). Romanskaya skulptura (Romanesque sculpture). In R. Toman (ed.), Romanskoye iskusstvo: *Arhitektura. Skulptura. Zhivopis.* (Romanesque art: Architecture. Sculpture. Painting. (pp. 256–323). Köln: Könemann (In Russ.)].

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер с фр. М.: Прогресс-Академия, 1992. [Le Goff, Zh. (1992). *Tsivilizatsiya srednevekovovo Zapada.* (Civilization of medieval Occident). Moscow: Progress-Academia. (In Russ.)].

Любимов Л. Д. Искусство Западной Европы: Средние века, Возрождение в Италии. М.: Просвещение, 1996. [Lyubimov, L. D. (1996). *Iskustvo Zapadnoy Yevropy: Sredniye veka, Vozrozhdeniye v Italii* (Art of Western Europe: Middle Ages, Renaissance in Italy). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)].

Тяжелов В. Н. Искусство Средних веков в Западной и Центральной Европе // Малая история искусств. М.: Искусство, 1981. [Tyazhelov, V. N. (1981). *Iskustvo Srednih vekov v Zapadnoy I Tsentralnoy Yevrope* (Art of Middle Ages in Western and Central Europe). Moscow: Iskustvo. (In Russ.)]

Шупляк С. П. Статус паломника в средневековом социуме Западной Европы // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 8 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2013. С. 155–165.

[Shuplyak, S. P. (2013). Status of pilgrim in the medieval society of Western Europe. *Pratsy gistarichnaga fakulteta BDU, 8*, 155–165. (In Russ.)].

Duby G. Le Moyen âge: Adolescence de la Chrétienté occidentale, 980–1140. Genève : Editions d'art Albert Skira, 1984.

Durliat M. La sculpture romane de la route de Saint-Jacques : De Conques à Compostelle. Dax : CEHAG, 2007.

Forsyth I. H. The Vita Apostolica and Romanesque Sculpture: Some Preliminary Observations // Gesta. 1986. Vol. 25. № 1. Pp. 75–82.

УДК 304.4

А. Д. Тумин

аспирант кафедры «Теория и история культуры» Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону; e-mail: tumin.alexsandr@yandex.ru

ESPAÑOLIDAD: НАСЛЕДИЕ РЫЦАРСКОЙ ИСПАНИИ vs. ОТГОЛОСОК «ЧЕРНОЙ ЛЕГЕНДЫ»

Сохранение преемственности через изменения – основная особенность испанской этнокультурной идентичности, примером этого является испанская концепция национального единства «Españolidad». С начала формирования испанской гражданской коллективной идентичности в XIX в. теократические, патриархальные реминисценции «Españolidad» привели к «кастеланоцентризму» испанского государства, критика которого привела к распространению испанской «черной легенды» и регионализации испанского государства.

Ключевые слова: Españolidad; «черная легенда»; Кастильский империализм; Castelañocentrismo; Поколение 98 года.

A. D. Tumin

Postgraduate student, Department of Theory and History of Culture, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don; e-mail: tumin.alexsandr@yandex.ru

ESPANOLIDAD: THE LEGACY OF CHIVALROUS SPAIN vs. THE ECHO OF THE SPANISH "BLACK LEGEND"

The preservation of continuity through changes is the main particularity of the ethno-cultural identity. The concept of national unity Españolidad is a remarkable example of this continuity. Since the beginning of the formation of the Spanish civic national collective identity in the XIX century theocratic reminiscences of Españolidad contributed to the emergence of Castelañocentrism. Its criticism led to the spread of the Spanish "black legend" and the regionalization of the Spanish state.

Key words: Españolidad; Black legend; Castilian imperialism; Castelañocentrismo; Generación del 98.

Введение

В статье рассматривается контекст формирования испанских национальных символов и этностереотипов, выраженных в «белой легенде», представляющей Испанию как страну, сохранившую

CC BY

христианские устои, романтический рыцарский образ Дон-Кихота. «Белая легенда» возникла в XX веке и является реакцией на «черную легенду», представляющую Испанскую империю как страну инквизиторов и «мародеров», являющуюся «тюрьмой народов» для своих заморских колоний. Сосуществование испанской «черной легенды» и «белой легенды» показывает противоречия процессов формирования испанской этнокультурной и национальной гражданской коллективной идентичности. С точки зрения испанских ученых, негативные этностереотипы об испанцах, выраженные в «черной легенде» – это не более чем мифы, сформированные на основе субъективных оценочных суждений. По их мнению, сложность исследования этнокультурной коллективной идентичности состоит в том, что данный феномен – это динамическая и частично меняющаяся в зависимости от культурного контекста структура [Morales et al. 2006]. Противоречия формирования испанской гражданской и этнокультурной коллективной идентичности и доктрины национального единства Espanolidad являлись темой исследования «Поколения 98 года». Участники движения «Поколения 98 года» видели в распространении романтического, рыцарского образа Дон-Кихота Кастилии-ла-Манчи признание ключевой роли данного региона в формирования единого испанского государства. Ключевая роль Кастилии-ла-Манчи в процессе образования Испанской империи стало обоснованием Castelañocentrismo испанского государства. В чем же состояла критика традиционного романтического образа Испании? Откуда возник отрицательный образ Испании как агрессивной державы, вооруженной руки Контрреформации, страны, лишенной политических свобод, подчиненной инквизиции, рабски связанной с римским папством?

Концептуализация проблемы: национальная, этнокультурная и региональная идентичность

Что же такое идентичность? Этимологически понятие идентичность восходит к латинскому слову *idem*, что означает «сходство и непрерывность». Термин появился в 1970-х годах, и его автором считается Э. Эриксон. Однако задолго до него значительный вклад в разработку темы внесли З. Фрейд и К. Г. Юнг [Фрейд 1990]. Появление современного понятия коллективной идентичности связано

с философской концепцией культурного национализма, возникшего в трудах западноевропейских и в первую очередь французских философов середины XVIII века и в дальнейшем продолжило свое развитие в работах философов эпохи германского романтизма – И. Г. Гердера, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля, И. Канта. Согласно их воззрениям, каждая нация или народ исторически дифференцирован уникальным «народным духом» (Nationalcharakter) [Perez-Agote 1989], связанным с «теорией общей воли» и «общественного договора», основанных на идеях Ж. Ж. Руссо, что послужило порождением концепции гражданского общества как формы коллективной самоидентификации и концепции федерализма. Развитие концепта этнокультурной коллективной идентичности берет свое начало с исследования понятия «этнос». Этнокультурная коллективная идентичность – это социально-психологический и социокультурный феномен, суть которого в осознании группой людей своей общности посредством разделения между членами этой группы общей культурной идентичности, психологическое переживание этого факта, внешние его проявления. Культура же является тем механизмом, с помощью которого транслируются традиции данного общества. Понятие «нации» (лат. – *natio*) ведет свою историю со времен Античности. Первоначально этот термин в значении «природный» применялся для обозначения варварских народов. В дальнейшем его упоминал Мартин Лютер, подразумевая под нацией родовую знать. Под влиянием Великой Французской буржуазной революции зародилось понимание нации как совокупности граждан, которые объединены идеей народного суверенитета и демократическим самоуправлением. Этнокультурными составляющими национальной коллективной идентичности являются религиозные институты, архитектура, язык, фольклор, литература, право, образование, философия, наука [Многоуровневая идентичность 2006]. Следует обратить внимание на понятие «региональная коллективная идентичность», которая имеет подчиненный характер по отношению к национальной коллективной идентичности, причем региональная идентичность может перерасти в идентичность национальную. Например, такая ситуация наблюдается в северных регионах Испании, получивших статус исторических национальностей и претендующих на собственную национальную идентичность.

Специфические черты Españolidad и испанская гражданская национальная идентичность

Españolidad – это теократическая доктрина испанского национального единства, которая была сформирована в атмосфере создания испанской колониальной империи, что являлось отголоском идеи создания всемирной Испанской католической империи. Создание в 1492 году Испанской колониальной империи произошло одновременно с прибытием экспедиции Х. Колумба в Вест-Индию, оснащенной по указу католических королей (Изабеллы I Кастильской и Филиппа II Арагонского). Создание Испанской колониальной империи для многих испанцев означало конкисту, рассматривающуюся как продолжение реконкисты. Многие конкистадоры были выходцами из Кастилии-ла-Манчи. Успешная колониальная экспансия Испанской колониальной империи привела к возникновению соперничества Испанской империи с соседними мощными западноевропейскими державами (Британской, Голландской, Французской империями) за передел и захват территорий. Данное соперничество обострялось в XVI веке на фоне борьбы Испанской империи с Реформацией и протестантскими странами, к которым относилась Великобритания. Именно в Великобритании была создана и получила распространение антииспанская пропаганда в XVI веке, что только в XX веке в испанской историографии получило обозначение как «черная легенда». Суть «черной легенды» заключалась в очернении образа Испанской империи и ее колониальной политики. Согласно данной легенде действия испанской администрации в колониях сводились к пыткам местного населения инквизиторами-садистами и грабежам конкистадорами-мародерами. Автором «черной легенды» является испанский историк Х. Худериас. В словаре Королевской академии испанского языка понятие «черная легенда» (*исп*. La leyenda negra) определяется как широко распространенное мнение против всего испанского, возникшее в XVI веке и в целом неблагоприятное мнение о ком-то или о чем-то, как правило необоснованное [Español Bouché 2008].

Осмысление «черной легенды» движением поколения 98 года

Тема критики «черной легенды» имела большое значение для испанских исследователей, участников движения «Поколение 98 года». С их точки зрения, действия Испанской империи не ограничивались

грабежом Центральной и Южной Америки. Лживость «черной легенды» прослеживается, например, в том, что испанскими инквизиторами было казнено на протяжении всего XVI века не более 50 человек, согласно же «черной легенде», количество жертв, осужденных на смертную казнь, достигало сотен тысяч человек [Maltby 1971]. С точки зрения участников «Поколения 98 года», с самого начала колонизации в XVI веке начался процесс культурной ассимиляции заморских колоний. Испанская церковь в колониях распространяла христианство, испанский язык и испанскую барочную архитектуру. Культурное родство Испании и Латинской Америки, стало результатом ассимиляционной испанской колониальной политики, основывающейся на концепции христианского единства и сохранении альтруистического отношения между христианами и аборигенами. Р. де Маэсту в своей книге «Defensa de la Hispanidad» обосновывал общность культур Испании и стран Латинской Америки через концепцию «Hispanidad», обосновывающей единство испаноязычных стран [Gijón 2011]. Выдающийся испанский философ культуры Х. Ортега-и-Гассет также подчеркивал определяющее значение католицизма для формирования испанского «национального духа», что подтверждается в ключевой роли католической церкви в испанской культуре. Особо важное значение имеет его статья «Бесхребетная Испания», посвященная проблеме несформированности испанского национального единства. По мнению Х. Ортеги, создание единого испанского государства – Испанской империи имело целью создание плацдарма для испанской колониальной политики и всемирной Католической империи. Х. Ортега-и-Гассет был согласен с тем, что эпоха создания испанской колониальной империи – это золотой век испанской империи. Тем не менее согласно философу, после создания крупнейшей колониальной империи испанские идеологи не смогли найти другую цель, объединившую бы испанскую нацию. Символично то, что согласно мнению Х. Ортеги-и-Гассету, потеря Испанской империей последних заморских владений привела к появлению сепаратистских тенденций внутри страны. Ортега-и-Гассет критически относился к сохранению сословного разделения испанского общества к началу XX века, которое отражало отсутствие осознания национальной солидарности между испанской политической элитой, высшим духовенством и армией. В этом, собственно, и состоит испанская «национальная бесхребетность» [Ортега-и-Гассет 2003].

Влияние «черной легенды» на возникновение испанских региональных движений

Возникший в начале этого столетия романтический рыцарский образ Кастилии-ла-Манчи как родины испанского рыцарства и исконного средневекового европейского духа, получивший распространение благодаря германским философам романтизма, имел большое значение для сохранения теократической концепции «Espanolidad». Популяризации концепции «Españolidad» оказывало большое влияние на распространении концепции «Castelañocentrismo» испанского государства.

В течение XIX века было принято несколько конституций: в 1812, 1837, 1845, 1856, 1869, 1876 годах. В целом XIX век является ключевой эпохой формирования испанской гражданской коллективной идентичности. Политическая стабильность была достигнута на основе компромисса, заключающегося в сохранении идеологического влияния церкви на испанское общество после принятия конкордата с Ватиканом в 1851 году [Morales et al. 2006]. Конкордат с Ватиканом являлся выражением сохранения значительной роли церкви в Испании, ставшим ответом на начавшуюся секуляризацию. Причиной сохранения важной роли католической церкви в XIX веке в испанском обществе стало то, что духовенство было крупным собственником земли. С точки зрения испанских либералов, это затрудняло создание в стране сообщества крупных капиталистов [там же].

Во второй половине XIX века региональные националисты стали расценивать концепцию «Castelañocentrismo» как обоснование «кастилизации» и доказательство «кастильского империализма». Кастилизация испанских регионов заключалась в их языковой, правовой и экономической унификации. Региональные националисты связали отрицательные стереотипные национальные черты испанцев, такие как лень и праздность, исключительно с национальными чертами кастильцев [там же].

В рамках испанской экономической модернизации была принята доктрина протекционизма, основанная на сохранении экономических льгот и индустриализации Страны Басков и Каталонии, что стало рассматриваться региональными националистами как доказательство их национальной исключительности. Партия анархистов, сторонников регионального национализма, получила наибольшее распространение

в Андалусии, Мурсии и Каталонии, частично в Арагоне, в Стране Басков. После победы консерваторов А. де Кастильо и утверждения Конституции 1876 года именно они достигли компромисса между регионалистами и монархистами. В результате политическая ситуация в стране стала значительно стабильнее.

Социальные и экономические преобразования второй половины XIX века имели ограниченный успех. К 1900 году две трети населения страны работало в сельском хозяйстве, 60% испанцев были неграмотными. Испанские города в начале XX века представляли собой «острова» посреди аграрного моря экономической неустроенности. Исключение составляли Северные регионы страны (Страна Басков, Каталония), которые традиционно являлись промышленными центрами. Баскония стала открыта для внутренней иммиграции, что привело к конфликтам с иммигрантами, разрушению традиционного баскского уклада. При этом ускоренное развитие баскской промышленной индустрии привело к обогащению баскских промышленников.

Одновременно в регионе популяризуются исторические и археологические исследования древней баскской культуры. Сабино Арано, будущий основатель Баскской народной партии (БНП), получил первоначальную известность благодаря своим попыткам воссоздать язык коренного населения Басконии «Эускера» и политического проекта баскского национального государства «Эускади». БНП обрела популярность в среде баскских промышленников.

Критика кастилизации испанскими регионалистами и распространение «черной легенды» привела к возникновению «белой легенды», имевшей подчеркнуто консервативный характер, заключающийся в превознесении роли католицизма в создании испанского мононационального государства. «Черная легенда» была популярна в среде испанских региональных националистов, а «белая» – в среде консерваторов, которые взяли ее в качестве основы франкистской доктрины «Nacionalcatolicismo» в эпоху Франко. Целью франкистского государства являлось создание единого испанского мононационального государства, что предполагало ликвидацию любых очагов регионального сепаратизма и национализма, в особенности в наиболее явных его выражениях в Стране Басков и Каталонии. В результате франкистские репрессии, обрушившиеся на баскских националистов, привели к уходу сторонников Баскской народной партии в подполье.

В 1962 году на базе радикального крыла БНП сформировалась террористическая организация ЭТА (Эушкади Та Ашкаташуна – «Страна Басков и свобода»). В контексте возникновения ЭТА символично то, что БНП следила за деятельностью боевиков Ирландской республиканской армии (ИРА) с 1919 года. ИРА – террористическая организация, считающая городскую герилью и подпольную войну главным средством для достижения государственной независимости Северной Ирландии от Великобритании. Причина возникновения ИРА состояла в том, что Ирландия – католическая страна, а Соединенное королевство – протестантское государство. ИРА перешла к тактике терактов против полицейских и судей в 1969 году на территории Северной Ирландии и Великобритании. Для ЭТА Ирландская республиканская армия являлась образцом поведения. Методы городской герильи и подпольной войны террористическая организация ЭТА взяла на вооружение. Она трактовала свою деятельность как борьбу колонии с метрополией в Мадриде. В 1969 году Ирландская республиканская армия распалась на две части: «официальную» (ведущую борьбу политическими методами) и «временную» (осуществляющую террористические акты). В 1975 году в связи со смертью генерала Ф. Франко и началом реформ, условно называемых транзитом к демократии, организация ЭТА, подобно Ирландской республиканской армии, разделилась на два лагеря: ETA politico militar – данная организация позиционировалась как не ограничивающаяся вооруженной борьбой, и сохранившаяся старая террористическая «ETA militar». Это было политическим шагом в одном ключе с политическим курсом тогдашней Испании. Новое образовавшееся крыло ЭТА оставалось на нелегальном положении. Испанский «переход к демократии» (1975–1982) практически не повлиял на идеологию ЭТА; при этом была возрождена БНП. БНП в предвыборных гонках выступала с лозунгом «Фуэрос – это наша конституция», таким образом привлекая на свою сторону националистически настроенное население. Она обосновывала свою критику правом «наций на самоопределение». В 2005 году руководство ИРА заявило о прекращении вооруженной борьбы. ЭТА самораспустилась в 2018 году [Walsh 2007].

«Spain is different»: современная концепция «Espanolidad»

Современная концепция «Españolidad» не ограничивается культурной доктриной кастилизации испанских регионов. Культурная

и национальная политика заключается в признании специфических черт этнокультурной региональной идентичности «автономных сообществ», что выразилось в утверждении Испанского государства автономий и в современном национальном девизе «Spain is different». Большинство граждан Испании, жителей автономных сообществ, имеют двойную коллективную идентичность – региональную (каталонскую, баскскую, галлисийскую, кастильскую и др.) вместе с испанской гражданской коллективной идентичностью. Испанские регионы, имея статус «автономных сообществ», разделяют единую испанскую национальную гражданскую идентичность. Таким образом, с точки зрения Генри Камена, «черная легенда» уже потеряла актуальность у себя на родине, в Великобритании и в США, но при этом она обрела вторую жизнь в среде испанских региональных националистов.

Заключение

«Españolidad» – теократическая христианская доктрина, обосновывающая единство Испанской империи, возникшая в XVI веке, одновременно с созданием Испанской колониальной империи. Утверждение Испанской колониальной империи происходило в эпоху Реформации, когда Испанская империя являлась главным борцом с распространением протестантизма. Под влиянием распространения романтизма в Испании был сформирован романтический образ Кастилии-ла-Манча, сыгравший ключевую роль в эпоху Реконкисты, что привело к объединению испанского государства, что стало предпосылкой распространения «Castelañocentrismo» в среде участников «Поколение 98 года», особенно консервативно-настроенной их части. Распространение «Castelañocentrismo» обосновало кастилизацию испанских регионов. Утверждение испанской колониальной империи создало опасения в протестантских странах, соперничающих с Испанской империей, что привело к распространению «черной легенды» с XVI века, являющейся антииспанской пропагандой, основывающейся на негативном образе Испанской империи как страны надменных идальго и кровожадных инквизиторов. Многие баскские и каталонские региональные националисты рассматривали «Castelañocentrismo» как выражение кастильского империализма, что привело к возникновению образа Кастилиила-Манча как имперской колониальной метрополии, порабощающей и грабящей испанские регион, приняв таким образом точку зрения

сторонников «черной легенды». На основе идеализации испанского государства XVI века испанскими консерваторами был создан образ Испанской империи Золотого века, что привело к возникновению «белой легенды», являющейся ответом на распространение «черной легенды», что получило выражение в возникновении консервативной концепции «Hispañidad». После испанского «перехода к демократии», когда произошел отказ от франкистской доктрины «Nacionalcatolicismo», ориентированной на нивелирование региональных различий. Большинство граждан современной Испании, жителей автономных сообществ имеют двойную коллективную идентичность: региональную идентичность (каталонскую, баскскую, галлисийскую, кастильскую и др.) и испанскую национальную коллективную идентичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дамс Г. Х. Франсиско Франко. Солдат и глава государства / Д. Х. Гюнтер. Ростов н/Д: Феникс, 1999. [Dams, G. Kh. (1999). Fransisko *Franko. Soldat i glava gosudarstva* / D. Kh. Gyunter. Rostov n/D: Feniks. (In Russ.)].

Жаде А., Куква Е. С., Ляушева С. А., Шадже А. Ю. Многоуровневая идентичность. Майкоп: Качество, 2006. [Zhade, A., Kukva, E. S., Lyausheva, S. A., Shadzhe, A. Yu. (2006). Mnogourovnevaya identichnost'. Maikop: Kachestvo. (In Russ.)].

Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания / пер. А. Матвеева. Ермак; АСТ, 2003. [Ortega-i-Gasset, Kh. (2003). Beskhrebetnaya Ispaniya, transl. by A. Matveev. Ermak; AST. (In Russ.)].

Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1990. [Freud, S. (1990). Yaroshevskii, M. G. (ed.), *Psikhologiya bessoznatel'nogo : sb. proizvedenii*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)].

Balfour S., Quiroga A. España reinventada. Nación e identidad desde la transición. Península, Barcelona, 2007.

Español Bouché L., La Leyenda Negra: una denuncia de Julián Juderías (español) // La Aventura de la Historia. Español Bouché, 2008.

Gijón M. M. Los (anti)intelectuales de la derecha en España. De Jiménez Caballero a Jiménez Losantos. RBA. Madrid, 2011.

Morales et al. La historia de la nacion y del nacionalismo espanol / Morales Moya A., Fusi Aizpurua J. P. y Blas Guerrero de A. Galaxia Gutenberg, Circulo de Lectores, 2006.

Maltby W. S. The Black Legend in England. The Development of anti-Spanish Sentiment, 1558–1660. Durham N. C.: Duke University press, 1971.

Perez-Agote A. Sociologia del Nacionalismo. Vizcaya: Universidad del Pais Vasco, 1989.

Walsh A. L. Arturo Pérez-Reverte: narrative tricks and narrative strategies. London: Tamesis Books, 2007.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 9 (838)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 9 (838)

Ответственный редактор выпуска 9 (*838*)
кандидат филологических наук доцент С. А. Андреева

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 24.12.2020
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 18,5.
Заказ № 113/20

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.